

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИTM

www.vopreco.ru

В НОМЕРЕ :

**Будущее российского
экономического образования**

**Концепт «невидимой руки»:
к 300-летию Адама Смита**

**Прогнозирование поворотных точек
российского экономического цикла**

10

2 0 2 3

ВСЕРОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Вопросы ЭКОНОМИКИ

TM

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С 1929 г.

октябрь 10 2023

Редакционная коллегия

О. И. Ананьин, Р. С. Гринберг, Н. И. Иванова, А. Я. Котковский (исполняющий обязанности главного редактора), Я. И. Кузьминов, В. А. Мау, А. Д. Некипелов, Г. Х. Попов, С. Н. Попов (ответственный секретарь), Вад. В. Радаев, А. Я. Рубинштейн, **Е. Г. Ясин**

Х. Канамори (Япония), Гж. Колодко (Польша), Л. Конг (Китай), Л. Чаба (Венгрия), М. Эллман (Нидерланды), М. Эмерсон (Великобритания)

МОСКВА

Voprosy Ekonomiki

[Issues of Economics]

Since 1929

October

10

2023

EDITORIAL BOARD

Oleg Ananyin

HSE University,
Russian Federation

Ruslan Grinberg

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Natalya Ivanova

Primakov National Research Institute of
World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Andrey Kotkovsky (Executive Editor)

NP “Voprosy Ekonomiki”,
Russian Federation

Yaroslav Kouzminov

HSE University,
Russian Federation

Vladimir Mau

Russian Federation

Alexander Nekipelov

Moscow School of Economics,
Lomonosov Moscow State University,
Russian Federation

Gavriil Popov

International University in Moscow,
Russian Federation

Sergey Popov

(Executive Secretary)
NP “Voprosy Ekonomiki”,
Russian Federation

Vadim Radaev

HSE University, Russian Federation

Alexander Rubinstein

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Evgeny Yasin

HSE University, Russian Federation

Hisao Kanamori (Japan), **Grzegorz Kolodko** (Poland), **Li Cong** (China), **László Csaba** (Hungary),
Michael Ellman (Netherlands), **Michael Emerson** (Great Britain)

AIMS AND SCOPE

Voprosy Ekonomiki is a leading Russian economic journal. It publishes the top theoretical and empirical research on macroeconomic policies and institutional reforms in Russia. The journal also welcomes more general submissions dealing with the political economy of institutional change as well as economic sociology, economic history, regional economic studies, analysis of particular markets and industries, international economics, and history of economic thought. *Voprosy Ekonomiki* serves as an important forum for the Russian economic community. All articles are subject to a rigorous peer-review process.

ISSN 0042-8736. Frequency: published monthly—12 Issues per year.

Publisher: NP “Redaktsiya zhurnala ‘Voprosy Ekonomiki’”.

Homepage: www.vopreco.ru. Email: mail@vopreco.ru

© 2023 NP “Voprosy Ekonomiki”. All rights reserved.

Вопросы теории

- А. А. Аузан, А. А. Мальцев, А. А. Курдин** — Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего 5

**Экономическая история
и история экономической мысли**

- Д. В. Мельник, О. И. Ананьин** — Дискурс о собственности в советской политэкономии 27
- Р. И. Капелюшников** — Многорукий Адам Смит (*Часть первая*) 53

Макроэкономика

- С. В. Смирнов, Е. Б. Олейник, С. С. Коваленко** — Прогнозирование поворотных точек российского экономического цикла с помощью опережающих индикаторов 75
- В. И. Маевский, С. Ю. Малков, А. А. Рубинштейн** — Макроэкономические условия перехода России к высоким темпам роста: опыт Х-экономики Китая 98

Экономика окружающей среды

- Н. В. Горбачева** — Сравнительный анализ декарбонизации экономики Сибири и Скандинавии: цена, стоимость и ценность энергии 124

Научные сообщения

- А. Б. Рахманов** — Крылатые колесницы Плутоса: бизнес-джеты и бизнес-элиты 149

-
- Льготная подписка на журнал «Вопросы экономики» 160

CONTENTS

Issues of theory

- A. A. Auzan, A. A. Maltsev, A. A. Kurdin** – Russian economic education:
Image of the near future 5

Economic history and history of economic thought

- D. V. Melnik, O. I. Ananyin** – The discourse on ownership in
the Soviet political economy 27
- R. I. Kapeliushnikov** – Multihanded Adam Smith (*Part one*)..... 53

Macroeconomics

- S. V. Smirnov, E. B. Oleynik, S. S. Kovalenko** – Forecasting turning points
of the Russian economic cycle with leading indicators 75
- V. I. Mayevsky, S. Y. Malkov, A. A. Rubinstein** – Macroeconomic conditions
of Russia's transition to high growth rates: China's experience 98

Environmental and ecological economics

- N. V. Gorbacheva** – Comparative analysis of decarbonising economy
in Siberia and Scandinavia megaregions: Price, value and values of energy 124

Research notes

- A. B. Rakhmanov** – The winged chariots of Plutos: Business jets and
business elites..... 149

Вопросы теории

Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего*

А. А. Аузан, А. А. Мальцев, А. А. Курдин

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

Рассматриваются основные изменения в современной экономической науке и образовании — усиление прикладного характера экономических исследований и снижение популярности чисто теоретических изысканий. С одной стороны, все менее обоснованным видится тезис о доминировании неоклассики в экономическом дискурсе. С другой — экономическое образование по-прежнему базируется на неоклассической основе. Это обстоятельство активизирует дискуссию о необходимости обучать студентов рассматривать крупные социально-экономические проблемы через призму различных теоретических подходов, а также усилить эмпирическую составляющую подготовки экономистов. Релевантное современным вызовам российское экономическое образование должно базироваться на трех принципах: 1) обучение широкой палитре эмпирических методов; 2) развитие разнообразия экономического мышления за счет ознакомления обучающихся с различными течениями современной экономической мысли и взглядами их представителей на решение актуальных общественно-экономических вопросов; 3) формирование у студентов комплексного представления о функционировании российской экономики. Возможности отражения этих принципов рассматриваются на примере учебного плана бакалавриата направления «Экономика» экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: экономическая наука, система подготовки экономистов, российское экономическое образование, концептуальное разнообразие.

JEL: A20, B41.

Аузан Александр Александрович (dean@econ.msu.ru), д. э. н., проф., декан экономического факультета МГУ; *Мальцев Александр Андреевич* (almalzev@mail.ru), д. э. н., доцент, и. о. завкафедрой политической экономии экономического факультета МГУ; *Курдин Александр Александрович* (aakurdin@gmail.com), к. э. н., с. н. с., завлабораторией исследований цифровой экономики экономического факультета МГУ.

* Авторы признательны А. В. Богомоловой, В. В. Иванову, В. В. Краскову и А. Р. Маркову за замечания, а также возможность обсуждения важнейших идей работы. Авторы выражают благодарность анонимному рецензенту, чьи комментарии позволили улучшить качество статьи.

Начало XXI в. оказалось богатым на события, которые заставили говорить о необходимости изменить содержание экономического образования. Практически каждое крупное потрясение — будь то Великая рецессия 2007–2009 гг., пандемия COVID-19 или кризис межгосударственных отношений России и Запада — сопровождалось предложениями реформировать систему подготовки экономистов. «Неудовлетворенность студентов преподаванием макроэкономики, — писал по горячим следам мирового экономического кризиса 2007–2009 гг. нобелевский лауреат Р. Шиллер, — связана с (правильным) чувством того, что модели, которым их учат, носят эфемерный характер и, следовательно, спустя два года они не будут полезны в их практической жизни» (Shiller, 2010. P. 407; здесь и далее перевод наш. — Авторы). Обладатель Нобелевской премии по экономике П. Кругман также сетовал на оторванность современного экономического образования от реальности. Ученый сокрушался по поводу того, что «высшее [экономическое] образование [вместо изучения практических вопросов] стало чрезмерно сфокусировано на тех видах работы, которые позволяют опубликоваться и получить постоянную позицию [в университете]» (Krugman, 2011. P. 311).

От признанных мэтров не отставали и студенты, также активно заявлявшие о своей разочарованности экономическим образованием. «Мы, — утверждали авторы открытого письма, размещенного в 2014 г. представителями Международной студенческой инициативы за плюрализм в экономике¹, — недовольны резким сужением учебного плана, произошедшего в последние несколько десятилетий. Это отсутствие интеллектуального разнообразия не только сдерживает образование и исследования. Оно ограничивает нашу способность противостоять многоплановым вызовам XXI в. — от финансовой стабильности до продовольственной безопасности и изменения климата»². С близкими тезисами после мирового финансового кризиса неоднократно выступали представители образованной в 2011 г. студенческой организации Rethinking Economics³, а созданный в 2009 г. Институт нового экономического мышления запустил проект CORE (Curriculum Open-Access Resources in Economics), призванный научить студентов-экономистов лучше «понимать и дискутировать о том, как лучше решать насущные социальные проблемы»⁴.

«Великий карантин» также заставил специалистов говорить о начале нового этапа в развитии экономической науки и образовании. В частности, в экспертном сообществе стала популярной точка зрения, согласно которой пандемия COVID-19 придала мощное ускорение начавшемуся еще до нее переходу экономической профессии от занятий теоретизированием к работе с данными (Hamermesh, 2013). При этом исследователи указывают на принципиальное отличие в характере используемых экономистами эмпирических материалов. Теперь экономисты все чаще не используют государственную статистику, а опираются

¹ Движение, объединяющее 65 студенческих ассоциаций из 30 стран.

² An International Student Call for Pluralism in Economics. <http://www.isipe.net/open-letter/>

³ Rethinking Economics. <https://www.rethinkeconomics.org/about/>

⁴ About CORE Econ. <https://www.core-econ.org/about/>

на данные, получаемые от частного сектора, скажем, «процессоров кредитных карт, фирм, оказывающих услуги расчета заработной платы, а также организаций, предоставляющих финансовые сервисы» (Chetty et al., 2020b. P. 1), в результате перед ними открывается возможность «изучать экономическую активность в реальном времени» (Chan, 2021. P. 1).

Этот феномен, получивший название «революции реального времени»⁵, уже начал прокладывать себе дорогу в образовании. Так, «экономике реального времени» (Chetty et al., 2020a) с 2019 г. безуспешно внедряет в учебный процесс Р. Четти, обладатель медали Дж. Б. Кларка. В его курсе «Использование больших данных для решения экономических и социальных проблем» в Гарварде студентам демонстрируются возможности новейшего инструментария количественного анализа для изучения проблем в таких областях, как «равенство возможностей, образование, инновации, предпринимательство, здравоохранение, изменение климата и преступность»⁶.

Казалось бы, подобный поворот в сторону реальности должен восприниматься исключительно с положительной стороны. Ведь, на первый взгляд, экономисты перестают быть надменными обитателями башни из слоновой кости и превращаются, как мечтал Дж. М. Кейнс, в «дантист[ов] — скромных, честных мастеров своего дела», занимающихся не строительством химеричных теорий, а решением насущных вопросов развития общества (Кейнс, 2009. С. 67). Однако эмпиризация экономического дискурса вызвала неоднозначную оценку специалистов. Некоторые из них опасаются, что «студенты Четти никогда не узнают о практически невидимых и не поддающихся количественному измерению» явлениях (Boudgeaux, 2020). Другие напоминают о том, что экономика не является подразделом статистики, а выступает частью прикладной философии (Mankiw, 2021. P. 17).

Отсюда возникает закономерный вопрос. Можно ли вообще соединить в образовательном процессе широту концептуальных взглядов, на нехватку которой так сетуют одни эксперты, с технической изоционностью анализа, за которую ратуют другие авторитетные ученые? Не менее актуальным видится вопрос о возможности отразить эти противоречивые запросы в российском экономическом образовании. В данной статье мы предложим наше видение того, как эти тенденции могут найти воплощение в системе подготовки экономистов в России.

Конец неоклассической эры и эпоха эмпирического империализма

Прошло без малого четверть века с момента выхода в свет культовой статьи видного знатока методологии экономической науки Д. Коландера, констатировавшей «смерть неоклассической экономической теории»

⁵ A real-time revolution will up-end the practice of macroeconomics. <https://www.economist.com/leaders/2021/10/23/a-real-time-revolution-will-up-end-the-practice-of-macroeconomics>

⁶ <https://www.hks.harvard.edu/courses/using-big-data-solve-economic-and-social-problems>

(Colander, 2000). Однако критики состояния дел в современной экономической науке с упорством, заслуживающим лучшего применения, по-прежнему изображают экономический мейнстрим как оплот адептов «святой [неоклассической] троицы» (Sent, 2018. P. 1383) — рациональности, равновесия и алчности. По их мнению, «основное русло» все так же контролируют неоклассики⁷, которые неустанно подавляют представителей других направлений экономической мысли и не дают им: а) трудоустроиться на экономических факультетах; б) публиковаться в наиболее престижных академических журналах; в) преподавать «не-неоклассические» учебные дисциплины; г) знакомить студентов с альтернативными неоклассике традициями в рамках курсов по истории экономических учений, вытесняемых из учебных планов предметами с выраженной неоклассической составляющей (Onye, 2014. P. 7).

Список встречающихся в современной литературе «козней», якобы чинимых неоклассиками экономистам, не разделяющим их теоретико-методологические принципы, можно продолжать практически бесконечно. Разбираться в лабиринтах аргументации сторонников подобных воззрений не входит в наши планы⁸. В контексте разговора гораздо интереснее проверить, опираясь прежде всего на результаты современных социологических и библиометрических исследований, насколько оправданы претензии, предъявляемые неоклассикам.

Пожалуй, одним из главных клише, активно используемых критиками состояния дел в экономической науке, является ее отождествление с неоклассикой. На самом деле даже в США, считающихся цитаделью неоклассической экономической теории, это направление мысли всецело поддерживают 44% докторантов самых престижных экономических факультетов (Colander, 2005. P. 184). В Германии неоклассика занимает умы меньше половины экономистов: только 42% из них декларируют свою приверженность неоклассической традиции (Frey et al., 2010. P. 319). Исследования Х. Андере и соавторов показали, что в Мексике неоклассические постулаты полностью разделяют менее $\frac{1}{3}$ преподавателей и исследователей в области экономических наук (Andere et al., 2020. P. 11). Вдвое меньшей популярностью (17,61%) неоклассика пользуется в Италии (De Benedictis, Di Maio, 2016. P. 466), а в Польше удельный вес сторонников неоклассики в общей массе участников репрезентативных опросов академических ученых не превышает 15,2% (Konat et al., 2019. P. 250–251). Еще менее заметны приверженцы неоклассической теории среди экономистов Португалии и России, где их доля составляет 12,5% (Mendes de Sousa, 2015. P. 34) и 9,7% (Мальцев, 2016), соответственно.

Как видим, найти количественное подтверждение популярного тезиса «в экономической профессии доминируют неоклассики» не удается. Тогда, возможно, неоклассики, не преобладавая в численном отношении, удерживают контроль за ведущими журналами, допуская на их страницы работы, выдержанные исключительно в неоклассическом ключе? Сухая статистика легко развенчивает и эти представ-

⁷ Например, см.: Herrera, 2022. P. XI; Roos, Hoffart, 2020. P. 7.

⁸ Подробнее см., например: Мальцев, 2018; Cedrini, Fontana, 2018; Davis, 2019.

ления. Скажем, в *Quarterly Journal of Economics* за 2000–2022 гг. вышло лишь 2 статьи с JEL-кодом E13 Neoclassical⁹, а в *American Economic Review* (за 2006–2016 гг.) появилось 19 материалов, попавших в эту рубрику¹⁰. Для понимания масштаба присутствия неоклассики в авторитетной научной периодике заметим, что в начале 2010-х годов в *American Economic Review* ежегодно выходило свыше 120 статей (Card, DellaVigna, 2013. P. 27). Впрочем, ученые, работающие в рамках неоклассической теории, не всегда маркируют свои труды соответствующим JEL-кодом, а использование библиотечного классификатора в качестве критерия отнесения работы к той или иной теоретико-методологической традиции грешит известной условностью.

Во избежание этих упреков обратимся к результатам более широких наукометрических исследований. Так, проведенный Г. Вейем анализ частоты упоминания ключевых слов в текстах аннотаций и названиях статей, опубликованных в 2012–2016 гг. в пяти наиболее престижных журналах по экономике¹¹, позволил установить, что такие, казалось бы, сакральные для неоклассиков понятия, как «рациональность», «максимизация» или «полезность», не входят в составленный исследователем список из 56 самых часто встречающихся в этих изданиях терминов (Wei, 2018). Вместо «неоклассических» верхушку списка наиболее частотных словосочетаний занимают синтаксические конструкции, указывающие на оправданность все более часто встречающихся заявлений специалистов о «закате неоклассической эры» (Rosser, 2021. P. 117) и о начале эмпирической эпохи в экономических исследованиях (Panhans, Singleton, 2017). Например, по суммарному числу упоминаний словосочетания «эмпирический анализ», «экспериментальное доказательство», «эмпирическое доказательство» и «естественный эксперимент» занимают третье место, пропуская вперед только дежурные фразы «JEL-код» и «личная информация» (Wei, 2018). На схожие выводы наталкивают итоги исследования Дж. Ангриста с коллегами, использовавших приемы машинного обучения для изучения 134 892 статей, опубликованных в 80 авторитетных экономических журналах в 1980–2015 гг. «В начале — середине 1980-х годов, — замечают специалисты, — взвешенная доля эмпирических статей составляла примерно треть... [она] неуклонно росла примерно с 1985 г. и в настоящее время превышает 55% [общего числа работ]» (Angrist et al., 2017. P. 295–296). О возникновении новой формы экономического мейнстрима — «измерительном мейнстриме», серьезно потеснившем неоклассический, — пишут М. де Фрей и Л. Пенсьеросо, установившие, что за период 1970–2018 гг. удельный вес чисто теоретических статей в общем объеме публикаций в четырех ведущих периодиче-

⁹ https://academic.oup.com/qje/search-results?q=&tax=JEL%2fE13&rg_ArticleDate=01/01/2000%20TO%2012/31/2022&dateFilterType=range&noDateTypes=true&rg_SearchResultsPublicationDate=01/01/2000%20TO%2012/31/2022&rg_VersionDate=01/01/2000%20TO%2012/31/2022

¹⁰ <https://www.aeaweb.org/journals/aer/search-results?ArticleSearch%5Bwithin%5D%5Barticleabstract%5D=1&JelClass%5Bvalue%5D=0&journal=1&ArticleSearch%5Bq%5D=E13>

¹¹ *American Economic Review*, *Journal of Political Economy*, *Quarterly Journal of Economics*, *Review of Economic Studies* и *Econometrica*.

ских изданиях по экономическим наукам¹² снизился с 64,8 до 23,9%, а в широком смысле слова доля неоклассических публикаций упала с 41,3 до 1,3% (De Vroey, Pensiero, 2021. P. 24, 28).

По-видимому, далеко не случайно разговоры о вступлении экономической науки в прикладную эпоху стали едва ли не общим местом в профессиональной литературе¹³. Одновременно с этим изменился образ «идеального» экономиста. На протяжении, как минимум, последних полутора столетий экономисты часто представляли в образе надмирных гениев, подобно физикам-теоретикам, занимающихся постижением тайн мироздания в тиши своих кабинетов. Теперь же, по мнению Р. Бэкхауса и Б. Шеррье, настало время экономиста-прикладника, занятого решением земных вопросов и опирающегося при этом не столько на высокую теорию, сколько на «лабораторные эксперименты, рандомизированные контролируемые испытания, анализ естественных экспериментов и создание баз данных» (Backhouse, Cherrier, 2017. P. 1–2). Эту готовность современных экономистов «испачкать руки» прекрасно отражает метафора, предложенная Э. Дюфло: «Экономист как водопроводчик» (Duflo, 2017). Для объяснения ее сути приведем слова самой нобелевской лауреатки: «Как дисциплину нас несколько подкосила „зависть перед физикой“ — поиск окончательного научного ответа на все вопросы... [водопроводчик же] больше озабочен тем, „как“ сделать вещи, чем тем, „что“ надо делать. В стремлении хорошо осуществить государственную политику она готова повозиться. Полевые эксперименты — ее предпочтительный инструмент» (Duflo, 2017. P. 23, 3).

Хотя «ремесленизацию» профессии научное сообщество встретило неоднозначно¹⁴, приходится признать, что экономическая наука стала практико-ориентированной, как никогда ранее. При этом для того чтобы удостовериться в этом, совсем не обязательно проводить сложные библиометрические расчеты, а вполне достаточно посмотреть содержание, скажем, свежего (№ 2 за 2023 г.) номера *Quarterly Journal of Economics*. Из опубликованных в нем материалов можно, например, лучше понять роль теледебатов в формировании выбора избирателей, их убеждений и политических предпочтений (Le Pennec, Pons, 2023). Ознакомившись с другой работой из этого же выпуска журнала, читатели узнают о влиянии федерального финансирования на результаты инновационной деятельности сотрудников американских университетов (Babina et al., 2023). Приводить примеры растущей эмпиризации исследовательского пространства можно долго, но очевидно, что даже если Д. Коландер и Н. Смит (Smith, 2013) немного погорячились, провозгласив смерть неоклассики и теоретической экономики, то общий тренд развития современной экономической науки они уловили верно.

Здесь, впрочем, необходимо сделать ряд важных уточнений. Прежде всего, мы не считаем сдвиг экономики в сторону эмпирики чем-то вечным, а эпоху теорий безвозвратно ушедшей. На наш взгляд, развитие экономической науки можно представить в виде маятникообразного движения от

¹² К их числу ученые отнесли *American Economic Review*, *Journal of Political Economy*, *Quarterly Journal of Economics* и *Econometrica*.

¹³ Подробнее см., например: Backhouse, Cherrier, 2017.

¹⁴ Подробнее см.: Su, Colander, 2021.

теории к эмпирике и обратно¹⁵. Поэтому нельзя исключить, что новую эру «измерения без теории» (Coormans, 1947) сменят очередные «годы высокой теории» (Shackle, 1967). Кроме того, фиксируемое в современной литературе избавление экономистов от «моделемании» и начало их бурного увлечения «датомикой» (Oliveira, Dávila-Fernández, 2020), превращающее экономику в предмет, связанный не столько концептуальной общностью, сколько единством инструментального аппарата¹⁶, не стоит трактовать как призыв к скорейшей окончательной зачистке экономического дискурса от неоклассики. Для немалого числа экономистов языком профессиональной коммуникации (своеобразным метаязыком¹⁷) по-прежнему остается неоклассика, пусть и серьезно размытая за последние десятилетия различными не неоклассическими «включениями». Поэтому искусственный отказ от нее чреват вавилонским столпотворением. Интересно выяснить, находит ли сдвиг от «неоклассического к неоэмпирическому формату» занятия наукой (Siegfried, Colander, 2022) отражение в экономическом образовании? Возможно, неоклассики, теснимые эмпиристами в академической сфере, прочно закрепились в образовательных центрах?

Начнем с того, что при первом приближении сторонникам видения экономического образования в качестве неоклассической твердыни трудно возразить. Например, недавнее исследование состояния дел в экономическом образовании Нидерландов показало, что 86% учебного времени, предназначенного для изучения экономической теории, отводится обучению студентов неоклассическим догматам (Tieleman et al., 2017. P. 73). Более того, погружение обучающихся в неоклассику начинается не в университетах, а в средних школах. Так, из подготовленного Э. Адамсом обзора литературы, посвященной анализу преподавания экономики американским старшеклассникам, вытекает однозначный вывод: «Неоклассическая экономическая теория выступает „официальным знанием“, лежащим в основе учебного плана» (Adams, 2019. P. 131).

На первый взгляд, после подобных доводов впору согласиться со специалистами, сетующими на бессмысленность каких бы то ни было разговоров о положительных изменениях в экономической науке, пока приобщение к их учению остается непременным атрибутом подготовки будущих экономистов. Однако не будем спешить с выводами. Как представляется, мерилom силы теории является не столько показатель числа людей, ознакомившихся с ее принципами, сколько глубина их проникновения в профессиональное мировоззрение. О том, насколько прочно неоклассика закрепилась в сознании специалистов, отчасти говорят итоги исследования, проведенного в июне 2022 г. *Rethinking Economics USA*. Среди вопросов, касающихся видения студентами-экономистами¹⁸ социально-экономических вызовов, стоящих перед США, респондентов спросили о том, какие школы экономической мысли доминируют в образовательном процессе. Как оказалось, большая часть участников опроса (32%)

¹⁵ Подробнее см.: Мальцев, Розинская, 2021.

¹⁶ Например, см.: Harris et al., 2022.

¹⁷ Подробнее см.: Тутов, Шаститко, 2021.

¹⁸ Помимо студентов-экономистов, в исследовании участвовали представители других дисциплин, которым не задавали вопросы о том, с какими направлениями экономической мысли они знакомились в ходе обучения.

полагает, что их учили классической политэкономии (classical economics) и только 13% — неоклассике (neo-classical economics)¹⁹. Конечно, эти цифры прежде всего заставляют задуматься о правдоподобности спекуляций на тему тотального контроля неоклассиков над умами подрастающего поколения экономистов. Однако, на наш взгляд, результаты исследования *Rethinking Economics* высвечивают гораздо более важный пласт проблем. За непониманием студентами того, какой экономической теории их учат, просматриваются, как минимум, два важных вызова: 1) недостаточная увязка теории с практикой; 2) нехватка концептуального разнообразия. Рассмотрим, как современная система подготовки экономистов (не)пытается удовлетворить эти чаяния и какие подводные камни существуют на пути эмпиризации и плюрализации экономического образования.

Во-первых, «неразборчивость» студентов в теоретических вопросах можно интерпретировать как проявление их бессознательного протеста против теоретического, лишённого связи с реальной экономикой подхода к преподаванию экономических дисциплин. «[Какой смысл] учиться строить модели, даже не зная, что это за модель и для чего она нужна», — задается вопросом один из участников опроса студентов-экономистов британских университетов (Earle et al., 2016. P. 47). Трудно не согласиться с Ш. Пюрингером и Л. Бейерле, чье полевое исследование показало, что излишне абстрагированная от экономической реальности система подготовки экономистов превращается в начетничество, фрустрирующее учащихся немецких вузов и отбивающее их тягу к изучению экономики (Pühringer, Bäuerle, 2019). Этот неутешительный вердикт как будто указывает на большие перспективы эксперимента Четти по эмпиризации экономического образования, о котором мы говорили во введении. Ведь масштабирование данного опыта за пределы Гарварда позволит экономистам не тратить время на освоение какой-либо теории и, вооружившись новейшими технологиями (прежде всего, большими данными и искусственным интеллектом), начать изучать наболевшие проблемы общества (социальную мобильность, имущественное неравенство, налоговую политику, климатические изменения и др.). Полностью поддерживая активизацию использования инновационного инструментария, заметим, что радость по поводу избавления от витания в теоретических облаках может оказаться преждевременной. Парадоксально, но подобный разворот в сторону изучения «больших» проблем, как небезосновательно считают Дж. Зигфрид и Коландер, грозит окончательной утратой экономистами навыков критического мышления — умения задавать вопросы «как» и «почему». Американские специалисты предупреждают, что взращенные в духе Четти студенты рискуют стать заложниками одного набора методов, а результаты, полученные благодаря их использованию, будут казаться людям, прошедшим курс гарвардского профессора, вековыми истинами (Siegfried, Colander, 2022). Восприятие экономики как ящика с инструментами, содержащего ответы и рекомендации едва ли не на все социально-экономические вопросы, может привести к снижению желания экономистов участвовать в обсуждении этих проблем

¹⁹ Economics is failing US college students. https://www.rethinkeconomics.org/wp-content/uploads/2022/10/Economics-is-Failing-US-College-Students_surveyResults.pdf

и, соответственно, к расширению пропасти между представителями экономической профессии и обществом (Nik-Khah, Van Horn, 2012). Поэтому, на наш взгляд, наряду с инструментальными (Chetty style) курсами обязательным элементом системы подготовки современных экономистов (особенно на начальном этапе) должны быть теоретические курсы, в которых анализируемые модели помещаются в широкий социально-экономический контекст²⁰.

Во-вторых, неспособность студентов определить, какая теория лежит в основе их образовательных программ, сигнализирует о дефиците возможностей приобщиться к богатейшей палитре современных течений экономической мысли. Данные проведенного в середине 2010-х годов исследования содержания курсов по экономическим дисциплинам, реализуемых 7 авторитетными британскими университетами²¹, показали, что только в 17 из 172 учебных программ упоминались какие-то альтернативные неоклассике подходы (Earle et al., 2016. Р. 61). Любопытное объяснение подобного положения дел предложил Дж. Акерлоф. По мнению нобелевского лауреата, современные представители экономической профессии страдают от «греха бездействия»: необходимость излагать свои идеи в максимально строгой математической форме заставляет экономистов опираться на уже отработанную методологию, а также всячески избегать неизвестных подходов из-за необходимости тратить время на их формализацию и разработку нового аналитического инвентаря (Akerlof, 2020). Объяснения причин недостатка концептуального разнообразия в современном экономическом образовании можно продолжать, но мало кто из современных специалистов возражает против необходимости обучать студентов владению разной теоретико-методологической оптикой. Однако в стремлении избавить экономическое образование от иногда кажущегося избыточным неоклассического «привкуса» некоторые специалисты заходят настолько далеко, что складывается впечатление, будто они хотят вместо неоклассической установить гегемонию другой школы экономической мысли. Естественно, нет никакой уверенности, что монополия условного посткейнсианства лучше монополии неоклассики. Еще тревожнее, когда концептуальное разнообразие рассматривается как вытеснение экономического мейнстрима альтернативными по отношению к нему направлениями экономической мысли (так называемой гетеродоксией)²². Как объясняет Д. Койл, «увязка плюрализма с гетеродоксальными экономическими теориями ошибочна... плюрализм — это... готовность непредвзято анализировать экономические проблемы с различных альтернативных позиций (включая гетеродоксальные)» (цит. по: Helgerman, 2014. Р. 65). Поэтому

²⁰ Хорошим примером контекстуализации базовых экономических моделей и категорий является серия учебников «In context» Н. Гудвин и соавторов: Goodwin et al., 2022; 2023.

²¹ Кембриджский университет, Королевский университет Белфаста, Университет Глазго, Манчестерский, Шеффилдский, Эксетерский университеты и Лондонская школа экономики.

²² Под гетеродоксией в современной литературе, как правило, понимают конгломерат направлений экономической мысли, которые не вошли в мейнстрим экономической науки. К важнейшим направлениям гетеродоксальной экономической теории обычно относят представителей различных течений посткейнсианства, радикальной политэкономии, неоавстрийской традиции, эволюционной экономической теории и исходного институционализма. Подробнее см.: Баженов, Мальцев, 2018.

при проектировании курсов, направленных на плюрализацию экономического образования, важно не делать исключений, а учитывать позиции представителей как можно более широкого круга направлений современной экономической науки.

Подводя промежуточные итоги, еще раз подчеркнем: новейшие исследования убедительно свидетельствуют о том, что в наши дни экономисты стали бесконечно далеки от шаржированного образа отстраненных от реальности приверженцев незыблемых догматов неоклассики — ничем не ограниченной рациональности, максимизирующего поведения и равновесия. В настоящее время экономисты, используя самые современные количественные методы анализа данных, изучают и предлагают пути решения острых социально-экономических проблем. В результате экономика становится все более прикладным и практически значимым предметом, тем самым разрушая стереотипы об экономистах как о людях, живущих исключительно в вымышленных теоретических мирах.

Экономическое образование пока полностью не адаптировалось к изменениям, происходящим на переднем крае науки. Впрочем, история показывает (достаточно вспомнить внедрение в образовательный процесс результатов маржиналистской революции), что такого рода «асинхронность» отнюдь не черта современности. В недалеком будущем плоды эмпирической революции неизбежно революционизируют образовательный процесс. Однако важно не выплеснуть вместе с водой ребенка. Колоссальные возможности, открываемые эмпирическим поворотом для экономического образования, не могут заслонять того, что квалифицированные экономисты помимо владения широкой номенклатурой технических методов анализа должны быть знакомы с обширной панорамой экономических концепций и уметь применять их для изучения реальной экономики. О том, как соединить эти три составляющие подготовки экономистов в российском экономическом образовании, речь пойдет в следующем разделе статьи.

Три составляющие подготовки и пять характеристик российских экономистов

Дискуссия о том, каким должно быть экономическое образование в России, идет уже не одно десятилетие. Одни специалисты говорят о тяжком наследии марксизма-ленинизма и настаивают на необходимости ориентироваться на глобальные научно-образовательные тренды (см.: Ениколопов, 2022). Другие, напротив, считают, что российское экономическое образование может развиваться «в противовес так называемому современному мейнстриму в экономической теории»²³. Третьи видят в мейнстриме не ценностно-нейтральное техническое средство, помогающее в решении острых социальных проблем, а инструмент привития ложной системы морально-этических координат (см.: Глазьев, 2019).

Наши размышления о том, каким должно быть экономическое образование в России 2020-х годов, начнем с того, что нельзя лакировать

²³ См.: <https://rg.ru/2023/03/02/novoe-vremia-novye-kursy.html>

действительность. Скептическое отношение к содержанию программ подготовки экономистов в российских вузах небесспорно. В 1990-е годы рецепция идей, развиваемых в рамках глобального экономического дискурса, шла крайне поверхностно. Из-за этого многих постсоветских экономистов небезосновательно обвиняли в создании своеобразного карго-культа перед зарубежной экономической наукой. Гримаса истории заключалась в том, что на смену догматическому марксизму пришла не менее схоластическая (квази)неоклассика, причудливым образом сочетающаяся с неизжитыми элементами марксистского учения²⁴. В итоге под видом «западной экономической мудрости» российским студентам предложили «смесь из марксизма, здравого смысла и элементов еconomics» (Макашева, 2006. С. 23–24).

Иная ситуация сложилась в некоторых ведущих российских университетах, где в советские годы появились научные школы, в рамках которых за фасадом казенного марксизма создавались подходы (с известными оговорками), вписывающиеся в мировой дискурс. Например, на кафедре политической экономии экономического факультета (ЭФ) МГУ, выходцы из которой в 1990–2000-е годы стали проводниками отечественных экономистов в мир институционализма²⁵, развивались идеи, созвучные концепциям Дж. К. Гэлбрейта и Д. Бромли (Аузан, Шаститко, 2021). Представители кафедры организации и планирования народного хозяйства МГУ небезуспешно продолжали традицию межотраслевого анализа, обычно связываемую с именем В. В. Леонтьева (Клепач, Широков, 2021), а теория социально-экономического генотипа, созданная профессором кафедры математических методов анализа экономики Е. З. Майминасом, как считают специалисты, в ряде аспектов превосходила наработки таких корифеев эволюционной теории, как Р. Нельсон и С. Уинтер (Тамбовцев, 2014).

Умение теоретизировать, хорошее владение математическими методами и глубокое понимание российской социально-экономической действительности позволили сотрудникам ЭФ уже к середине 1990-х годов подготовить широкую линейку курсов, базирующихся на достижениях мировой экономической науки и одновременно глубоко погружающих студентов в отечественные хозяйственные реалии. В 2020-е годы эти составляющие подготовки экономистов стали еще более актуальными. Осмысление новых вызовов, с которыми столкнулась российская экономика, требуют от студентов умения ставить большие мировоззренческие вопросы и одновременно отвечать на них при помощи современного технического инструментария. Используя метафору Дюфло, российские экономисты должны быть и технарями-водопроводчиками, и архитекторами, ориентирующимися в разнообразии концептуальных подходов, избегающими узко инженерного — STEM — подхода к видению социально-экономической реальности²⁶.

²⁴ Подробнее см.: Мальцев, Ковалев, 2020.

²⁵ Здесь достаточно назвать Я. И. Кузьминова, Р. М. Нуреева и А. Е. Шаститко.

²⁶ STEM (Science, Technology, Engineering, and Mathematics) — набор дисциплин, которые обычно относятся к категории точных и естественных наук. В последние годы участились попытки отнести экономику к STEM области. О некоторых особенностях инженеризации экономики подробнее см.: Marshall, Underwood, 2022.

Наконец, можно согласиться с Д. Родриком, полагающим, что будущим экономистам следует не только овладеть навыками ориентации в многообразии моделей, но и разбираться в «этике социальной жизни» (Rodrik, 2018. P. 280), а также уметь применять свои знания для решения задач, стоящих перед своей страной и обществом.

Сформулируем актуальную, с нашей точки зрения, триединую «формулу» экономического образования для современной России. В обобщенном виде она выглядит так: фундаментальная подготовка в области современных эмпирических методов + прививка концептуального разнообразия + знание российских социально-экономических реалий. Применительно к учебному процессу данная формула распадается на три основные составляющие.

1. Блок учебных предметов, развивающих практико-ориентированные навыки, в рамках современного мейнстрима. Экономисты должны уметь использовать эконометрические модели и количественные подходы к анализу социально-экономических явлений. Прикладной характер современного мейнстрима открывает перед экономистами, овладевшими его методами, широкие карьерные возможности в государственных ведомствах, банковском и корпоративном секторах. Экономисты, не владеющие подходами и приемами количественного анализа, используемыми представителями магистрального течения экономической науки, неконкурентоспособны на современном рынке труда. Скажем, едва ли находиться в нем будет комфортно для человека, не знающего, как применять в социально-экономических исследованиях большие данные, машинное обучение и нейросетевые языковые модели.

2. Блок дисциплин, направленных на ознакомление студентов со взглядами представителей современного мейнстрима и альтернативных направлений экономической мысли на ключевые социально-экономические вызовы современности. Экономистов должны отличать широкий кругозор, понимание ограниченности теоретических моделей и приемов экономической политики. Для понимания сложности современного мира студентам важно показать, как экономисты, представляющие разные направления экономической мысли, смотрят на проблемы (де)глобализации, устойчивого развития, бедности, неравенства, цифровизации, будущего экономического роста и роли государства в современной экономике. Развивать эти навыки можно, демонстрируя студентам разнообразие взглядов на заботящие современное общество социально-экономические вопросы как представителей «основного течения», так и специалистов, работающих в рамках гетеродоксальной экономической теории. Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о знакомстве студентов не с одной школой мысли, а с широкой номенклатурой направлений экономической науки и практических рекомендаций их представителей. Подобный полифонический взгляд выступит хорошей прививкой от интеллектуального монизма — веры в незыблемую справедливость какой-то одной системы взглядов на экономическую теорию и практику.

3. Блок прикладных дисциплин, раскрывающих особенности развития экономики России. Экономисты должны уметь применять полученные знания к анализу актуальных проблем экономики и общества, а также российской социально-экономической практики. Эти компе-

тенции могут развиваться как в рамках уже существующих курсов по микро- и макроэкономике, в которых будет усилена контекстуальная составляющая, так и в новых учебных предметах, раскрывающих особенности воззрений экономистов, принадлежащих к разным направлениям экономической мысли, на острые социально-экономические вызовы. Навыки работы со статистическими данными могут оттачиваться на фактологическом материале о состоянии современной российской экономики. Курсы, направленные на изучение различных аспектов современной мировой экономики, должны быть нацелены на демонстрацию места России в системе международных экономических отношений. Несомненно, необходимо переосмыслить место в учебном плане курсов, раскрывающих специфику функционирования российской экономики.

Заметим, что мы не одиноки в своих соображениях. В некоторых странах экономическое образование в той или иной степени уже выстроено на схожих принципах. Скажем, в Бразилии программы бакалавриата по экономике в обязательном порядке содержат предметы, знакомящие студентов с историей экономических учений, общей и бразильской экономической историей, а также с особенностями современного этапа развития экономики этой страны. В аспирантуре значительной части бразильских вузов мейнстримные курсы дополняются дисциплинами, раскрывающими богатство альтернативных по отношению к «основному руслу» течений экономической мысли (Dequech, 2018. Р. 908, 910). В индийской системе экономического образования мейнстримный базис соседствует с достаточно обширной гетеродоксальной составляющей, которая сочетается с попытками показать обучающимся локальные социально-экономические реалии. В Индии при трудоустройстве на экономические факультеты претенденты на преподавательские должности должны продемонстрировать знание концепций, развиваемых как в рамках основного русла, так и не вошедших в магистральное течение теорий, а также свою осведомленность в области животрепещущих социально-экономических проблем (см.: Bhattacharyya, 2019. Р. 126).

Внимание, уделяемое в ряде развивающихся государств гетеродоксии и анализу национально-страновой специфики функционирования местных экономик, не следует интерпретировать как стремление отойти от изучения достижений экономического мейнстрима. Скажем, в Китае придание в 2017 г. официального статуса «идеям Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» (Борох, 2023. С. 192) не привело к оспариванию большинством специалистов необходимости опоры на аналитическую парадигму современной экономической науки. Так, один из авторитетнейших современных китайских экономистов Линь Ифу отстаивает мысль о том, что для повышения международного престижа оригинальных китайских экономических идей их следует «излагать с помощью общепринят[ых] модел[ей]» (Борох, 2019. С. 32). Концепции, развиваемые некоторыми видными китайскими учеными, называют неортодоксальной ортодоксией — «частью мейнстримного экономического теоретизирования» (Aberg, Becker, 2020. Р. 815), пытающейся описать китайские рецепты социально-экономического развития при помощи понятных зарубежным ученым категорий и инструментов (см.: Борох, 2019. С. 32).

Подробный анализ проблем соединения мейнстрима, альтернативных течений мысли и знания реальной экономики в образовательном процессе заслуживает отдельного исследования. В свете поднятых в этом разделе вопросов важно обозначить основные качества, которыми должны обладать современные российские экономисты. Не претендуя на формирование исчерпывающего списка, выделим пять главных, с нашей точки зрения, характеристик.

1. *Экономисты должны уметь адаптировать экономические теории к решению конкретных практических задач, а также избегать зависимости от отдельных концептуальных схем и идеологий.* Изменения в мировой и российской экономике ставят перед экономистами задачу овладеть искусством выбора моделей, релевантных динамично меняющимся социально-экономическим реалиям.

2. *Экономисты должны быть готовы к формированию новой повестки общественного развития.* Для этого, помимо дисциплин, культивирующих навык количественного анализа, в учебном плане значительное место должны занимать социально-гуманитарные предметы, развивающие способности создавать новые смыслы и понимать крупные вызовы (например, цифровую трансформацию).

3. *Экономисты должны обладать актуальными знаниями об экономике России.* В учебном плане должны быть курсы, раскрывающие различные аспекты современного состояния национальной экономики на микро-, мезо- и макроуровнях.

4. *Экономисты должны выносить свои рекомендации, руководствуясь гуманистическими принципами.* Современное понимание экстерналий не позволяет абстрагироваться от последствий любого решения для социума и природы. Необходимо прививать экономистам чувство ответственности перед обществом и окружающей средой — учитывать этические факторы в экономическом анализе и согласовывать практические рекомендации с задачами устойчивого развития.

5. *Экономисты должны уважать глобальное разнообразие обществ и институтов.* Несмотря на встречающиеся в литературе заявления о неизбежной глобализации культурно-институционального пространства, в современном мире по-прежнему существуют общества с разными институтами и культурой, требующими изучения, а не вынесения за рамки аналитических схем.

Некоторые направления адаптации российского экономического образования к вызовам времени

Каким же образом эти принципы могут быть внедрены в российское экономическое образование? Рассмотрим возможности отразить эти установки на примере бакалавриата направления «Экономика» ЭФ МГУ. Отметим, что наши инициативы не революционные. Они давно вызревали в рамках научных школ факультета и вполне укладываются в их традиции. Скажем, исследования работающих здесь демографов, институционалистов, прикладных эконометристов и специалистов по устойчивому развитию известны далеко за пределами МГУ. Важной

отличительной чертой экономического образования на ЭФ МГУ является сочетание основательной подготовки в области микро- и макроэкономики с сохранением полноформатных обязательных курсов по экономической истории и истории экономической мысли, а также достаточно широкой номенклатуры предметов, позволяющих студентам приобщиться к основным достижениям гетеродоксальной мысли.

Говоря языком специалистов по методологии экономической науки, экономическое образование на ЭФ МГУ уже сейчас является примером сочетания современного мейнстрима с «экономикой реального мира»/ *real world economics* — подхода, сторонники которого пытаются уйти от «заучивания [дедуктивных] моделей»²⁷ к индуктивному «взгляду на окружающие нас реалии» (Komlos, 2019. P. 11). Поэтому, как представляется, значительная часть наших предложений уже в той или иной форме присутствует в учебном плане ЭФ. Речь о том, чтобы привнести новые грани в уже существующие курсы и добавить ряд предметов, способных сделать систему подготовки экономистов на ЭФ МГУ еще более созвучной задачам, стоящим перед российской экономикой и обществом. Для экономики места сгруппируем возможные изменения в таблице.

Разумеется, наши предложения не сводятся только к изложенным в таблице тезисам. Однако содержащиеся в ней соображения демонстрируют возможное направление изменений в экономическом образовании, которые, на наш взгляд, способны адаптировать его к новым социально-экономическим вызовам 2020-х годов, избегая при этом ненужных революционных потрясений и сохраняя связь как с глобальным научным дискурсом, так и с лучшими отечественными научно-образовательными традициями. Вполне вероятно, что у других коллег есть альтернативное видение образа и задач современного российского экономического образования. Мы воспринимаем данную статью как приглашение к дискуссии о путях развития преподавания экономических дисциплин в России. Хочется верить, что в ходе этого обсуждения появятся действенные способы, позволяющие российскому экономическому образованию успешно готовить экономистов, не только способных, как мечтал Леонтьев, решать задачи «формулирования подходящих теоретических схем; сбора и систематизации необходимого статистического материала и, наконец, практического применения ранее разработанных теоретических конструкций к анализу фактических данных» (Leontief, 1937. P. 109), но и «понимающих текущие и будущие экономические вызовы, тем самым становящихся информированными и активными гражданами» (Pühringer, Bäuerle, 2019. P. 977).

* * *

Если посмотреть на ландшафт современной экономической науки свободным от предубеждений взглядом, то окажется, что за последние десятилетия в нем произошли серьезные изменения. Сетования на зыбкости неоклассики и оторванность экономистов от изучения реальных

²⁷ 33 theses for an economics reformation. <https://www.newweather.org/wp-content/uploads/2017/12/33-Theses-for-an-Economics-Reformation.pdf>

Т а б л и ц а

Новые курсы и возможные направления изменения существующих предметов в учебном плане направления «Экономика» ЭФ МГУ

Учебный курс	Обязательный/ факультативный	Существующий/ планируемый	Основное содержание / планируемые изменения
Введение в экономику	Обязательный	Существующий	Использование конкретных случаев из российского и зарубежного опыта для раскрытия базовых экономических принципов и категорий
Микро- и макроэкономика	Обязательные	Существующие	Более активная иллюстрация рассматриваемых моделей на примерах из российской социально-экономической практики
История экономических учений	Обязательный	Существующий	Демонстрация влияния социально-экономических реалий на создание экономических теорий прошлых лет и увеличение количества тем, посвященных изучению истории российской экономической мысли
Экономика России	Обязательный	Существующий	Двухкратное увеличение объема курса (с 3 до 6 зачетных единиц) и превращение предмета в регулярно обновляемый курс, раскрывающий на новейших данных основные проблемы российской экономики
Практикум по информационным технологиям	Обязательный	Существующий	Фокус на обучении студентов не только языкам программирования, но и технологиям анализа данных с применением машинного обучения, в том числе при помощи нейросетей
Общественные проблемы и экономическая политика	Обязательный	Планируемый	Студентам будут представлены взгляды ведущих представителей современного мейнстрима и альтернативных направлений экономической мысли на крупные социально-экономические вызовы и способы их решения
Макросоциология для экономистов	Факультативный	Планируемый	Курс направлен на знакомство студентов с макросоциологическим подходом к анализу крупномасштабных социальных явлений (подъем и упадок различных государств, качественные изменения в развитии техники, общественные конфликты и пр.)
Экономика в контексте	Факультативный	Планируемый	Привитие навыков контекстуализации полученных на курсах по микро- и макроэкономике знаний на конкретных кейсах из мировой и российской практики
Введение в современную гетеродоксальную экономическую теорию	Факультативный	Планируемый	Обзор новейших концепций и подходов, развиваемых представителями различных направлений гетеродоксальной экономической мысли
Качественные методы в экономических исследованиях	Факультативный	Планируемый	Ознакомление студентов с приемами интервьюирования, сторителлинга и другими современными качественными методами анализа

Источник: составлено авторами.

проблем, скорее, указывают на неосведомленность критиков, нежели на реальное состояние дел. Новейшие социологические и библиометрические исследования убедительно разрушают мифы о том, что в современной экономической профессии доминируют неистовые ревнители неоклассического культа. Столь же призрачными оказываются и инвективы в адрес мейнстримных экономистов, якобы подменивших изучение злободневных общественных проблем играми в математический бисер. Эмпирический поворот в экономической науке привел к тому, что ученые-экономисты оказались в авангарде исследований актуальных социальных вызовов современности.

Однако, как это часто случалось и ранее, экономическое образование не всегда успевает за переменами в научной сфере. Несмотря на растущую практико-ориентированность современного экономического образования, в нем по-прежнему сохраняется заметная неоклассическая составляющая. В стремлении поскорее избавиться от кажущегося избыточным теоретического уклона образовательного процесса одни ученые предлагают едва ли не полностью избавить студентов от изучения всякой теории, заменив ее изучением современных технических методов анализа данных, другие энтузиасты лелеют надежды на вытеснение опостылевшей им неоклассики какой-то другой, как правило гетеродоксальной, традицией экономической мысли.

В этом отношении активизировавшееся в России обсуждение направлений модернизации экономического образования во многом вписывается в глобальный тренд. При этом участники дискуссии, как правило, убеждены в том, что образовательный процесс должен быть выстроен исключительно вокруг развиваемой ими теории/набора аналитических инструментов. На наш взгляд, релевантная вызовам современности российская система экономического образования должна покоиться на трех основных принципах: 1) фундаментальной подготовке в области эмпирических методов; 2) развитии навыков ориентации в широкой палитре теоретических подходов к осмыслению крупных общественных проблем; 3) формировании комплексного восприятия особенностей функционирования российской экономики.

Разумеется, обсуждать детали предлагаемых нами изменений предстоит еще не один раз. Но одно можно сказать уже сейчас: пренебрежительное отношение к достижениям современной мейнстримной экономической науки и игнорирование концептуального разнообразия серьезно осложняют задачу подготовки гуманистически-ориентированных экономистов, умеющих анализировать хозяйственные реалии России и понимающих логику перемен в современной глобальной экономике. Некоторые читатели легко заметят некоторое сходство в выделенных нами характеристиках «правильного» российского экономиста 2020-х годов с образом «великого экономиста», нарисованного Дж. М. Кейнсом без малого 100 лет назад. Не побоимся признаться, что нам действительно хочется, чтобы российские экономические вузы и факультеты выпускали экономистов, «облада[ющих] редкой комбинацией талантов... математика, историка, политика и философа..., понима[ющих] символы и владеющих словом..., изуча[ющих] настоящее в свете прошлого — для будущего» (Keynes, 1924. P. 322).

Список литературы / References

- Баженов Г. А., Мальцев А. А. (2018). Современные гетеродоксальные направления экономической теории в контексте трансформации мейнстрима // Общество и экономика. № 1. С. 5–21. [Bazhenov G. A., Maltsev A. A. (2018). Modern heterodox approaches in the context of the transformation of mainstream economics. *Obshchestvo i Ekonomika*, No. 1, pp. 5–21. (In Russian).]
- Борох О. Н. (2019). Влияние идеологии и политики на современную экономическую науку в Китае // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63, № 10. С. 30–41. [Borokh O. N. (2019). The impact of ideology and politics upon modern economics in China. *World Economy and International Relations*, Vol. 63, No. 10, pp. 30–41. (In Russian).] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-10-30-41>
- Борох О. Н. (2023). Приоритеты экономического развития Китая в современной официальной идеологии // AlterEconomics. Т. 20, № 1. С. 189–215. [Borokh O. N. (2023). China's economic development priorities in modern official ideology. *AlterEconomics*, Vol. 20, No. 1, pp. 189–215. (In Russian).] <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.10>
- Глазьев С. (2019). Культ Золотого тельца и Россия // Изборский клуб, 1 дек. [Glaziev S. (2019). The Golden Calf cult and Russia. *Izborsky Club*, December 1. (In Russian).] <https://izborsk-club.ru/18380>
- Ениколопов Р. (2022). Почему ставить правильные вопросы важнее, чем давать ответы // Guru: Экономика для всех. 17 нояб. [Enikolopov R. (2022). Why asking the right questions is more important than giving the answers. *Guru: Popular Economics*, November 17. (In Russian).] <https://guru.nes.ru/pochemu-stavit-pravilnyie-voprosyi-vazhnee,-chem-davat-otvety.html>
- Аузан А. А., Шаститко А. Е. (2021). Институциональный анализ: формирование российского дискурса в глобальном тренде / Беседовал А. Курдин // Идеи эконома: исследования, дискуссии, открытия. М.: Экономический факультет МГУ. С. 10–39. [Auzan A. A., Shastitko A. E. (2021). Institutional analysis: The formation of Russian discourse in the global trend. In: *Ideas of the faculty of economics: Research, discussions, discoveries*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Faculty of Economics, pp. 10–39. (In Russian).]
- Кейнс Дж. М. (2009). Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. № 6. С. 60–69. [Keynes J. M. (2009). Economic possibilities for our grandchildren. *Voprosy Ekonomiki*, Vol. 6, pp. 60–69. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-6-60-69>
- Макашева Н. А. (2006). Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е годы): революция и рост научного знания // Экономические и социальные проблемы России. № 1. С. 12–32. [Makasheva N. A. (2006). Economics in Russia in the period of transformation (late 1980s–1990s): Revolution and growth of scientific knowledge. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Problemy Rossii*, Vol. 1, pp. 12–32. (In Russian).]
- Мальцев А. (2016). Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // Вопросы экономики. № 11. С. 135–158. [Maltsev A. (2016). Russian community of economists: Main features and perspectives. *Voprosy Ekonomiki*, Vol. 11, pp. 135–158. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-135-158>
- Мальцев А. А. (2018). Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития // Экономическая политика. Т. 13, № 2. С. 148–169. [Maltsev A. A. (2018). Heterodox economic theory: Current status and ways of further development. *Ekonomicheskaya Politika*, Vol. 13, No. 2, pp. 148–169. (In Russian).] <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-2-08>
- Мальцев Ал. А., Ковалев А. В. (2020). Теоретико-методологические взгляды экономистов России и Беларуси: эффект колеи? // Журнал экономической теории. Т. 17, № 3. С. 560–573. [Maltsev A. A., Kovalev A. V. (2020). Theoretical and methodological views of Russian and Belarusian economists: Path dependence? *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*, Vol. 17, No. 3, pp. 560–573. (In Russian).] <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.4>

- Мальцев А. А., Розинская Н. А. (2021). Теория без измерений, или Некоторые штрихи к творческому портрету Дугласа Норта // Журнал институциональных исследований. Т. 13, № 4. С. 71–90. [Maltsev A. A., Rozinskaya N. A. (2021). Theory without measurement or some finishing touches on the creative portrait of Douglass North. *Journal of Institutional Studies*, Vol. 13, No. 4, pp. 71–90. (In Russian).] <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.4.071-090>
- Тамбовцев В. Л. (2014). Понятие социально-экономического генотипа и современные исследования в сфере менеджмента // Российский журнал менеджмента. Т. 12, № 2. С. 117–132. [Tambovtsev V. L. (2014). The concept of social-economic genotype and contemporary research in management. *Russian Management Journal*, Vol. 12, No. 2, pp. 117–132. (In Russian).]
- Тутов Л. А., Шаститко А. Е. (2021). Метаязык внутридисциплинарного дискурса для научно-исследовательских программ: приглашение к разговору // Вопросы экономики. № 4. С. 96–115. [Tutov L. A., Shastitko A. E. (2021). Metalanguage within disciplinary discourse for scientific research programs: Invitation to a debate. *Voprosy Ekonomiki*, Vol. 4, pp. 96–115. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-4-96-115>
- Клепач А. Н., Широ́в А. А. (2021). Школа макроструктурного экономического анализа / Беседовал А. Курдин // Идеи эконома: исследования, дискуссии, открытия. М.: Экономический факультет МГУ. С. 40–63. [Klepach A. N., Shirov A. A. (2021). School of macrostructural economic analysis. In: *Ideas of the faculty of economics: Research, discussions, discoveries*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Faculty of Economics, pp. 40–63. (In Russian).]
- Aberg J. H. S., Becker D. (2020). China as exemplar: Justin Lin, new structural economics, and the unorthodox orthodoxy of the China model. *Politics & Policy*, Vol. 48, No. 5, pp. 815–835. <https://doi.org/10.1111/polp.12376>
- Adams E. C. (2019). Twenty years of economics curriculum: Trends, issues, and transformations? *Social Studies*, Vol. 110, No. 3, pp. 131–145. <https://doi.org/10.1080/00377996.2019.1581725>
- Akerlof G. (2020). Sins of omission and the practice of economics. *Journal of Economic Literature*, Vol. 58, No. 2, pp. 405–418. <https://doi.org/10.1257/jel.20191573>
- Andere J. L., Canché-Escamilla J. L., Cano-Escalante A. (2020). Consensus and dissension among economic science academics in Mexico. *Economic Thought*, Vol. 9, No. 2, pp. 1–23.
- Angrist J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., Lu S. F. (2017). Economic research evolves: Fields and styles. *American Economic Review: Papers & Proceedings*, Vol. 107, No. 5, pp. 293–297. <https://doi.org/10.1257/aer.p20171117>
- Babina T., Xi He A., Howell S., Perlman E.R., Staudt J. (2023). Cutting the innovation engine: How federal funding shocks affect university patenting, entrepreneurship, and publications. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 138, Issue 2, pp. 895–954. <https://doi.org/10.1093/qje/qjac046>
- Backhouse R., Cherrier B. (2017). The age of the applied economist: The transformation of economics since the 1970s'. *History of Political Economy*, Vol. 49, Supplement, pp. 1–33. <https://doi.org/10.1215/00182702-4166239>
- Bhattacharyya S. (2019). Economics education in India: From pluralism to neo-liberalism and to 'Hindutva'. In: S. Decker, W. Elsner, S. Flechtner (eds.). *Advancing pluralism in teaching economics: International perspectives on a textbook science*. London: Routledge, pp. 120–132.
- Boudreaux D. (2020). How should Econ 101 be taught? *Econlib*, January 6. <https://www.econlib.org/library/Columns/y2019/Boudreauxecon101.html>
- Card D., DellaVigna S. (2013). Nine facts about top journals in economics. *NBER Working Paper*, No. 18665. <https://doi.org/10.3386/w18665>
- Cedrini M., Fontana M. (2018). Just another niche in the wall? How specialization is changing the face of mainstream economics. *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 42, No. 2, pp. 427–451. <https://doi.org/10.1093/cje/bex003>

- Chan A. S. (2021). *Discussion brief: Third-wave economics*. Unpublished manuscript, November 17. <https://usaidealumni.org/wp-content/uploads/2021/12/Combined-articles-about-CORE-New-Economics-curriculum-2.pdf>
- Chetty R., Friedman J. N., Hendren N., Stepner M., The Opportunity Insights Team (2020a). *Real-time economics: A new platform to track the impacts of COVID-19 on people, businesses, and communities using private sector data*. Unpublished manuscript, May 7. https://opportunityinsights.org/wp-content/uploads/2020/06/Short_Covid_Paper.pdf
- Chetty R., Friedman J. N., Stepner M., The Opportunity Insights Team (2020b). The economic impacts of COVID-19: Evidence from a new public database built from private sector data. *NBER Working Paper*, No. 27431. <https://doi.org/10.3386/w27431>
- Colander D. (2000). The death of neoclassical economics. *Journal of the History of Economic Thought*, Vol. 22, No. 2, pp. 127–143. <https://doi.org/10.1080/10427710050025330>
- Colander D. (2005). The making of an economist redux. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 19, No. 1, pp. 175–198. <https://doi.org/10.1257/0895330053147976>
- Davis J. (2019). Specialization, fragmentation, and pluralism in economics. *European Journal of the History of Economic Thought*, Vol. 26, No. 2, pp. 271–293. <https://doi.org/10.1080/09672567.2018.1555604>
- De Benedictis L., Di Maio M. (2016). Schools of thought and economists' opinions on economic policy. *Eastern Economic Journal*, Vol. 42, No. 3, pp. 464–482. <https://doi.org/10.1057/ej.2014.66>
- De Vroey M., Pensieroso L. (2021). Grounded in methodology, certified by journals: The rise and evolution of a mainstream in economics. *LIDAM Discussion Paper*, No. IRES 2021/15.
- Dequech D. (2018). Applying the concept of mainstream economics outside the United States: General remarks and the case of Brazil as an example of the institutionalization of pluralism. *Journal of Economic Issues*, Vol. 52, No. 4, pp. 904–924. <https://doi.org/10.1080/00213624.2018.1518532>
- Duflo E. (2017). The economist as plumber. *American Economic Review*, Vol. 107, No. 5, pp. 1–26. <https://doi.org/10.1257/aer.p20171153>
- Earle J., Moran C., Ward-Perkins Z. (2016). *The econocracy: The perils of leaving economics to the experts*. Manchester: Manchester University Press.
- Frey B. S., Humbert S., Schneider F. (2010). What is economics? Attitudes and views of German economists. *Journal of Economic Methodology*, Vol. 17, No. 3, pp. 317–332. <https://doi.org/10.1080/13501781003792688>
- Goodwin N., Harris J. M., Nelson J. A., Rajkarnikar P. J., Roach B., Torras M. (2023). *Macroeconomics in context*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003251521>
- Goodwin N., Harris J. M., Nelson J. A., Rajkarnikar P. J., Torras M. (2022). *Microeconomics in context*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003252207>
- Hamermesh D. S. (2013). Six decades of top economics publishing: Who and how? *Journal of Economic Literature*, Vol. 51, No. 1, pp. 162–172. <https://doi.org/10.1257/jel.51.1.162>
- Harris C., Myers A., Briol C., Carlen S. (2022). The binding force of economics. In: D. J. D'Amico, A. G. Martin (eds.). *Contemporary methods and Austrian economics (Advances in Austrian economics)*, Vol. 26. Bingley: Emerald Publishing Limited, pp. 69–103. <https://doi.org/10.1108/S1529-213420220000026006>
- Helgerman T. (2014). Rethinking economics. *Pitt Political Review*, Vol. 11, No. 1, pp. 62–67. <https://doi.org/10.5195/ppr.2014.50>
- Herrera R. (2022). *Confronting mainstream economics for overcoming capitalism*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.4>
- Keynes J. M. (1924). Alfred Marshall, 1842–1924. *Economic Journal*, Vol. 34, No. 135, pp. 311–372. <https://doi.org/10.2307/2222645>
- Komlos J. (2019). *Foundations of real-world economics: What every economics student needs to know*. New York; London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315099972>

- Konat G., Karpińska-Mizielńska W., Kloc K., Smuga T., Witkowski B. (2019). Self-identification of Polish academic economists with schools of economic thought. *Acta Oeconomica*, Vol. 69, No. 2, pp. 241–272. <https://doi.org/10.1556/032.2019.69.2.5>
- Koopmans T. (1947). Measurement without theory. *Review of Economics and Statistics*, Vol. 29, No. 3, pp. 161–172. <https://doi.org/10.2307/1928627>
- Krugman P. (2011). The profession and the crisis. *Eastern Economic Journal*, Vol. 37, No. 3, pp. 307–312. <https://doi.org/10.1057/ej.2011.8>
- Le Penne C., Pons V. (2023). How do campaigns shape vote choice? Multicountry evidence from 62 elections and 56 TV debates. *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 138, Issue 2, pp. 703–767. <https://doi.org/10.1093/qje/qjad002>
- Leontief W. (1937). Interrelation of prices, output, savings, and investment. *Review of Economics and Statistics*, Vol. 19, No. 3, pp. 109–132. <https://doi.org/10.2307/1927343>
- Mankiw N. G. (2021). The past and future of Econ 101: The John R. Commons award lecture. *American Economist*, Vol. 66, No. 1, pp. 9–17. <https://doi.org/10.1177/0569434520910526>
- Marshall E. C., Underwood A. (2022). Is economics STEM? Process of (re)classification, requirements, and quantitative rigor. *Journal of Economic Education*, Vol. 53, No. 3, pp. 250–258. <https://doi.org/10.1080/00220485.2022.2075508>
- Mendes de Souza J.P. (2015). *Mainstream and heterodox economists: An overview of schools of thought and their policy implications in the Portuguese academia*. Ph.D. Dissertation, University of Porto. <https://repositorio-aberto.up.pt/bitstream/10216/79839/2/36072.pdf>
- Nik-Khah E., Van Horn R. (2012). Inland empire: Economics imperialism as an imperative of Chicago neoliberalism. *Journal of Economic Methodology*, Vol. 19, No. 3, pp. 259–282. <https://doi.org/10.1080/1350178X.2012.714147>
- Oliveira T. D., Dávila-Fernández M. J. (2020). From modelmania to datanomics? The rise of mathematical and quantitative methods in three top economics journals. *Scientometrics*, Vol. 123, pp. 51–70. <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03375-y>
- Onye K. U. (2014). Neoclassical economics: The need for a reconstruction. *MPRA Paper*, No. 88501.
- Panhans M. T., Singleton J. D. (2017). The empirical economist's toolkit: From models to methods. *History of Political Economy*, Vol. 49, Supplement, pp. 127–157. <https://doi.org/10.1215/00182702-4166299>
- Pühringer S., Bäuerle L. (2019). What economics education is missing: The real world. *International Journal of Social Economics*, Vol. 46, No. 8, pp. 977–991. <https://doi.org/10.1108/IJSE-04-2018-0221>
- Rodrik D. (2018). Second thoughts on economics rules. *Journal of Economic Methodology*, Vol. 25, No. 3, pp. 276–281. <https://doi.org/10.1080/1350178X.2018.1490441>
- Roos M., Hoffart F. M. (2020). *Climate economics: A call for more pluralism and responsibility*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Rosser J. (2021). *Foundations and applications of complexity economics*. Cham: Springer.
- Sent E.-M. (2018). Rationality and bounded rationality: You can't have one without the other. *European Journal of the History of Economic Thought*, Vol. 25, No. 6, pp. 1370–1386. <https://doi.org/10.1080/09672567.2018.1523206>
- Siegfried J., Colander D. (2022). What does critical thinking mean in teaching economics? The big and the little of it. *Journal of Economic Education*, Vol. 53, No. 1, pp. 71–84. <https://doi.org/10.1080/00220485.2021.2004278>
- Shackle G. L. S. (1967). *The years of high theory invention and tradition in economic thought, 1926–1939*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shiller R. J. (2010). How should the financial crisis change how we teach economics? *Journal of Economic Education*, Vol. 41, No. 4, pp. 403–409. <https://doi.org/10.1080/00220485.2010.510409>
- Smith N. (2013). *The death of theory?* Noahpinionblog, August, 5. <http://noahpinionblog.blogspot.com/2013/08/the-death-of-theory.html>

- Su H., Colander D. (2021). The economist as scientist, engineer, or plumber? *Journal of the History of Economic Thought*, Vol. 43, No. 2, pp. 297–312. <https://doi.org/10.1017/S1053837220000231>
- Tieleman J., de Muijnck S., Kavelaars M., Ostermeijer F. (2017). *Thinking like an economist: A quantitative analysis of economics bachelor curricula in the Netherlands*. Rethinking Economics NL.
- Wei G. (2018). A bibliometric analysis of the top five economics journals during 2012–2016. *Journal of Economic Surveys*, Vol. 33, No. 1, pp. 25–59. <https://doi.org/10.1111/joes.12260>
-

Russian economic education: Image of the near future

Alexander A. Auzan, Alexander A. Maltsev*,
Alexander A. Kurdin

Authors affiliation: Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: almalzev@mail.ru

The article considers the main changes taking place in modern economics and economics education. Authors believe that the most important of them are: (1) strengthening of the applied nature of economic research work; (2) declining popularity of purely theoretical economics. Our analysis revealed a dual trend. On the one hand, the notion that neoclassical economics still prevails the academic discourse seems to be less and less justified. On the other hand, economic education is still based on neoclassical foundations. This adds more urgency to the debate on the state of economic education. In particular, on how to train students to view big socio-economic issues from different theoretical perspectives and to strengthen the practical component of economic education. The authors prove the idea that up-to-date Russian economic education should be based on three main principles: (1) teaching students in a wide range of empirical methods; (2) development of pluralism of economic thinking manifested in the acquaintance of students with various currents of modern economic thought as well as the views of their representatives on solving topical economic and social challenges; (3) delivering to students the most comprehensive picture of the performance of the Russian economy. The potential for incorporating of these principles in the educational process is considered on the example of the bachelor's of economics curriculum of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University.

Keywords: economic science, system of training economists, Russian economic education, conceptual pluralism.

JEL: A20, B41.

Экономическая история и история экономической мысли

Дискурс о собственности в советской политэкономии*

Д. В. Мельник¹, О. И. Ананьин^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)*

² *Институт экономики РАН (Москва, Россия)*

Первоочередной задачей политэкономии социализма была разработка проекта нового общества. Взгляд в будущее и в этом смысле отрыв от повседневной реальности был ее целью, а не изъясном, как часто принято считать. При этом будущее социалистическое общество мыслилось через отрицание капитализма как системы, основанной на частной собственности. Поэтому тема собственности была центральной в проекте политэкономии социализма. Частью этого проекта было создание специфического дискурса, содержательная коммуникация в котором предполагала искусное владение его правилами. Поэтому сегодня тексты-артефакты этого дискурса нуждаются в расшифровке. В статье рассматривается история советских экономических дискуссий о собственности, предпринята попытка выявить значимые, хотя нередко неявные смыслы в работах ведущих советских политэкономов. Проанализированы исторические предпосылки советского дискурса о собственности, его формирование в разные периоды, конкурирующие исследовательские программы его трансформации в 1960-е–1970-е годы и его распад к 1990-м.

Ключевые слова: политическая экономия социализма, общественная собственность, кооперативная собственность, власть—собственность, А. В. Венедиктов, Я. А. Кронрод, Н. А. Цаголов, В. П. Шкрёдов, Ю. В. Сухотин.
JEL: B14, B24, P30.

Мельник Денис Валерьевич (dmelnik@hse.ru), к. э. н., доцент департамента теоретической экономики, академический директор аспирантской школы по экономике НИУ ВШЭ; *Ананьин Олег Игоревич* (ananyin@hse.ru), к. э. н., заслуженный профессор НИУ ВШЭ, вед. н. с. ИЭ РАН.

* Статья основана на материале главы в коллективной монографии «Populating no man's land. Concepts of ownership in economic thought under communism» (Lanham: Lexington Books, 2018).

Введение

Советская экономическая мысль часто воспринималась (и воспринимается) как позитивное знание, призванное описывать реальность. Однако с момента своего возникновения она была прежде всего проектом новой общественной системы. До Октябрьской революции 1917 г. нормативный посыл социалистической мысли передавался через критику капиталистического (фактически существующего) общества. Будущее общество рассматривалось как результат длительного развития и борьбы в рамках капитализма. Ситуация изменилась после революции, когда возникшая общественная система должна была осмысливаться и управляться на основании этой теоретической доктрины. Иными словами, доктрина столкнулась с реальностью.

Для марксистов политэкономия была всемогущим средством изменения мира. Октябрьская революция служила тому подтверждением. Однако замечания о коммунистическом будущем, разбросанные по текстам классиков, отнюдь не были всеобъемлющей «дорожной картой» построения нового общества. Политическая экономия стала предметом политики. Теоретические споры отражали борьбу за лидерство в российском революционном движении с самого его зарождения. После революции ставки выросли: журналисты, агитаторы и пропагандисты получили реальную политическую власть. Стабилизация к 1922 г. нового советского государства актуализировала вопрос о его долгосрочных экономических перспективах. Это и лежало в основе идеи создать совершенно новую область исследований — политическую экономию социализма (далее ПЭС). Когда болезнь В. И. Ленина и затем его смерть в 1924 г. дали импульс к ожесточенной борьбе за власть, теоретическая борьба стала ее составной частью.

В России методологические основы проекта ПЭС были заложены еще до революции 1917 г. В 1910 г. вышел в свет первый том «Курса политической экономии» А. А. Богданова и И. И. Скворцова-Степанова (второй том опубликован уже в 1919–1920 гг.), в котором излагалась так называемая широкая версия политической экономии (Богданов, Степанов, 1910, 1919). Опираясь на аргументацию Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге», они рассматривали политическую экономию как науку, изучающую не только капиталистический, но и другие способы производства. Подход Богданова и Скворцова-Степанова приобрел важное идеологическое и политическое значение в послереволюционные годы как противовес узкой версии политической экономии, которой сразу после Октябрьской революции придерживались Н. И. Бухарин и другие идеологи. Они утверждали, что революция освободила страну от экономических оков капиталистического строя, и построение коммунизма становится предметом политической воли и инженерного управления экономикой. В пользу узкой версии говорила и теоретическая реконструкция теории стоимости Маркса, предложенная И. И. Рубиным в «Очерках по теории стоимости Маркса» (1923). Кульминацией спора стали статья Скворцова-Степанова (1925) и последующие дебаты, в ходе которых историк М. Н. Покровский встал на сторону Скворцова-Степанова, но практически все остальные ведущие участники поддержа-

ли узкую версию. В конце 1920-х годов под руководством И. В. Сталина узкая версия была осуждена, а широкая версия, очищенная от многих оригинальных идей, предложенных в основном Богдановым, была возведена в идеологический канон (см.: Гловели, 2010. С. 113–117). Этот канон узаконил последующие попытки анализа советской экономики как отдельного, идеологически значимого раздела теории.

Важно подчеркнуть проективный и нормативный характер этого начинания. Пусть и не сравнимое по масштабам и характеру с некоторыми материальными проектами советского государства стремление создать новую науку для построения нового мира было амбициозной задачей. Перед советскими экономистами стояла сложная задача: согласовать между собой (а) нормативные предписания по построению нового общества, (б) наследие Маркса, согласно которому возникновение нового общества должно было стать естественным результатом предшествующего развития зрелой капиталистической экономики, (в) текущие установки официальной идеологии (позже названной марксизмом-ленинизмом) и (г) реальное положение дел в советской экономике.

Взгляд в будущее и в этом смысле отрыв от реальности был целью ПЭС, а не ее недостатком. Коль скоро стояла задача построить новый мир, именно несоответствие между нормативными идеалами и реальностью служило источником споров между различными течениями внутри ПЭС. Оно вдохновляло многих представителей профессии с помощью аналитических инструментов, которыми они владели, указать, как в условиях общества, в котором они жили, заложить прочные основания общества, которое должно быть построено. Создание специфического дискурса было частью проекта ПЭС — возможно, наиболее завершенной. Этот дискурс допускал многообразные языковые игры, которые не всегда были служением догме: тщательно следуя установленному риторическому канону, советские экономисты умели наделять свои тексты значимыми (для посвященных) смыслами. Поэтому в той мере, в какой ПЭС заслуживает серьезного внимания, такие тексты нуждаются в расшифровке.

По мере отдаления советского опыта интерес к советскому периоду российской истории только возрастает. Накопление ранее закрытых или малоизвестных (прежде всего архивных) данных отражается, например, в широкой, детально документированной исторической панораме экономической политики в СССР, охватывающей как дискуссии о проектах ее реформирования, так и практики ее реализации (Митрохин, 2023). Воздействие со стороны других дисциплин стимулирует широкий спектр новых, нередко постмодернистских подходов к осмыслению советской эпохи. Это и исследование дискурсивных практик советских людей как базового социального конструкта (Юрчак, 2014), и попытка выявить имплицитные надтеоретические установки, или когнитивные структуры, лежавшие в основе экономической мысли и хозяйственных практик советского периода (Ореховский, 2022).

Экономический дискурс находится в центре внимания и в данной статье. Но ракурс его рассмотрения иной: дискурс выступает не как социальный конструкт, который предшествует и направляет мысли и деятельность, в частности, советских экономистов, подчиняя их

определенным циклам, а как внутренний продукт системы советского экономического знания. Опираясь на речевые практики советских экономистов, мы исходим из того, что они использовали «грамматику» и «синтаксис» официальной идеологии как инструмент, позволяющий говорить о реальности и ее желаемых изменениях. В этом смысле влиятельные экономисты, выражавшие или формировавшие позиции значимых в тот или иной период школ политической экономии социализма, были не только продуктами дискурса. Они стремились стать его соавторами. Именно этот мотив, как нам представляется, лежал в основе дискуссий и конфликтов с другими претендентами на участие в соавторстве. Именно поэтому в данной работе мы рассматриваем отдельные школы советской политической экономии, но оставляем за скобками большой пласт разработок советских политэкономов, работавших вне этих школ. В этом свете политэкономия социализма предстает не набором догм (каковой она представлялась и многим советским студентам, и — нередко — внешним наблюдателям и критикам), а как живой и творческий процесс приспособления конструкций и понятий марксизма и текущих политических установок для реализации первоначальной нормативной установки всего советского проекта: целенаправленного движения к образу желаемого будущего.

В полном соответствии с марксистским историческим подходом тема собственности стала центральной в проекте ПЭС. Революция 1917 г., как и все другие крупные политические революции до нее, рассматривалась как смена господствующей формы собственности в результате классовой борьбы. Выступая как прямой наследник классического учения, советская политическая экономия трактовала будущее социалистическое общество как отрицание капитализма — системы, основанной на частной собственности и состоящей из антагонистических социальных классов. Любой факт, касающийся собственности, должен быть согласован с этим императивом. Поэтому любое признание несоциалистических форм собственности в рамках социалистической экономики давало основания для обвинений в теоретической необоснованности¹.

Проблемы собственности: хронология вызовов

Исторические предпосылки

В идеологическом ландшафте дореволюционной России романтическое течение, считавшее крестьянскую общину эталоном землепользования, было влиятельным как на аристократическом, так

¹ Следуя Марксу и Энгельсу, большевики различали два этапа построения коммунистического общества; в сложившейся советской традиции первый этап определялся как социализм, второй — как собственно коммунизм. В основе мер экономической политики, принятых до и после военного коммунизма, лежала идея дополнительной стадии: переходного периода от капитализма к социализму. Этот этап иногда называли государственным капитализмом, а с введением новой экономической политики аббревиатура нэп вытеснила все альтернативные определения переходного периода.

и на демократическом крыле политического спектра. Это течение стало распространяться с конца 1830-х годов как в национально-романтическом движении славянофилов, так и среди радикальных последователей французского утопического социализма (Штейн, 1948, гл. 4)². Идеализация общинной собственности русских крестьян национально-романтическим лагерем позволяла рассматривать ее как противоядие от пролетаризации и средство консервации некапиталистического строя. Среди радикалов община нередко воспринималась как воплощение *фаланстера*, то есть зародыша коммунизма.

Общинная собственность в русской деревне составляла ее основной институт, и, несмотря на все изменения, его влияние сохранялось и во время революции 1917 г. Однако к концу XIX в. продолжатели радикальной традиции — народники — стали осторожнее в оценках ключевого института аграрной России. Многие из них не отрицали, что общинные формы экономической организации несли в себе консервативное начало, и не утверждали, что социализм в России уже был в этих формах. Народники Н. Ф. Даниельсон и В. П. Воронцов полагали, что, несмотря на появление элементов капитализма, успешная капиталистическая модернизация России по западному образцу неосуществима, но существование общины (как и артели) может послужить институциональной предпосылкой для социалистической модернизации (Даниельсон, 1880; Воронцов, 2008). После революции 1905 г. народники яростно критиковали столыпинские аграрные реформы, направленные на ликвидацию общины и введение частной собственности в сельской России. Идеи аграрного социализма отразились в программе партии эсеров, которая в бурные месяцы между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. стала самой популярной политической партией в России. Ее главным предложением была отмена собственности помещиков и социализация сельскохозяйственных земель.

Но в 1890-е годы теоретические и политические положения русского аграрного социализма стали оспариваться группой молодых марксистских интеллектуалов, среди которых были П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, В. И. Ульянов (Ленин), С. Н. Булгаков. Они утверждали, что Россия прошла стандартный капиталистический путь развития и не существует иного пути к социализму, кроме как через капитализм, то есть через развитие промышленности и ликвидацию общины как пережитка феодализма. Так, в работе Ленина «Развитие капитализма в России» (1899) приводились статистические данные и теоретические аргументы, призванные показать, что сельская община в России уже включилась в капиталистический рынок, вызывая классовую дифференциацию сельского населения и появление сельского пролетариата. Последний рассматривался как потенциальная движущая сила революционной активности и союзник городских промышленных рабочих, а крестьянство в целом считалось классом

² Согласно реконструкции В. М. Штейна (Штейн, 1948. С. 111–118), именно под влиянием славянофилов немецкий ученый Август фон Гакстгаузен, путешествовавший по России в 1843 г., считал общину особой и важнейшей формой русской экономической и социальной структуры.

мелких собственников, чуждых идеалу коммунизма. Это был зародыш большевистского подхода к сельской собственности, который вылился в драму коллективизации в 1930-е годы.

Первое послереволюционное десятилетие

Процесс широкомасштабной национализации средств производства начался в январе 1918 г. с национализации банковской системы и торгового флота. В период Гражданской войны процесс ускорился, и к концу года была создана централизованная система прямого управления экономикой. Этот процесс принес две основные проблемы: первая — определить масштабы национализации или границы государственной собственности; вторая — разработать внутреннюю структуру управления, основанную на стабильных правилах. Эти проблемы вызвали острую полемику между различными фракциями революционного движения. Ленин наметил первоначальные ответы на оба вызова, но реальный поиск жизнеспособных решений начался позднее, когда активная фаза гражданской войны завершилась, а режим так называемого военного коммунизма был демонтирован.

Ответ на первый вызов на раннем этапе революции определялся преимущественно практическими соображениями: масштабы национализации были вопросом политического союза между победившими политическими силами — большевиками и левыми эсерами. Одним из первых законодательных актов, подготовленных Лениным накануне Октябрьского восстания, был знаменитый Декрет о земле, который отвечал требованиям левых эсеров: частная собственность на землю была отменена, а земля социализирована. Это решение не предотвратило гражданскую войну, но имело решающее значение для выживания советского режима, поскольку обеспечило первоначальную поддержку (или нейтралитет) сельского населения.

В полемике с левой оппозицией в собственной партии, выступавшей за немедленную социализацию экономики, Ленин предложил свой теоретический ответ на первый вызов. Он выдвинул концепцию многоукладной экономики, имея в виду сосуществование в переходный период от капитализма к социализму нескольких форм собственности (укладов)³. С введением новой экономической политики (нэп) в 1921 г. было признано, что отношения между укладами должны основываться на рыночном обмене, то есть на товарно-денежных отношениях. Аналитическим результатом, который сформировался на основе этой концепции в ходе дискуссий об индустриализации в 1920-е годы, была двухсекторная экономическая модель, сочетавшая государственный (социалистический) и частный (рыночный) элементы. При этом средоточием рыночного элемента выступал

³ В мае 1918 г. Ленин перечислил пять секторов: (1) патриархальное, в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; (2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, которые продают хлеб); (3) частнохозяйственный капитализм; (4) государственный капитализм; (5) социализм. Ленин писал, что «Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Свообразие положения именно в этом» (Ленин, 1918/1969. С. 296).

именно сельскохозяйственный сектор. Спор шел об экономических и политических средствах, необходимых для обеспечения устойчивости социалистического уклада в соперничестве с рыночными не социалистическими укладами. Участники спора в основном соглашались, что единственной приемлемой тенденцией развития является расширение производства социалистической промышленности и последующая социализация сельскохозяйственного сектора (Бухарин, Преображенский, 1920). Но несколько лет спустя Бухарин выступал за мирное сосуществование сельскохозяйственных и промышленных производителей, а Е. А. Преображенский настаивал на том, что индустриализацию нельзя осуществить при сбалансированном росте, и сельскохозяйственный уклад должен служить источником промышленных инвестиций (см.: Преображенский, Бухарин, 1990).

Второй вызов воспринимался преимущественно как организационный. Выступая против левой оппозиции, требовавшей усиления национализации, Ленин ввел различие между национализацией и обобществлением, чтобы подчеркнуть, что «мы больше нана национализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной „решительностью“ без умения правильно учесть и правильно распределить, обобществить же без такого умения нельзя» (Ленин, 1918/1969. С. 294). В «Азбуке коммунизма», популярном изложении платформы большевистской партии, принятой в 1919 г., Бухарин и Преображенский назвали коммунизм (или пролетарский социализм) «крупным товарищеским объединенным хозяйством» (Бухарин, Преображенский, 1920. С. 58), чтобы отделить свою идею от анархистских, меньшевистских и всех других отклонений: «В основе коммунистического общества должна лежать *общественная собственность на средства производства и обращения...* При таком условии общество превращается в громадную трудовую артель... Именно при таком порядке все производство является *организованным* производством... В нем ни одно предприятие не борется и не конкурирует с другим, ибо все фабрики, заводы, рудники и прочие учреждения составляют здесь нечто вроде отделений одной всенародной великой мастерской, которая охватывает все народное хозяйство. Само собой разумеется, что такая громадная организация предполагает общий *план* производства. Если все фабрики, заводы, все сельское хозяйство есть одна громадная артель, понятно, что здесь... без общего плана и общего руководства, без точного учета и подсчета никакой организации нет. В коммунистическом строе такой план есть» (Бухарин, Преображенский, 1920. С. 52).

Новая экономическая политика потребовала пересмотреть эту позицию, по крайней мере в отношении переходного периода между капитализмом и социализмом. Лозунг «учета и контроля» 1918 г. был дополнен принципом хозрасчета: предприятия государственного сектора должны быть прибыльными или, по крайней мере, безубыточными. Трактовки этого принципа варьировали от чисто калькуляционных до идентичных с коммерческим учетом капиталистических фирм (Сибирев, 1983). В результате при нэпе, когда ценообразование более

или менее отражало рыночные условия, фактические права собственности большинства государственных предприятий, по крайней мере в отношении их текущей экономической деятельности, не сильно отличались от прав кооперативных и частных фирм.

Эта модель управления национализированным сектором формировалась в полемике с доктриной самоуправления, синдикалистским проектом так называемой рабочей оппозиции. Ее лидеры (А. Г. Шляпников, А. М. Коллонтай и др.) резко критиковали бюрократизацию государственного и партийного аппарата и настаивали на передаче профсоюзам функций управления и организации экономики на всех уровнях (Шляпников и др., 1921).

Последним вкладом Ленина в классическую мысль стала серия коротких статей 1923 г., особенно его заметки «О кооперации». К тому времени Ленин, по-видимому, стал острее воспринимать проблему бюрократизации и пришел к выводу, что кооперативные предприятия смогут примирить экономические императивы нэпа и его политическую опору на рабочие массы, не теряя при этом из виду социалистическую перспективу: «В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов... [Р]азве это не все, что нужно для... построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения... При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» (Ленин, 1923/1970. С. 370, 375).

Заметной новинкой в этом обновленном видении будущего стало обращение Ленина к поведенческим предпосылкам перехода к новому обществу: кооперативная собственность могла привести к социализму только в сочетании с культурной революцией как средством изменения поведения крестьян. Он искал «пути возможно более простые, легкие и доступные для крестьянина», ставил задачу «культурной работы в крестьянстве», имея в виду в качестве «экономической цели» его кооперирование (Ленин, 1970. С. 370, 376).

Наиболее ярко идею кооперативного социализма выражали экономисты-неонародники, группа которых сложилась вокруг А. Чайнова. В отличие от большинства коммунистических авторов, предполагавших подчиненное положение кооперативного сектора, Чайнов видел в революции возможность построения кооперативных вертикальных структур, которые объединяли бы сельскохозяйственных производителей с розничными и оптовыми торговцами, перерабатывающими предприятиями и поставщиками. Это усиливало бы рыночную власть крестьянских ассоциаций по отношению к рыночным и государствен-

ным монополиям. По мнению Чаянова, создаваемые рынком экономические стимулы ускоряют рост производительности труда в крупнейшем секторе российской экономики — сельском хозяйстве, создавая материальную основу для социалистического преобразования страны. Школа Чаянова была разгромлена после политического поворота к коллективизации.

К концу 1920-х годов видение будущего общества было еще далеко от ясности. Конечная стадия, полноценный социализм или коммунизм, все еще представлялась как одна всенародная великая мастерская, которая охватывает все народное хозяйство, но взгляды на предшествующие стадии различались. Классическое наследие хотя и служило отправным пунктом любого исследования по политической экономии социализма, но неоднозначность пути достижения цели оставляла место для различных интерпретаций. Таковы были правила игры или рамки, в которых должны были развиваться последующие дискуссии среди советских экономистов.

Долгий путь к Учебнику (1930–1950-е годы)

В экономической литературе 1930-х и 1940-х годов сложилось несколько основных стереотипов относительно собственности в советской экономике. Собственность рассматривалась преимущественно в юридическом аспекте как форма распределения прав. Место идеи многоукладности заняла концепция двух форм собственности — государственной и кооперативной, причем последняя считалась менее зрелой и лишенной исторической перспективы. Ссылка на общественную (общенародную) собственность служила стандартным риторическим приемом, применяемым для доказательства социалистического характера экономики, включая элементы, которые вошли в хозяйственную практику, но не вписывались в классическую теорию социализма: товар, деньги, прибыль и т. п.

В конце 1930-х годов Сталин инициировал подготовку первого учебника по политической экономии с большим разделом, посвященным политической экономии социализма. Первые варианты будущего учебника были основаны на вышеупомянутых стереотипах. Результат получился разочаровывающим отчасти из-за эклектичности этих стереотипов, но прежде всего из-за нежелания немногих большевистских экономистов, которые пережили политические чистки, высказывать что-либо, что могло быть расценено как вызов властям. Рассмотрев подготовленные проекты, Сталин на встрече с группой экономистов в январе 1941 г. отметил: «О плане хозяйственном наворочено много ужасных слов. Чего только здесь не написано: „Непосредственно общественный характер труда в социалистическом обществе. Преодоление законов стоимости и уничтожение анархии производства. Плановое ведение хозяйства как способ осуществления соответствия производственных отношений социализма характеру производительных сил“. Изображается какое-то безупречное плановое хозяйство. А сказать надо просто: при капитализме в общенародном масштабе невозможно вести производство по плану, там конкуренция,

там частная собственность, которая разъединяет, а у нас все предприятия объединены социалистической собственностью. Поэтому мы и можем и должны вести плановое хозяйство... Скажите просто — у них разъединено хозяйство, собственность разъединяет, у нас социалистическая собственность объединяет. Вы у руля и власть ваша. Говорите проще» (Сталин, 2012).

Во время Великой Отечественной войны Сталину было не до учебника, однако довоенный импульс, созданный его вмешательством, был достаточно сильным. Свидетельством тому стала редакционная статья «Некоторые вопросы преподавания курса политической экономии», опубликованная в разгар войны в журнале «Под знаменем марксизма» (1943, № 7–8) и отразившая установки Сталина на январской встрече 1941 г. Статья вызвала широкий резонанс как среди советских и зарубежных марксистов, так и среди зарубежных советологов. Ее перевод и комментарии были опубликованы даже в «*American Economic Review*» (см.: Dunayevskaya, 1944).

Активная работа над учебником возобновилась в конце 1940-х годов. Сталин несколько раз встречался с коллективом авторов в 1950 и 1952 гг., инициировал в 1951 г. решение ЦК об организации широкого обсуждения нового проекта и подвел его итоги в «*Экономических проблемах социализма в СССР*» (Сталин, 1952). Проблема собственности при социализме была возведена в ранг основополагающего принципа ПЭС как основа двухсекторной модели советской экономики, состоящей из двух форм социалистической собственности на средства производства, а не двух противостоящих укладов, представлявших разные способы производства — социалистический и несоциалистический, как в дебатах 1920-х годов. Разделение социалистической собственности на государственную и кооперативную (колхозную) формы⁴, соответствующий обмен между ними, а также между ними и индивидуальными потребителями было объявлено главной причиной существования товарно-денежных отношений при социализме. Учебник, отразивший влияние Сталина, был опубликован после его смерти в 1954 г. и во многом задал направления для дискуссии среди советских политэкономов в последующие десятилетия.

В поисках истинного экономического смысла собственности

Период с конца 1950-х до начала 1980-х годов можно считать годами высокой теории в ПЭС как специфическом направлении экономической мысли. Это было время жарких дебатов, направленных на

⁴ По своему отношению к системе планирования, а также к системам снабжения и заготовки, через которые большая часть сельскохозяйственной продукции продавалась государственным органам и поставлялась значительная часть ресурсов, положение колхозов было аналогично государственным сельскохозяйственным предприятиям (совхозам). Кооперативный статус колхоза проявлялся в основном в избрании председателя (часто номинального) и возможности продавать излишки на колхозных рынках по ценам, превышавшим цены в государственных магазинах.

объяснение советской действительности и обеспечение теоретического основания для реформ, необходимых для перезапуска экономики. В этих исследованиях советская экономика представляла как особая форма реальности, не соответствующая ни идеальному социализму, ни реальному капитализму. Кроме прочего, такой подход, несмотря на его идеологический антураж, послужил предпосылкой для возникновения инакомыслия в советских общественных науках.

Чтобы уяснить смысл дискуссий о собственности среди советских ученых, важно иметь в виду, что социалистическая экономическая мысль в целом и советский проект ПЭС в частности принципиально расходились с современной западной экономической теорией. Отвергалось не что иное, как нормативная ценность конкурентной рыночной экономики. Ни ее регулирующая функция (считавшаяся расточительной), ни ожидаемый конечный оптимум (считавшийся несправедливым из-за зависимости от денежных доходов, а не от потребностей человека) не принимались как постулат. Между тем в неоклассической теории принцип конкурентного рынка играет эту роль, ибо предполагается, что именно частная собственность служит источником мотивации экономических агентов, взаимодействие которых спонтанно создает конкурентную среду как необходимое условие объективности критериев при принятии экономических решений.

Соответственно, если капитализм ассоциировался с частной собственностью, то переход к социализму мыслился как замена частной собственности на общественную в форме государственной с соответствующим приоритетом руководящей и направляющей силы общества. По существу, это было выражено и в комментарии Сталина, обращенном к экономистам: «Вы у руля и власть ваша. Говорите проще» (Сталин, 2012). Такой подход был основан на вере в то, что правильные люди будут принимать правильные решения. Вера была наивной, но, по-видимому, достаточно привлекательной для многих социалистических мыслителей и еще большего числа их последователей-практиков. Историю дебатов вокруг социалистической собственности можно представить как долгий интеллектуальный путь к преодолению этого наивного взгляда.

При этом вера в совершенный рынок была не менее наивна, чем во всемогущее правительство. И это не было тайной для экономистов. Неоклассическая экономика также развивалась через преодоление собственной наивности, вводя спектр новых понятий — от провалов рынка до теоремы невозможности Эрроу. Так что речь шла о сходных тенденциях: неоклассическая экономика становилась менее зависимой от рыночного фетишизма, а политэкономия социализма постепенно освобождалась от фетишизма административного. Это было движение по параллельным линиям навстречу друг другу.

Парадокс в том, что в узкой области теории собственности тенденция была противоположной. Если в западной экономической теории в середине XX в. возникло течение права и экономики — междисциплинарная область, объединившая усилия юристов и экономистов, то проблемой советских экономистов было разграничение правовых и экономических аспектов собственности, освобождение экономиче-

ского дискурса от декларативных юридических постулатов. В значительной степени эта цель была достигнута, хотя и не без ущерба для связей между двумя дисциплинами.

*После Учебника:
золотой век дебатов о собственности*

Записки, документирующие встречи Сталина с ведущими советскими экономистами и философами, участвовавшими в проекте учебника, демонстрируют их отношения как отношения мастера и учеников (Сталин, 2012). Однако с конца 1950-х годов, в период оттепели, ситуация изменилась. Уже через два года после публикации, после XX съезда КПСС (1956), сталинский учебник фактически утратил ореол официозности. Основания ПЭС перестали быть жестко заданными, а возникшая неопределенность сохранялась до конца советского периода.

Бывшие ученики оказались без учителя, и некоторым из них пришлось взять на себя ответственность за теоретическую проработку пути к коммунизму. Одна группа политэкономов, прежде всего непосредственные участники проекта, взяли на себя задачу отстаивать принципы, воплощенные в учебнике. Другие, которых эти принципы не устраивали, искали пути обновления общей теоретической структуры марксизма путем развенчания части устоявшихся догм. Впрочем, ортодоксия Учебника в этот период была еще достаточно сильной, хотя и неоднородной. Эпигоны сталинского учебника, воспроизводящие его дидактические положения с небольшими изменениями или эклектичными дополнениями, еще долго составляли наиболее многочисленный отряд профессионального сообщества.

Дискуссии вокруг положений Учебника (проходившие в апологетическом режиме до 1956 г. и в критическом режиме после) были школой для молодого поколения советских экономистов, чье становление пришлось на этот период. Для понимания социальной истории советской экономической науки поколение сталинского учебника имеет особое значение. Дискуссия 1951 г. была лишь кульминацией довольно длительного процесса, начавшегося примерно в 1939–1940 гг. и направленного на создание подлинно советской (марксистско-ленинской) экономической теории. Проект ПЭС был неотъемлемой частью этого процесса: наряду с разработкой теории, он подразумевал и формирование кадров. После 1945 г. началось быстрое расширение экономической профессии, и экономисты этого поколения стали первыми в волне ее расширенного воспроизводства. Многие из них воспользовались новыми возможностями и в 1960-е годы заняли влиятельные позиции, которые сохраняли до 1990-х годов (Мельник, 2014).

В конце 1950-х — начале 1960-х годов возникло три основных научных центра, принявших теоретический вызов на обновление экономической теории социализма: Институт экономики АН СССР (школа ИЭ), экономический факультет МГУ (школа МГУ) и Центральный экономико-математический институт АН СССР (школа ЦЭМИ). Противостояние между ними составило основное содержание дебатов о собственности.

*Прелюдия дебатов: переосмысление
правовой структуры государственной собственности*

Одна из глав сталинского учебника называлась «Общественная собственность на средства производства — основа социалистических производственных отношений» (Островитянов и др., 1954. С. 391). Реальный смысл этого тезиса можно свести к утверждению, что вся власть в принятии экономических решений номинально принадлежит народу, но фактически находится у центральных властей. Экономическое содержание таких решений (что и как производить) выходило за рамки этой теории. Несмотря на все декларации и многочисленные ссылки на Маркса, право собственности рассматривалось юридически и отдельно от экономической теории как таковой. Экономические вопросы должны были рассматриваться в других разделах ПЭС: основной экономической закон социализма должен объяснить целеполагание, включая структуру производства; закон планомерного, пропорционального развития — принципы взаимодействия агентов внутри экономической системы; закон распределения по труду — распределение доходов и мотивацию труда; законы социалистического воспроизводства — ресурсные ограничения. Эти в основном нормативные законы, слабо связанные друг с другом и оторванные от своего предполагаемого фундамента, требовали переоценки. Появилось несколько подходов к решению этой задачи.

Самая ранняя попытка примирить концепцию государственной собственности с экономической реальностью была предпринята еще в 1940-е годы, то есть до публикации сталинского учебника. Она принадлежала известному правоведу из Ленинградского государственного университета А. В. Венедиктову. Его монография «Государственная социалистическая собственность» (Венедиктов, 1948), удостоенная Сталинской премии, представляла собой казуистическое исследование, призванное разрешить коллизию между концепцией государственной собственности (государство является единым и непосредственным собственником всего имущества, кроме личной собственности) и современной практикой передачи активов между государственными предприятиями, которая де-факто признавала существование юридических границ между предприятиями.

Венедиктов разграничил два вида деятельности предприятий: их административные решения как государственных органов, связанные прежде всего с организацией производственного процесса, и производственную деятельность как таковую. Последняя предполагала принятие решений, но иного рода, в частности, обеспечение производства материальными ресурсами, включая их передачу между предприятиями по кооперационным связям. Для правового регулирования последних он ввел понятие «оперативное управление государственной собственностью». Эта функция возлагалась на государственные предприятия, наделяемые соответствующими правами и обязанностями, которые в его теории присутствовали наряду с правами и обязанностями собственности, включая делегированные предприятиям как государственным органам. Введя новый правовой институт оперативного управления,

Венедиктов создал правовое пространство, в рамках которого отчасти восстанавливались классические права владения, пользования и распоряжения в отношении социалистических предприятий.

*Институт экономики АН СССР:
собственность как социальное отношение*

Преимущественно юридический взгляд на право собственности подвергся критике со стороны экономистов. Следуя марксистскому принципу, согласно которому право относится к надстройке, которая строится на объективном экономическом базисе и им определяется, они пытались раскрыть эту взаимосвязь. В большинстве случаев такие попытки фокусировались на связи между производительными силами и производственными отношениями и сводились к обсуждению технологических предпосылок для вызревания кооперативной собственности в сельском хозяйстве и перспектив «слияния двух форм социалистической собственности в единую коммунистическую собственность» (Трифонов, 1964. С. 272).

Другую стратегию избрал Я. А. Кронрод, ведущий теоретик Института экономики (ИЭ) Академии наук СССР. Подход Кронрода базировался не на юридическом различии форм социалистической собственности (государственной и кооперативной), а на различиях в экономическом положении предприятий и секторов экономики в рамках социалистической — по юридическому статусу — собственности. Хотя общая схема Кронрода оставалась номинально юридической, он использовал ее в неюридических целях: его интересовало распределение собственности на средства производства между предприятиями как основа социальной стратификации. При этом свой анализ он стремился согласовать с официальным тезисом, согласно которому общественная (государственная) собственность предполагает равенство всех членов социалистического общества в их отношении к средствам производства. Метод рассуждений Кронрода был схож с методом Венедиктова. Отправляясь от классической связки прав собственности, он переосмыслил право собственности на средства производства как сочетание двух прав: присвоение-распоряжение и присвоение-использование, полагая, что члены социалистического общества равны в осуществлении присвоения-распоряжения, но не равны в отношении присвоения-использования общественных средств производства, поскольку рабочие места, предлагаемые членам общества, различаются по качеству, техническому уровню, условиям окружающей среды, физическим и квалификационным требованиям и т. д. (Кронрод, 1966. С. 300–302).

Из социальной неоднородности труда Кронрод выводил необходимость материального стимулирования производителей и косвенных (товарных) связей между предприятиями (наряду с первичными прямыми связями, заданными и поддерживаемыми системой централизованного планирования). В теории Кронрода товарно-денежные отношения не были следствием неразвитости социалистического способа производства. Он считал их имманентной чертой социалистической экономики как таковой. Позже в развитие этого подхода Кронрод предложил

пересмотреть официально принятую периодизацию посткапиталистического развития. В противовес ортодоксальной позиции (социализм и полный коммунизм — это две фазы одного коммунистического способа производства) он утверждал, что социализм следует признать отдельным способом производства в рамках «коммунистической эры» (см.: Кронрод, 1971). Основная идея новой периодизации Кронрода заключалась в том, чтобы разорвать прямую преемственность между социализмом и коммунизмом. Фактически это предложение соответствовало официальной тенденции к ослаблению акцента на обещании Хрущева построить фундамент коммунизма к 1980 г. В те годы были введены новые клише развитого и зрелого социализма, призванные подчеркнуть относительную стабильность существующей модели советского общества. Однако позиция Кронрода оказалась слишком радикальной. Последовали резкая критика в его адрес и административные санкции, включая ограничения на публикации и требования публично признать ошибки (Кронрод, 1973).

МГУ: размежевание с правовой трактовкой

Более радикальный разрыв со сталинским учебником был предложен командой экономического факультета МГУ под руководством Н. А. Цаголова. Ссылаясь на Маркса, который различал юридическое выражение собственности как волевого отношения и ее реальную форму как совокупность производственных отношений, Цаголов и его коллеги отвергли принцип, согласно которому собственность принималась в качестве основы теоретической системы ПЭС. «Экономически социалистическая собственность (то же — капиталистическая, феодальная собственность) живет во всех производственных отношениях, и ее познание невозможно иначе, как через изучение всей совокупности производственных отношений» (Цаголов, 1973. С. 36). Из этого следовало, что преобразование собственности в результате Октябрьской революции не означало реального преобразования экономики. Оно создало лишь условия для централизованного принятия решений и директивного планирования как инструментов внедрения нового экономического порядка. Социализированная собственность была лишь оболочкой, не идентичной экономическим отношениям как таковым. Такой подход освободил авторов «Курса политической экономии» МГУ (Цаголов, 1963) от необходимости выводить экономические понятия из социалистической собственности как универсального объяснительного средства.

Наиболее последовательно право собственности как основную категорию ПЭС отрицал член команды МГУ В. П. Шкредов (1967, 1973). Собственность в строгом смысле оставалась — в его подходе — юридической оболочкой, которая состояла из волевых актов и социальных отношений, основанных на субъективной воле. Тем самым она выводилась за рамки экономической науки, предметом которой было изучение объективных законов материального производства, прежде всего процессов воспроизводства, то есть реальное функционирование экономической системы, определяющее, в частности, реальные объемы доходов и богатства (собственности) под контролем отдельных пред-

приятый. С этой точки зрения отношения собственности были лишь юридическим отражением этих объективных процессов.

Подход команды МГУ допускал, хотя и не требовал, более реалистичную интерпретацию экономических явлений. Он предполагал, например, существование антагонистических противоречий, говоря марксистским языком, между плановой экономикой и товарным производством, причем последнее мыслилось как реальные, отчасти стихийные рыночные отношения, в отличие от многочисленных попыток свести товарно-денежные отношения к простым расчетным формам и приемам. «Если... фактически не достигается такое развитие производства, которое заранее было предвидено, то не будет и действительного планирования, подлинного сознательного контроля над экономическими процессами. Общество и все участники производства окажутся в большей или меньшей власти слепо действующих сил... Если же государственная собственность будет базироваться на низкой ступени обобществления производства, то неизбежно планирование останется в значительной мере формальным... Больше того, формальная регламентация планов деятельности предприятий может при таких условиях усиливать действие факторов, нарушающих планомерность, поскольку в таком случае план как идеальная форма экономической деятельности все больше расходится с действительным ходом процесса воспроизводства как на отдельных предприятиях, так и в обществе в целом» (Шкредов, 1967. С. 68–69).

Школа ЦЭМИ:

собственность как проблема мотивации

Проект ПЭС был запущен после ожесточенных дебатов 1920-х годов о самой возможности существования такой науки. Ее противники утверждали, что политическая экономия изучает стихийные и, следовательно, объективные явления рыночной экономики, а социалистическая плановая экономика преодолевает стихийность, не оставляя почвы для научного исследования. Они считали, что плановая экономика нуждается, скорее, в своего рода инженерном знании для рационального решения экономических задач. Идее ПЭС удалось выжить путем обращения к другому источнику экономической объективности, а именно объективности пропорций между различными видами экономической деятельности. С тех пор многие советские экономисты были склонны рассматривать производственные отношения именно таким образом. Этот подход служил неявным допущением, лежащим в основе разграничения собственности как экономически значимого, но правового отношения, и собственно экономических отношений как материальных пропорций. Экономическое поведение как предмет исследования было оставлено на откуп так называемой субъективной школе, то есть маржинализму, и подвергалось жесткой критике. Предполагалось, что экономическая мотивация при социализме обеспечивается распределением по труду и стимулами к выполнению планов. Мотивация собственников применительно к общенародной собственности обсуждалась разве что в моральных терминах.

Импульс к изменениям ситуации пришел из сферы математической экономики. Появление ЦЭМИ в Москве и нескольких кафедр в ведущих университетах стимулировало разработку экономико-математических моделей для условий советской экономики, в том числе путем заимствования и переосмысления моделей экономического поведения из арсенала неоклассики. Поначалу экономисты-математики предпочитали избегать конфронтации с ПЭС, но позже границы между ними постепенно размывались. Эта тенденция усилилась в 1971 г., когда группа политэкономов из Института экономики, симпатизировавшая усилиям своих коллег из ЦЭМИ, вступила в конфликт с Кронродом и его командой и перешла в ЦЭМИ. Возглавляемая Ю. В. Сухотиным и О. С. Пчелинцевым группа присоединилась к амбициозному теоретическому проекту ЦЭМИ, целью которого было построить Систему оптимального функционирования социалистической экономики (СОФЭ или СОФСЭ), и помогла вступить в дискуссии по идеологически острым проблемам ПЭС, включая собственность.

Сухотин обратился к информационным и мотивационным аспектам экономических взаимодействий через призму отношений собственности и разграничил (а) хозяйскую мотивацию со-собственника всенародной собственности, (б) управленческую мотивацию условного распорядителя такой собственностью и (в) мотивацию работника, нередко связанную с «комплексом нанятости» (См.: Сухотин, 1983. С. 335; 1985. С. 17). С этих позиций многие традиционные проблемы социалистического хозяйствования (ориентация на показатели, ведомственность, иждивенчество) высветились по-новому. Сухотин указал на важность поддерживать баланс властно-хозяйственных полномочий между уровнями реализации собственности и подчеркнул значимость демократизации процедур принятия решений, соответствующих каждому из этих уровней. Реализация последнего принципа предполагала наличие адекватных критериев оценки затрат и результатов. Сухотин настаивал, что информационные и мотивационные аспекты экономических взаимодействий не замыкаются на сферу товарно-денежных отношений и сохраняют свою роль в будущей всесторонне развитой социалистической экономике. По его мнению, плановая экономика не может уподобляться одной большой фабрике, хозяйство которой основано на натуральном учете и административных методах. Он считал, что будущая плановая экономика разработает собственную систему ценностного учета, которая не отбросит, а использует в своих целях общезначимые элементы экономических оценок и сравнения полезности, изобретенные в рыночных экономиках (см.: Сухотин, 1975; Овсиенко, Сухотин, 1979).

Рассмотренные подходы сегодня можно назвать нормативными или идеологическими, в силу применения идеалов предполагаемого будущего общества к реально существующему социализму. Но они выполняли свою функцию и тем, что указывали на незавершенность социалистического проекта, и тем, что стремились сформировать теоретическую основу сложившегося советского общества — уже не капиталистического, но еще не вполне социалистического. Логика развития советских дискуссий вокруг темы собственности можно обобщенно, с неизбежной долей условности представить в виде таблицы.

Т а б л и ц а

Логика развития советских дискуссий вокруг темы собственности

	Ленин	Венедиктов (ЛГУ)	«Политическая экономия», Учебник 1954 г.	Кропфрод (ИЭ)	Шкредов (ЭФ МГУ)	Сухотин (ЦЭМИ)
Проявление отношений собственности						
Собственность как правовое отношение	Разграничение национализации (юридической формы) и обобществления (волевой организационной формы) как инструментов экономической политики	Разграничение юридического и управленческого начал в рамках правовой концепции	Выведение экономических отношений из формально-правовых	×	Выведение формально-юридического и волевого аспектов из сферы экономических отношений	×
Собственность как волевое отношение		×	×	Разграничение волевого (присвоение – распоряжение) и социального (присвоение – использование) аспектов		Введение темы мотивации собственника (волевого начала)
Собственность как социальное отношение	×	×	×		×	×
Экономическая реализация собственности	×	×	×	×	Совокупность производственных отношений как материальная основа отношений собственности	×

Источник: составлено авторами.

Эта таблица высвечивает две противоречивые тенденции: к разделению экономического и правового дискурсов и к сохранению темы волевого начала в рамках экономического дискурса. Первая тенденция опиралась на классическую (материалистическую) трактовку экономических отношений и отразила, с одной стороны, стремление освободить логику экономического анализа от идеологически навязанной зависимости от формально-юридических постулатов, а с другой — желание дистанцироваться от политически небезопасной темы власти (волевых отношений) в экономике. Вторая тенденция базировалась на альтернативной (поведенческой) трактовке экономических отношений и отразила готовность обсуждать тему экономической власти.

Власть—собственность: понятие и аллегория

Предпосылка существования мудрой и заботливой высшей власти, из которой неявно исходила идея социалистической собственности, принималась не всеми даже среди большевиков. В начале 1920-х годов ее оспаривала «Рабочая оппозиция», позже — Л. Д. Троцкий и его сторонники. Однако с 1930-х годов и до конца перестройки любые сомнения в отношении организации партийно-государственного устройства в официальном дискурсе были строго табуированы. Распространение критических работ на эту тему, например «Новый класс» М. Джиласа (1957) или «Номенклатура» М. Восленского (1970), жестко пресекалось.

И тем не менее критический анализ природы власти в социальной системе с доминирующей государственной собственностью не был полностью вытеснен из общественной дискуссии. В замаскированной форме эта тема ставилась в ходе продолжительных дебатов о докапиталистических способах производства. Она опиралась на некоторые тексты Маркса, которые отклонялись от канонического изложения исторического материализма, основанного на так называемой пятичленной формуле исторического прогресса (первобытное общество — рабство — феодализм — капитализм — коммунизм) и указывали на особенности азиатского способа производства. Речь шла об общественном строе, в котором власть и собственность были слиты воедино. За рубежом теоретическое сравнение сталинского режима с восточными деспотиями инициировал К. Виттфогель (см.: Латов, 2007). В советской литературе дискуссии об азиатском способе производства к тому времени уже создали нарратив, неявно критиковавший советскую действительность. В этих дискуссиях в аллегорической форме намечалась альтернативная оценка советской системы в контексте истории — не между капитализмом и коммунизмом, а скорее на докапиталистической или даже дофеодальной стадии.

Само понятие «власть-собственность» как характеристику азиатского способа производства ввел в оборот историк Л. С. Васильев (1982). Речь шла об обществе, в котором при фактическом отсутствии частной собственности владение индивидом активами и накопленным богатством зависело от занимаемого им места в иерархии власти. В конце перестройки эти идеи стали использоваться при обосновании тезиса, что в СССР и ряде других стран «было построено общество,

которое по природе своей заметно отличается от социалистического идеала» (Нуреев, 1990. С. 53). Имелось в виду, что при отсталости дореволюционной российской экономики попытка социализации привела к ее фактическому огосударствлению. Общество было подчинено государству, а сложившаяся система планирования, основанная на государственной собственности, толкала предприятия и отрасли экономики к отказу от кооперационных связей с другими производственными единицами, также субъектами общественной собственности, и заставляла их вести производственную деятельность по преимуществу как изолированные натуральные хозяйства (см.: Нуреев, 1990. С. 53–54). Взгляд на природу российского общества через призму азиатского способа производства способствовал распространению популярного сегодня подхода к российской истории как преемственности между дореволюционным, советским и постсоветским периодами, объединяющим признаком которых служит возрождающаяся квазифеодалная, или азиатская, социально-экономическая структура.

Заключение

Хотя политэкономический канон допускал дискуссии, суждения в его рамках не обходились без самоцензуры. Практика советских экономистов предполагала согласования выступлений и текстов с актуальной версией коммунистического *кредо*. Лишь немногие могли позволить себе попытки прогнозировать или влиять на возможные изменения его формул. Эти немногие, как правило, были связаны с центрами власти: либо будучи частью большевистского истеблишмента (как это было в 1920-е годы, когда видные экономисты часто занимали ведущие позиции в политике), либо будучи частью академического истеблишмента, вовлеченного в политические игры партийной элиты.

Самым творческим и одновременно самым прагматичным периодом теоретизирований о сути и направлениях развития советской системы были 1920-е годы. Ленинская концепция многоукладности позволяла рассматривать государственный сектор экономики как прообраз, пусть во многом несовершенный, единой социализированной фабрики будущего. Последующий сталинский период стал временем длительных и мучительных попыток взаимного согласования лозунга о завершении построения социализма в СССР с реальным положением дел и базовыми марксистскими определениями социалистического будущего.

Политическое руководство в политической экономии приобрело свою наиболее явную форму во время подготовки сталинского учебника, когда некоторые ключевые доктрины формулировал Сталин. В 1930-е годы ситуация была особенно драматичной: экономистов использовали как инструмент в чистках своего профессионального сообщества, причем те, кто сначала выступал в роли преследователей, впоследствии нередко становились жертвами.

Период после 1956 г. был отмечен существенной либерализацией академической сферы и соответствующим обострением конфликтов и противоречий между школами. Экономисты того периода стремились

выйти из сталинской шинели. Однако ставки оставались высокими. Тесные связи между политическим истеблишментом и академическими кругами несли в себе как возможности, так и риски. После смерти Сталина политическое руководство уже не было консолидировано в той степени, как после чисток 1930-х годов. Существовали различные течения, группы интересов и неудовлетворенные амбиции. Они создавали спрос на идеи и программы, тем самым предоставляя конкурирующим экономическим школам возможность предлагать свои проекты. Отделы ЦК, Госплан и влиятельные отраслевые министерства, московские и региональные власти нуждались в прогнозах и в обосновании приоритетов экономического характера. Ведущие экономисты не только имели связи наверху, но и активно продвигали своих последователей в партийный аппарат и на государственные должности. Так, формирование ЦЭМИ и математической школы в советской экономической мысли проходило при активном сопротивлении идеологического истеблишмента и было бы вряд ли возможно без поддержки влиятельных ученых, вовлеченных в военные программы и имеющих соответствующие связи. Атака МГУ на Институт экономики в самом начале 1970-х годов готовилась в коридорах партийного аппарата (Попов, 2004). Соперничество между ЦЭМИ и Кронродом в те же годы подпитывалось из Госплана (см: Глаголев, 2005; Балакин, 2018).

С 1970-х годов, по мере того как социально-экономическая стагнация становилась все более заметной, перспективы развития в направлении коммунизма теряли свою убедительность в советском обществе. Идея ПЭС воспринималась с растущим скептицизмом, и дебаты предыдущего периода теряли актуальность. Новый импульс дискуссиям дала перестройка. Этот период был отмечен кратковременной, но энергичной попыткой стереть наследие сталинизма (как в реальности, так и в теории) и вернуться к ленинским принципам, к модели многоукладности экономики, понимаемой теперь как подлинный образ желаемого будущего, а не как описание реальности 1920-х годов. Но и за дискуссиями времен перестройки о хозрасчете и самофинансировании госпредприятий нередко скрывались корыстные интересы мощных промышленных структур, стремившихся конвертировать высокий административный статус в рыночную власть (Гребенников и др., 1986). Общий подход к собственности заключался теперь в стремлении отказаться от ее огосударствления и унификации.

Политические изменения и реабилитация экономистов, репрессированных в сталинский период, нашли свое выражение в возрождении исследований нэпа. Опыт этого периода идеализировался и представлялся как упущенный шанс построить подлинно эффективный социализм с человеческим лицом. Стилизованная модель нэпа периода перестройки выдвинула идеал многосекторной экономики, основанной на сочетании мирно сосуществующих форм собственности, и структурировала перестроечную версию рыночного социализма. Современные иллюстрации жизнеспособности такой модели заимствовались сначала из опыта восточно-европейских социалистических стран, затем — из так называемого шведского социализма и китайского опыта. Наконец, после публикации в 1987 г. статьи Л. Пияшевой (Попковой) «Где

пышнее пироги?» в советский общественный дискурс вошла идея о капитализме как возможной цели реформ (Попкова, 1987).

Официальная перестроечная риторика развивалась в том же направлении, что и академическая, но с некоторым запаздыванием. В первые годы перестройки принципы автономии и ответственности предприятий были дополнены идеей демократии на рабочем месте, а популярным экономическим лозунгом стали ЗС: самоуправление, самофинансирование, самокупаемость. Позже фокус сместился на способы разгосударствления государственных предприятий. Обсуждались арендные отношения, предполагавшие право работников предприятий арендовать свои предприятия у государства, управлять ими самостоятельно и выкупать впоследствии за счет накопленной прибыли. Еще одним вариантом реформы госпредприятий стало акционирование, то есть их преобразование в акционерные общества. До 1989 г. эти дискуссии сводились к реформам *социалистической собственности*. Однако и аренда, и акционирование отличались от предыдущих вариантов тем, что касались не только текущей деятельности предприятий, но и прав на их основные фонды. Дезинтеграция государственной собственности началась в 1987 г. с принятием закона «О предприятиях» и была закреплена законом «О кооперации» 1988 г. и законом «О лизинге» 1989 г., которые узаконили фактическую частную собственность и наемный труд. Более того, по этим законам кооперативные фирмы оказались в более благоприятных условиях, чем государственные предприятия, что стимулировало отток доходов и активов из государственного сектора.

Правительственная концепция *радикальной экономической реформы*, объявленной в конце 1989 г., констатировала, что «речь идет не об усовершенствовании действовавшего до сих пор механизма хозяйствования, не о смене в нем отдельных устаревших деталей. Одна система, внутренне логичная и целостная, должна быть демонтирована и заменена другой, то же логичной и целостной, но именно поэтому с ней несовместимой» (Абалкин, Милюков, 1990. С. 11). От прежней риторики осталась лишь декларация, что цель реформы — создание здоровой социалистической экономики. Но и этот барьер был преодолен год спустя во время борьбы между двумя программами — правительственной Л. И. Абалкина и «500 дней» Г. А. Явлинского: обе предполагали переход к частной собственности. Распад советской политической экономии произошел быстро. Эта дисциплина была слишком сильно встроена в советскую идеологию и политическую систему, чтобы выжить в изменившихся условиях.

Список литературы / References

- Абалкин Л. И., Милюков А. И. (ред.) (1990). Экономическая реформа: поиск решений. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы. М.: Политиздат. [Abalkin L. I., Milyukov A. I. (eds.) (1990). *Economic reform: Search for solutions. Proceedings of the USSR scientific and practical conference on the problems of radical economic reform*. Moscow: Politizdat. (In Russian).]

- Балакин В. С. (2018). Из социальной истории советской науки: Академики В. С. Немчинов и Н. П. Федоренко защищают экономико-математические методы оптимального планирования (1960 – середина 1970-х гг.) // Вестник Пермского университета. Т. 43, № 4. С. 88–97. [Balakin V. S. (2018). Social history of the Soviet science: Academicians Vasily Nemchinov and Nikolay Fedorenko on economic and mathematical methods in optimal planning (1960s – middle 1970s). *Perm University Herald. History*, Vol. 43, No. 4, pp. 88–97. (In Russian).]
- Богданов А., Степанов И. (1910). Курс политической экономии. Т. 1. СПб.: Знание. [Bogdanov A., Stepanov I. (1910). *Course of political economy*, Vol. 1. St. Petersburg: Znanie. (In Russian).]
- Богданов А., Степанов И. (1919). Курс политической экономии. Т. 2, Вып. 1, 2, 4. М., Петроград: Коммунист. [Bogdanov A., Stepanov I. (1919). *Course of political economy*. Vol. 2, Iss. 1, 2, 4. Moscow, Petrograd: Communist. (In Russian).]
- Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. (1920). Азбука коммунизма. Петербург: Госиздат. [Bukharin N. I., Preobrazhensky E. A. (1920). *The ABC of communism*. Peterburg: Gosizdat. (In Russian).]
- Васильев Л. С. (1982). Феномен власти-собственности. К проблеме типологии до-капиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века. М.: Наука. С. 60–99. [Vasilyev L. S. (1982). The phenomenon of power-ownership. In: *Types of social relations in the Middle Ages East*. Moscow: Nauka, pp. 60–99. (In Russian).]
- Венедиктов А. В. (1948). Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: Изд-во АН СССР. [Venediktov A. V. (1948). *State socialist property*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Press. (In Russian).]
- Воронцов В. П. (2008). Экономика и капитализм. М.: Астрель. [Vorontsov V. P. (2008). *Economy and capitalism*. Moscow: Astrel. (In Russian).]
- Глаголев В. (2005). Афера с СОФЭ. История одной экономической дискуссии // Российский кто есть кто. № 6. С. 64–65. [Glagolev V. (2005). Speculation with SOFE: The history of one economic discussion. *Russian Who is Who*, No. 6, pp. 64–65. (In Russian).]
- Гловели Г. Д. (2010). Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма // Вопросы экономики. № 10. С. 113–134. [Gloveli G. D. (2010). Political economy in a broad sense: Elements of institutionalism and utopianism. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 113–134. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-10-113-134>
- Гребенников В. Г., Пчелинцев О. С., Шаталин С. С. (1986). О проблемах развития социалистической собственности в СССР // Известия СО АН СССР. Сер.: Экономика и прикладная социология. № 2. С. 7–16. [Grebennikov V. G., Pchelintsev O. S., Shatalin S. S. (1986). On the problems of development of socialist ownership in the USSR. *Proceedings of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Economics and Applied Sociology Series*, No. 2, pp. 7–16. (In Russian).]
- Даниельсон Н. Ф. (1880). Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб.: Тип. В. Безобразова. [Danielson N. F. (1880). *Essays on our post-reform social economy*. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova. (In Russian).]
- Кронрод Я. А. (1966). Законы политической экономии социализма: Проблемы методологии и теории. М.: Мысль. [Kronrod Y. A. (1966). *The laws of the political economy of socialism*. Moscow: Mysl. (In Russian).]
- Кронрод Я. А. (1971). К вопросу о социалистическом способе производства и стадиях его развития // Известия АН СССР. Серия Экономическая. № 3. С. 82–99. [Kronrod Y. A. (1971). On the issue of the socialist mode of production and the stages of its development. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Economics Series*, No. 3, pp. 82–99. (In Russian).]

- Кронрод Я. А. (1973). Некоторые теоретические вопросы экономики развитого социалистического общества // Вопросы экономики. № 2. С. 99–108. [Kronrod Y. A. (1973). Some theoretical issues of the economy of a developed socialist society. *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 99–108. (In Russian).]
- Латов Ю. В. (2007). «Восточный деспотизм» К. А. Виттфогеля (к 50-летию «странной» книги) // Историко-экономические исследования. Т. 8, № 2. С. 8–37. [Latov Y. V. (2007). Wittfogel's "Oriental despotism" (Toward 50th anniversary of the "strange" book). *Journal of Economic History & History of Economics*, Vol. 8, No. 2, pp. 8–37. (In Russian).]
- Ленин В. И. (1970). О кооперации // ПСС. Т. 45. М.: Политиздат. С. 369–377. [Lenin V. I. (1970). On cooperation. In: Lenin V. I. *Collected works*, Vol. 45. Moscow: Politizdat, pp. 369–377. (In Russian).]
- Ленин В. И. (1969). О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // ПСС. Т. 36. М.: Политиздат. С. 283–314. [Lenin V. I. (1969). "Left-wing" childishness. In: Lenin V. I. *Collected works*, Vol. 36. Moscow: Politizdat, pp. 283–314. (In Russian).]
- Мельник Д. В. (2014). Из истории институционализации экономической науки: «Ленинградское дело». М.: Институт экономики РАН. [Melnik D. V. (2014). *From the history of institutionalization of economic science: The "Leningrad affair."* Moscow: Institute of Economics of RAS. (In Russian).]
- Митрохин Н. А. (2023). Очерки советской экономической политики: в 2-х тт. М.: НЛО. [Mitrokhin N. A. (2022). *Essays on Soviet economic policy*. In 2 vols. Moscow: NLO. (In Russian).]
- Некоторые вопросы (1943). Некоторые вопросы преподавания курса политической экономии // Под знаменем марксизма. № 7–8. С. 56–78. [Some questions (1943). Some questions of teaching political economy. *Pod Znamenem Marxisma*, No. 7–8, pp. 56–78. (In Russian).]
- Нуреев Р. М. (1990). Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. № 3. С. 47–58. [Nureev R. M. (1990). Asiatic mode of production and socialism. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 47–58. (In Russian).]
- Овсиенко Ю. В., Сухотин Ю. В. (1979). К вопросу о месте теории оптимального функционирования экономики в системе экономических наук социализма // Экономика и математические методы. Т. 15, вып. 4. С. 783–795. [Ovsiyenko Y. V., Sukhotin Y. V. (1979). On the question of the place of the theory of optimal functioning of economy in the system of economic sciences of socialism. *Economics and Mathematical Methods*, Vol. 15, No. 4, pp. 783–795. (In Russian).]
- Ореховский П. А. (ред.) (2022). Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР. СПб.: Алетейя. [Orekhovskiy P. A. (ed.) (2022). *Cognitive structures and the political economy of socialism in the USSR*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russian).]
- Островитянов К. В., Шепилов Д. Т., Леонтьев Л. А., Лаптев И. Д., Кузьминов И. И., Гатовский Л. М. (1954). Политическая экономия. Учебник. М.: Политиздат. [Ostrovityanov K. V., Shepilov D. T., Leontyev L. A., Laptev I. D., Kuzminov I. I., Gatovsky L. M. (1954). *Political economy*. A textbook. Moscow: Politizdat. (In Russian).]
- Попкова Л. (1987). Где пышнее пироги? // Новый мир. № 5. С. 239–240. [Popkova L. (1987). Where are the lushier pies? *Novy Mir*, No. 5, pp. 239–240. (In Russian).]
- Попов Г. Х. (2004). Приближая будущее // Судьба политической экономии и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс. С. 363–394. [Popov G. K. (2004). Bringing the future closer. In: *The destiny of political economy and its Soviet classic scholar*. Moscow: Alpina Business Books, pp. 363–394. (In Russian).]
- Преображенский Е. А., Бухарин Н. И. (1990). Пути развития: дискуссии 20-х гг. Л.: Лениздат. [Preobrazhensky E. A., Bukharin N. I. (1990). *Paths of development: Debates of the 1920s*. Leningrad: Lenizdat. (In Russian).]

- Сибирев А. И. (1983). Хозяйственный расчет // История политической экономики социализма, 2-е изд. / Под ред. Д. К. Трифонова и Л. Д. Широкограда. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 391–430. [Sibirev A. I. (1983). Economic accounting. In: D. K. Trifonov, L. D. Shirokorad (eds.). *History of political economy of socialism*, 2nd ed. Leningrad: LSU Publ., pp. 391–430. (In Russian).]
- Скворцов-Степанов И. (1925). Что такое политическая экономия? // Под знаменем марксизма. № 1–2. С. 156–190. [Skvortsov-Stepanov I. (1925). What is political economy? *Pod Znamenem Marxisma*, No. 1–2, pp. 156–190. (In Russian).]
- Сталин И. В. (1952). Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат. [Stalin I. V. (1952). *Economic problems of socialism in the USSR*. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).]
- Сталин И. В. (2012). Беседа И. В. Сталина по вопросам политической экономии. Запись 29 января 1941 г. // Исторический архив. № 4. С. 6–28. [Stalin I. V. (2012). Talks with economists. Note of 29th of January 1941. *Istoricheskiy Arhiv*, No. 4, pp. 6–28. (In Russian).]
- Сухотин Ю. В. (1975). О хозяйственных формах планомерного управления. М.: ЦЭМИ. [Sukhotin Y. V. (1975). *On the economic forms of planned management*. Moscow: TSEMI. (In Russian).]
- Сухотин Ю. В. (1983). О мотивационном аспекте хозяйственного управления // Экономика и математические методы. Т. 19, № 2. С. 328–345. [Sukhotin Y. V. (1983). On the motivational aspect of economic management. *Economics and Mathematical Methods*, Vol. 19, No. 2, pp. 328–345. (In Russian).]
- Сухотин Ю. В. (1985). Хозяйственный механизм в системе производственных отношений. // Известия СО АН СССР. Серия Экономика и прикладная социология. Т. 1, № 1. С. 13–20. [Sukhotin Y. V. (1985). Economic mechanism in the system of production relations. *Proceedings of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Economics and Applied Sociology Series*, Vol. 1, No. 1, pp. 13–20. (In Russian).]
- Трифонов Д. К. (1964). Общие экономические законы. Л.: Изд-во ЛГУ. [Trifonov D. K. (1964). *General economic laws*. Leningrad: LSU Press. (In Russian).]
- Цаголов Н. А. (ред.) (1963). Курс политической экономии. Т. 2. М.: Экономика. [Tsgolov N. A. (ed.) (1973). *Course of political economy*. Vol. 2. Moscow: Ekonomika. (In Russian).]
- Цаголов Н. А. (1973). Актуальные вопросы разработки системы политической экономии // О системе категорий и законов политической экономии / Под ред. Н. А. Цагорова. М.: Изд-во МГУ. С. 5–43. [Tsgolov N. A. (1973). Current problems of designing the system of political economy. In: N. A. Tsgolov (ed.). *On the system of categories and laws of political economy*. Moscow: MSU Press, pp. 5–43. (In Russian).]
- Штейн В. М. (1948). Очерки развития русской социально-экономической мысли XIX–XX веков. Л.: Изд-во ЛГУ. [Stein V. M. (1948). *Essays in development of Russian socio-economic thought in the 19th and 20th centuries*. Leningrad: LSU Press. (In Russian).]
- Шкредов В. П. (1967). Экономика и право. М.: Экономика. [Shkredov V. P. (1967). *Economy and law*. Moscow: Ekonomika. (In Russian).]
- Шкредов В. П. (1973). Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ. [Shkredov V. P. (1973). *The method of studying ownership in K. Marx's Capital*. Moscow: MSU Press. (In Russian).]
- Шляпников А. Г. и др. (1921). Задачи профессиональных союзов (тезисы рабочей оппозиции). М.: Госиздат. [Shlyapnikov A. G. et al. (1921). *Tasks of trade unions (Theses of the Workers Opposition)*. Moscow: Gosizdat. (In Russian).]
- Юрчак А. (2014). Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение. [Yurchak A. (2014). *Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian).]

Dunayevskaya R. (tran.) (1944). Teaching of economics in the Soviet Union. *American Economic Review*, Vol. 34, No. 3, pp. 501–530.

The discourse on ownership in the Soviet political economy

Denis V. Melnik^{1,*}, Oleg I. Ananyin^{1,2}

Authors affiliation: ¹ HSE University (Moscow, Russia);

² Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: dmelnik@hse.ru

The primary task for political economy of socialism was to elaborate a project of the new society. Looking forward into the future, that is positioning beyond current reality, was its mission, not a flaw, for which it is routinely blamed. At the same time, the future socialist society was thought through negation of capitalism as a system based on private property. Therefore, the theme of ownership was at the centre of the socialist project. Creating specific type of discourse was its component part. Sophistication in mastering its rules was a prerequisite of meaningful communication within this discourse. That's why the texts as artifacts of this discourse need to be deciphered today. In this paper, dealing with the history of Soviet economic debates about ownership, it is attempted to reveal most relevant, even if often implicit, meanings which leading Soviet political economists were aiming to express in their works. The authors analyse historical background of the Soviet ownership discourse, its formation in the early Soviet, as well as in Stalin's periods, competing research programmes of its transformation in the 1960s and 1970s, and its breakup at the turn of the 1990s.

Keywords: political economy of socialism, social ownership, cooperative ownership, power-ownership, A. V. Venediktov, Y. A. Kronrod, N. A. Tsagolov, V. P. Shkredov, Y. V. Sukhotin.

JEL: B14, B24, P30.

Многорукий Адам Смит (Часть первая)

Р. И. Капелюшников^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)*

² *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)*

В работе рассматривается метафора «невидимой руки», предложенная Адамом Смитом (1723–1790) и ставшая со временем центральным концептом экономической науки. В первой части представлен подробный текстологический анализ трех фрагментов из произведений Смита, где она используется: в посмертно опубликованной «Истории астрономии» (1796), «Теории нравственных чувств» (1757) и «Богатстве народов» (1776). Прослеживается, какой смысл вкладывал в эту метафору сам Смит и какое значение он ей придавал — стояла за ней какая-то важная общая идея или это была скорее фигура речи? В литературе нет единого мнения и о том, какую интерпретацию следует признать более корректной — теологическую (в таком случае «невидимая рука» приписывается направляющему ее Провидению) или секулярную (в таком случае она действует без управления со стороны каких-либо внешних сил). Помимо «невидимой руки», в текстах Смита обнаруживается также «видимая рука» государства, причем он не оставляет сомнений, на чьей стороне находятся его симпатии.

Ключевые слова: Адам Смит, невидимая рука, непредвиденные последствия, координация, спонтанный порядок.

JEL: B12, B13, B31, Z12.

К 300-летию автора
«Богатства народов»

Введение

«Невидимая рука» — центральная метафора экономической теории, ведущая свое происхождение от прославленного труда Адама Смита (1723–1790) «Исследование о природе и причинах богатства народов» (Смит, 1776/2007). Хотя сам Смит использовал ее в своей

Капелюшников Ростислав Исаакович (rostis@hse.ru), чл.-корр. РАН, д. э. н., гл. н. с. ИМЭМО РАН, замдиректора Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ.

книге почти мимоходом и лишь однажды, последующие поколения экономистов превратили ее без преувеличения в смысловое ядро своей науки. Сегодня в том, что специфику экономического способа мышления точнее всего выражает именно она, сходятся исследователи, принадлежащие к разным, нередко враждующим теоретическим школам.

В истории идей найдется немного фраз, которые привлекали бы к себе столько внимания и наделялись бы таким значением, как «невидимая рука» (Harrison, 2011). Посвященная ей литература — как теоретическая, так и историографическая — практически безбрежна. Это тем более поразительно, что в корпусе текстов Смита она встречается лишь трижды: один раз в посмертно опубликованной «Истории астрономии» (1796), один раз в «Теории нравственных чувств» (1757) и один раз в «Богатстве народов» (1776), причем во всех трех случаях он использует ее без каких-либо комментариев или намеков на ее важность для хода его рассуждений. Высказывание американского исследователя П. Миновца хорошо передает парадоксальность сложившейся ситуации: «По прошествии столетий после смерти Смита мы все еще пытаемся понять фразу из двух слов, затерявшуюся где-то в его тысячестраничной книге» (Minowitz, 2004. Р. 411; здесь и далее перевод мой. — *Р. К.*).

Ареал распространения смитовской метафоры не ограничивается только академическими публикациями: она уже давно вышла за их границы и прочно обосновалась в публичном пространстве, став популярным мемом. Как иронически заметил в свое время П. Самуэльсон, «невидимая рука» — это то единственное, что по прошествии даже нескольких десятилетий большинство выпускников университетов все еще помнят из своего курса по экономике.

В массмедиа (хотя иногда и в работах профессиональных экономистов) фраза Смита чаще всего фигурирует в вульгаризированной версии — как «невидимая рука рынка». На самом деле это позднейшая (некорректная) вставка, искажающая мысль Смита: рассуждая о «невидимой руке», он не приписывал ее ничему конкретному — ни рынку, про который в соответствующих местах даже не упоминается, ни чему-либо еще. У него она действует вполне автономно, сама по себе: и в «Теории нравственных чувств», и в «Богатстве народов» отсутствуют какие-либо уточнения, чья она — кому принадлежит или к чему относится. Внимательное знакомство с его текстами убеждает, что он вкладывал в это понятие гораздо более широкий смысл, не привязывая его жестко к какому-либо одному социальному явлению или процессу.

В современной философии науки метафора Смита используется для обозначения особого (децентрализованного) типа координации и соответственно особого типа научных объяснений (Nozick, 1994). В терминах «невидимой руки» принято описывать ситуации, в которых разрозненные действия отдельных людей вызывают непредвиденные последствия, которые не организуются сознательно сверху центральным органом, но спонтанно складываются в упорядоченную структуру, благоприятную для всех. Говоря иначе, принцип «невидимой руки» подразумевает, что при определенных условиях благотворный общественный порядок может возникать децентрализованно — как непреднамеренное следствие поступков индивидов (Вон, 2009). Общий смысл этой идеи точно сформулировал

другой шотландский мыслитель, друг и коллега Смита А. Фергюсон (1723—1816): частная собственность и вообще любые политические институты являются «результатом человеческой деятельности, но не исполнения какого-либо человеческого замысла» (Ferguson, 1996. P. 122).

В социальных дисциплинах объяснения с позиции «невидимой руки» (invisible hand explanations) широко распространены и используются при изучении множества разнородных феноменов — разделения труда, возникновения средств обмена, роста богатства, формирования социальных норм и институтов и т. д.¹ В качестве парадигмального примера обычно ссылаются на деятельность конкурентных рынков, способных обеспечивать такое распределение ресурсов общества, от которого будут выигрывать все его члены. Объяснения с позиции «невидимой руки» помогают понять, как многое из того, что выглядит на поверхности результатом чьего-то сознательного замысла, в действительности является побочным продуктом бессознательных процессов, сложного переплетения межличностных взаимодействий². В социальных исследованиях антиподом таких «невидиморучных» объяснений выступают интенциональные объяснения, когда те или иные явления выводятся напрямую из интересов, целей и намерений (явных или скрытых) индивидуальных агентов или их групп.

Нетрудно заметить, что метафора «невидимой руки» сводит вместе три тесно связанные, но все же самостоятельные идеи (Вон, 2009; Vlaug, 2008). Во-первых, что частные действия индивидов могут иметь непредвиденные и непреднамеренные социальные последствия, то есть касаться других людей или даже всего общества в целом. Во-вторых, что последствия действий, направляемых частными интересами, могут складываться в определенный порядок, как если бы они координировались из центра с целью создания какой-то общей, внутренне согласованной структуры. Хотя человеческий разум способен опознавать присутствие в социальной реальности такого рода порядков, инстинктивно он все равно склонен видеть в них реализацию чьего-то сознательного замысла. В-третьих, что возникающий таким образом порядок индивиды могут находить *post factum* полезным и желательным для себя, хотя заранее никто из них не имел его в виду, и его создание не входило в их цели.

Некоторые исследователи считают третье условие не обязательным, помещая под рубрику «невидимой руки» и ситуации, когда частная деятельность оказывается источником не благоприятных, а пагубных непредвиденных социальных последствий (Nozick, 1994). Однако поскольку у самого Смита все ссылки на «невидимую руку» предполагают совпадение частных и общественных интересов, в последующем

¹ Выдающийся американский философ Р. Нозик приводит 16 примеров из различных областей знания — от теории эволюции до анализа преступности, где используются объяснения с позиции «невидимой руки» (Нозик, 2008).

² «Потребность в объяснениях подобного типа возникает, когда у нас вызывает удивление появление некоего нового и неожиданного свойства P , потому что мы не можем понять, каким образом оно могло латентно содержаться в ничем не примечательных („прозаических“) действиях определенного числа людей. В терминах теории сложности P будет определяться как эмерджентное свойство системы S , если S состоит из набора элементов $\{e_1 \dots e_n\}$ и если исходя из всех доступных нам микроразнаний об этих элементах нам не удастся обнаружить в них способности породить P » (Gaus, 2011).

изложении мы будем придерживаться более традиционного («узкого») понимания, связывая эту идею только с индивидуальными действиями, непредумышленно способствующими благосостоянию общества.

Возвращаясь к самому Смигу, отметим, что, как ни парадоксально, но среди исследователей его творчества до сих пор нет единого мнения о том, что именно он имел в виду, когда использовал метафору «невидимой руки», и насколько важной она для него была. Существующий разброс в оценках огромен — от панегирических до пренебрежительных и разоблачительных.

С одной стороны, есть немало экономистов, которые видят в ней «глубочайшее прозрение Смита» (К. Эрроу); «зримый фундамент всего здания экономической теории» (Г. Мюрдаль); «универсальный объяснительный принцип, приложимый к любым экономическим явлениям» (Дж. Шэкл); «краеугольный камень, на котором строится экономическая наука» (И. Кристол); «великую унифицирующую научную концепцию экономики» (Дж. Хиршлейфер); «базовую аналитическую парадигму ортодоксальной экономической теории» (С. Гордон); «единственный основополагающий принцип экономической теории» (Дж. О’Дрисколл); «сердцевину экономической теории» (М. Десаи); «самое важное понятие современной социальной мысли» (Э. Халил); «наиболее важный интеллектуальный вклад экономической мысли в общее понимание социальных процессов» (Ф. Хан); «самое важное и существенное положение во всей экономической науке» (Дж. Стиглер); «возможно, главное интеллектуальное открытие во всей истории экономической науки» (Дж. Бьюкенен); «одну из величайших и влиятельнейших идей во всей истории» (Дж. Тобин) (подборка приведенных высказываний цитируется по: Samuels, 2011).

С другой стороны, некоторые историки экономической мысли отказывают смитовской «невидимой руке» в праве именоваться «парадигмой», «теорией» или «концепцией», объявляя ее «умеренно иронической шуткой» (Rothschild, 1994) или «риторической фикцией» (Kennedy, 2009a), не говоря уже о множестве авторов левой ориентации, склонных усматривать в ней только неприкрытую апологию капиталистической системы (см.: Samuels, 2011).

У современных смитоведов наибольший интерес вызывают, пожалуй, четыре проблемы, так или иначе связанные с метафорой «невидимой руки»: 1) какая общая идея стоит за ней, какой смысл вкладывал в нее сам Смит; 2) насколько согласуются между собой три случая ее использования в «Истории астрономии», «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов»; 3) какую интерпретацию следует считать более корректной — теологическую (в таком случае «невидимая рука» приписывается направляющему ее Провидению) или секулярную (в таком случае она действует самостоятельно, без внешнего управления со стороны высших сил); 4) насколько адекватен взглядам Смита стандартный для экономистов-неоклассиков подход, при котором «невидимая рука» трактуется как предвосхищение теории общего равновесия.

Цель нашего обзора — познакомить российского читателя с наиболее интересными аспектами непрекращающихся дискуссий вокруг смитовской «невидимой руки». В большей или меньшей степени мы

попытаемся коснуться всех главных проблем, продолжающих до сих пор вызывать оживленные споры. Но основной акцент будет сделан на текстологическом разборе тех фрагментов из произведений Смита, где появляется «невидимая рука». Оговоримся, что с учетом неохватных масштабов современной смитианы наш анализ, конечно, не может считаться полным и исчерпывающим тему.

«История астрономии»: Невидимая рука-1

Хронологически первое упоминание о «невидимой руке» встречается в посмертно опубликованной работе Смита «История астрономии» (Смит, 1796/2014). Как предполагают большинство исследователей, он начал работать над ней еще во время учебы в Оксфорде (1740–1746), но, судя по косвенным свидетельствам, закончил ее значительно позже — ближе к концу 1750-х годов (Macfie, 1971). В письме Д. Юму Смит характеризовал «Историю астрономии» как свое первое крупное, хотя и «юношеское» произведение. Большую часть своих рукописей он, как известно, завещал уничтожить. Одно из немногих исключений было сделано для «Истории астрономии». По-видимому, Смит ценил его достаточно высоко, раз не пожелал, чтобы она была предана огню.

Полное название работы — «Принципы, которые ведут и направляют философские исследования; иллюстрируется на примере истории астрономии». Обсуждению собственно истории астрономии, занимающему примерно 80% текста, предшествуют три небольших раздела, в которых автор описывает механику человеческого воображения и то, как оно пытается объяснить для себя окружающий мир. По сути, он предлагает здесь свою версию психологии познания.

Согласно Смиуту, в возбужденное состояние наше воображение могут приводить три чувства — Изумление (Wonder), Удивление (Surprise) и Восхищение (Admiration), вызываемые соответственно (1) новыми, (2) неожиданными или (3) величественными и прекрасными явлениями. Изумление вызывают экстраординарные и редко встречающиеся события (метеоры, кометы, затмения и т. д.); удивление возникает при столкновении с неожиданными событиями, которые сами по себе могут быть хорошо знакомы, но которые случаются внезапно, совсем не там, где обычно; наконец, источником восхищения служит все грандиозное, величественное и прекрасное. По поводу чувства изумления Смит делает важное уточнение: его могут вызывать не только уникальные и неповторимые объекты, но и необычная последовательность знакомых объектов, когда они идут друг за другом в непривычном порядке (Смит, 2014).

По Смиуту, природа заложила в человеке непреодолимую потребность к упорядочению всего, с чем ему приходится иметь дело. Любое хаотичное нагромождение событий способно стать причиной сильнейшего психологического дискомфорта: «Разум приходит в... смятение и ввергается в пучину беспорядка (disorder), наблюдая длинные ряды событий, следующих друг за другом в необычной последовательности» (Смит, 2014. С. 903). Когда нам не удается связать два последовательных события друг с другом, так что между ними обнаруживается «нечто вроде бреши или разрыва», «воображение впадает в нерешительность, на время останавливается на границе этого интервала» и «стремится найти что-то, что могло бы заполнить эту брешь» (Смит, 2014. С. 900). Снять это психологическое напряжение может только «предположение о существовании цепочки промежуточных, хотя и невидимых (invisible), событий, следующих друг за другом в последовательности, которая уже похожа на привычную нашему воображению и таким образом могущую связать эти два разъединенных между собой явления» (Смит, 2014. С. 900–901). После обнаружения связующей цепочки промежуточных событий изумление исчезает, ибо устраняется то, что ранее мешало гладкому ходу воображения (Смит, 2014. С. 901–902). Однако это бывает под силу только искусственному, философски подготовленному уму: невнимательные и неискушенные наблюдатели, которым, несмотря на все их усилия, не удается отыскать промежуточные звенья, связывающие разрозненные события, «испытывают сначала растерянность, затем головную боль, а после и вовсе начинают сходить с ума» (Смит, 2014. С. 902).

По словам Смита, философию можно рассматривать «как одно из тех искусств, которые обращаются к воображению», поскольку она представляет собой науку «о принципах связи в природе» (Смит, 2014. С. 905). В этом качестве она выступает как своего рода «транквилизатор» (Buchan, 2003. Р. 125): «Философия, обнаруживая невидимые цепочки, которые связывают вместе все эти разрозненные объекты, стремится внести порядок в этот хаос раздражающих и не согласующихся друг с другом явлений. Это делается для того, чтобы успокоить смятение воображения и возратить его (restore), когда оно обзирает великие революции вселенной, в прежнее состояние покоя и самообладания, которые и наиболее приятны сами по себе, и наиболее соответствуют его природе» (Смит, 2014. С. 905). Скажем, солнечные и лунные затмения некогда возбуждали в человечестве «ужас и восхищение», но с момента открытия связующей цепи, присоединившей «их к привычному ходу вещей», они уже «больше не изумляют»: место изумления заняло одно только восхищение их красотой (Смит, 2014. С. 902).

Однако философия — это продукт цивилизации. Раздел «О происхождении философии» Смит начинает с обсуждения того, как до ее появления справлялись с чувством изумления дикари и язычники: «Еще в первые века формирования общества, до становления права, порядка и охраны от врагов, человечество делало слабые попытки найти те скрытые цепочки событий, которые объединяли, казалось бы, не связанные между собой явления природы. Дикарь, чьи средства существования зависели от непредвиденных обстоятельств, чья жизнь каждый день подвергалась серьезной опасности, совершенно не имел склонности занимать свое внимание поиском бесполезных истин» (Смит, 2014. С. 907–908).

У дикаря изумление вызывали только грандиозные иррегулярные события, нарушавшие обычный порядок вещей, такие как кометы, затмения, громы и молнии. Они внушали ему благоговейный страх, причем их непостижимость («каким образом они появились, как они протекают, что происходило до их появления и что будет после них») повергала его в еще больший испуг и ужас (Смит, 2014. С. 908). Охваченный трепетом, он был готов поверить в любые сведения о таких явлениях. Как выразился британский историк экономической мысли Г. Кеннеди, невежество порождало паранойю (Kennedy, 2009a. Р. 243). Вместе с тем какие-то иррегулярные события могли оказываться благоприятными (радуга, спокойное море, обильный урожай) и поэтому воспринимались с радостью и благодарностью. Но в обоих случаях дикарь чувствовал свое бессилие и был склонен объяснять такие отклонения от обычного порядка вещей вмешательством неких разумных, хотя и невидимых, существ: «Для дикаря всякий объект природы, в достаточной мере значимый по своей красоте или величию, полезности или пагубности для того, чтобы привлечь к себе внимание, и чьи проявления к тому же не обладают совершенной регулярностью, — такой объект представляется действующим под управлением некой невидимой (invisible) и [созидающей] (designing) силы» (Смит, 2014. С. 909; здесь и далее уточнения существующих русских переводов работ Смита даются в квадратных скобках. — Р. К.). С этим Смит связывает возникновение политеизма и именно в этом контексте в «Истории астрономии» появляется «невидимая рука», принадлежащая верховному богу римлян Юпитеру:

«Отсюда... происхождение Политеизма и того вульгарного суеверия, которое приписывает все иррегулярные события в природе благосклонности или недовольству разумных, хотя и невидимых (invisible), существ — богов, демонов, ведьм, духов и фей. Следует отметить, что во всех политеистических религиях, среди дикарей, как и на ранних этапах [языческой античности], только эти иррегулярные явления природы [приписываются деятельности и власти их богов. Огонь обжигает, а вода охлаждает; тяжелые тела падают вниз, а более легкие вещества улетают вверх] согласно их собственной природе; никакого участия *невидимой руки* Юпитера [в таких случаях никогда не предполагается]. Однако громы и молнии, бури и сияние солнца, равно как и [другие еще более иррегулярные события, приписывались] его гневу или милости. Человек, единственная [следующая своим замыслам] сила, с которой дикари были знакомы, никогда не действовал иначе, кроме как для того, чтобы либо остановить, либо изменить

ход природных явлений, [которому бы те следовали, будь они предоставлены самим себе]. Те другие разумные существа, которых дикари рисовали в своем воображении (*imagined*), но которых не знали, естественно, как предполагалось, действовали в такой же манере — [не для того, чтобы участвовать в поддержании] обычного хода вещей, [которому те стали бы следовать, предоставленные самим себе, а для того, чтобы его останавливать, нарушать или расстраивать]. И потому в первые века существования мира философию [заменяло самое низкое и малодушное суеверие]» (Смит, 2014. С. 909–910; курсив мой. — Р. К.).

В этом ключевом отрывке следует выделить несколько моментов. Во-первых, выражение «невидимая рука» используется не в метафорическом, а в прямом, буквальном смысле (на римских монетах Юпитер изображался держащим в руке молнию). Во-вторых, «невидимая рука» не выражает какого-либо абстрактного принципа, а является физическим атрибутом конкретного божества — Юпитера (важно, что это бог языческий, а не христианский). В-третьих, она оказывается наделена негативными коннотациями, и отношение к ней Смита однозначно критическое: ссылки на ее вмешательство представляют «самое низкое и малодушное суеверие», это проявление страха и невежества людей, не вкусивших благ цивилизации. Как он подчеркивает, тем, кто за любыми иррегулярными явлениями усматривал руку Юпитера, был перепуганный и невежественный римлянин. В-четвертых, по представлениям дикарей и язычников, объяснения требовали только аномалии, выпадающие из регулярного порядка вещей, тогда как сам он ни в каких объяснениях не нуждался и воспринимался ими как само собой разумеющийся, не вызывая ни малейшего изумления. Если регулярные события приписывались естественным свойствам вещей, то иррегулярные — капризной воле богов. Соответственно «невидимая рука» предстает как орудие нарушения естественного («нормального») порядка, а не как средство его поддержания. В-пятых, в роли нарушителей обычного порядка вещей боги уподобляются людям: стремясь к достижению собственных целей, и те и другие своими действиями его отменяют, коречат, ломают. Перед нами очевидная проекция антропоморфизма на природный мир. В-шестых, как дикари, так и философы используют для своих объяснений сущности, которые невидимы. Но в первом случае это пребывающие в иных мирах сверхъестественные личностные акторы («невидимые существа»), а во втором — скрытые от глаз безличные природные силы («невидимые промежуточные объекты»). В-седьмых, если вмешательство «невидимой руки Юпитера», на которое ссылаются язычники, подрывает естественный порядок (см. выше), то «невидимые промежуточные звенья», которые при изучении природы обнаруживают философы, напротив, призваны его восстанавливать. В-восьмых, если до рождения философии любые значимые изменения рассматривались людьми исключительно как результат сознательного замысла неких разумных существ, то после ее появления они начали рассматриваться как продукт действия бессознательных природных сил. И последнее: в отрывке из «Истории астрономии» нет никаких следов идеи, с которой выражение «невидимая рука» ассоциируется чаще всего, — когда преследование индивидами собственного частного интереса непреднамеренно приводит к благу для всего общества.

Ненадежность существования дикарей и их постоянная подверженность различным опасностям не давали им ни времени, ни стимулов к размышлениям о необычных явлениях природы. Лишь с приходом цивилизации у людей появилось достаточно свободного времени, чтобы предаваться философским занятиям, позволившим бросить вызов суеверным фантазиям мистиков и шаманов: «Однако, когда закон установил порядок и безопасность, а существование перестало зависеть исключительно от непредвиденных обстоятельств, любознательность человечества стала расти, а страхи уменьшились. Свободное время, которого стало больше, подталкивало людей к более внимательному наблюдению за явлениями природы, к изучению мельчайших странностей и [нерегулярностей] и пробуждало в них большее желание узнать, какова та цепь, что связывает эти явления воедино» (Смит, 2014. С. 910). В результате они стали менее склонны ссылаться при построении связующих цепочек событий на вмешательство невидимых существ, вызывавших страх у их невежественных предков (Смит, 2014).

Тем не менее и в современных обществах большинство людей остаются слепы к этой тонкой работе по отысканию невидимых промежуточных связей между отдаленными друг от друга событиями. Связи, открываемые философами, «представляют собой такие комбинации событий, которые [не останавливают] воображение основной массы человечества: они не возбуждают ни Изумления, ни [осознания того, что между ними отсутствует строгая связь]» (Смит, 2014. С. 904). Как следствие, развитие философии (читай — науки) не устраняет невежества и предрассудков даже среди образованной публики. Так, множество «малодушных суеверий» было перенесено в учения и практику современных религиозных доктрин (Kennedy, 2009b). В этом смысле вера в «невидимую руку» Юпитера никуда не исчезла, а просто приняла иные, более изощренные формы.

«Теория нравственных чувств»: Невидимая рука-2

Отрывок из «Теории нравственных чувств» (Смит, 1757/1997) с упоминанием «невидимой руки» отличается высокой концентрацией множества разных, подчас парадоксальных идей и представляет, наверное, наибольшие трудности для интерпретации. Он находится в главе 3 третьего отдела первой части книги с говорящим названием «Об извращении наших нравственных чувств привычкой восхищаться богатыми и знатными людьми и презирать людей бедных или незнатного происхождения или пренебрегать ими». В ней Смит обсуждает, какое влияние на поведение людей оказывает богатство — почему они к нему стремятся, ему завидуют и им восхищаются, а также к каким последствиям для отдельного человека и всего общества это приводит. В ходе обсуждения возникает фигура «гордого и бесчувственного землевладельца», который не думает ни о ком, кроме себя, но который, несмотря на это, поддерживает жизнь тысяч совершенно безразличных ему людей:

«Природа не без цели побуждает гордого и бесчувственного землевладельца оглядывать жадными глазами свои обширные владения и пожирать в своем воображении покрывающие их богатые жатвы, не помышляя ни на одну минуту о потребностях своих ближних. Последний подтверждает собой известную поговорку о глазах более жадных, чем брюхо. Его желудок не находится в соответствии с безграничностью его желаний и не может вместить в себя больше, чем желудок простого крестьянина. Он поневоле должен [распределить] часть того, что потребить не в состоянии, [среди тех, кто бы] приготовил для него самым изысканным способом то небольшое количество пищи, какое он может съесть; [среди тех, кто бы] соорудил и украсил занимаемый им дворец, в котором он мог бы это немного съесть; [среди тех, кто бы снабдил его и содержал в порядке всевозможные безделушки и побрякушки (baubles and trinkets), которые могли бы использоваться им для поддержания своего величия. Все эти люди получают от его роскоши и прихотей ту долю предметов жизненной необходимости, которую они тщетно ожидали бы от его человеколюбия и его справедливости. Во все времена продукт Земли поддерживает примерно такое количество жителей, которое он способен поддержать. Только богатые избирают из общей массы самое изысканное и приятное]. В сущности, они потребляют не более, чем бедные. Несмотря на свою естественную алчность и на свой эгоизм, несмотря на то, что они [имеют в виду только свои собственные удобства, несмотря на то, что единственной целью, на достижение которой направляется труд всех тех тысяч, которых они используют, является удовлетворение их суетных и ненасытных желаний], они разделяют с последним бедняком плоды работ, производимых по их приказанию. [Они оказываются ведомыми некоей *невидимой рукой*, которая заставляет их производить примерно такое же распределение предметов жизненной необходимости, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми. Таким образом, без всякого намерения и ничего о том не зная, он содействует интересам общества и предоставляет средства для умножения человеческого рода]. Провидение, разделив землю между небольшим числом знатных хозяев, не позабыло и не оставило тех, [кто, казалось бы, исключен

из раздела земли. Они также получают свою долю из всего, что производится ею]. Что же касается того, что составляет истинное счастье человеческой жизни, то они стоят несколько не ниже тех, кто, казалось бы, поставлен намного выше них. Относительно [телесного здоровья и душевного покоя] все различные слои общества находятся примерно на одном уровне, и греющийся на солнышке у дороги нищий обладает таким чувством безопасности, к которому короли лишь стремятся» (Смит, 1997. С. 184–185; курсив мой. — Р. К.).

Для начала попробуем выделить основные темы, заявленные Смитом в этом фрагменте: 1) поведение «гордого и бесчувственного землевладельца», жаждущего богатства, мотивировано иллюзией и, следовательно, нерационально; 2) столкновение с реальностью (недостаточная вместимость желудка) заставляет его модифицировать свои цели, которые тем не менее остаются эфемерными (погоня за «безделушками и побрякушками»); 3) при всем своем эгоизме и алчности он вынужден делиться частью своего богатства (урожая с его полей) со множеством других людей; 4) с точки зрения потребления предметов жизненной необходимости между ним и последним бедняком почти нет различий (неравенство существует только в потреблении предметов роскоши — «безделушек и побрякушек»); 5) численность населения всегда находится в строгом соответствии с плодородием земли; 6) распределение предметов жизненной необходимости остается примерно одним и тем же независимо от того, как распределена земельная собственность — равными или совершенно неравными долями; 7) обеспечивая практически равное распределение предметов жизненной необходимости, «гордый и бесчувственный землевладелец» служит благу всего общества (обогащению и прумножению человеческого рода), хотя это не входит в его намерения, в чем проявляется действие стоящей за его спиной «некоей невидимой руки»; 8) относительно этого своего содействия общественному благу он пребывает в полном неведении, и стремление к нему никогда не входит в его цели; 9) «истинное счастье» также распределяется между людьми более или менее равномерно, независимо от их богатства и статуса, так что поведение «гордого и бесчувственного землевладельца», надеющегося стать счастливее благодаря растущему богатству, предстает как вдвойне нерациональное.

Перед тем, как обратиться к фигуре «гордого и бесчувственного землевладельца», Смит задается общим вопросом: почему богатство кажется людям таким желанным и они видят в нем источник счастья? Здесь, по его мнению, действуют два мощных мотива. Первый — стремление отличаться от других людей, выделяться из общей массы, привлекая к себе внимание окружающих: «Богатство и внешние почести... имеют... то преимущество... что непосредственнее и полнее удовлетворяют столь естественное для человека пристрастие ко всему, что может отличить его от прочих людей» (Смит, 1997. С. 168, 183). Все дело в том, что, живя в обществе, «мы обращаем больше внимания на мнения прочих людей, чем на собственные наши чувства, и на занимаемое нами место смотрим постоянно не с этого самого места, а с точки зрения на него прочих людей» (Смит, 1997. С. 183). Завистливое внимание окружающих к нашему богатству позволяет нам чувствовать себя особенными, не такими, как все.

Второй мотив — врожденная склонность людей пленяться красотой упорядоченности и функциональности попадающих в поле их зрения предметов, пусть даже самых бесполезных. Под ее влиянием они буквально на каждом шагу занимаются подменой целей средствами и оказываются крайне далеки от того, чтобы, говоря современным языком, «максимизировать полезность»: «В любом произведении искусства его соответствие своему предназначению (fitness), его удачное и хитроумное устройство часто ценится больше, чем сама цель, ради которой оно и было задумано» (Smith, 2006. P. 161); «точная приспособленность средств достижению какого-либо удобства или удовольствия сильнее привлекает к себе наше внимание, чем само это удобство или удовольствие, в достижении которых, казалось бы, и заключается их смысл» (Smith, 2006. P. 161). Вещи зачаровывают своей функциональностью и влекут к себе не столько потому, что полезны, сколько потому, что соответствуют тому, ради чего были созданы, внося порядок и регулярность в окружающую людей среду. Только поэтому дворцы, сады, экипажи и свита, принадлежащие знати, возбуждают всеобщее вожделение.

Как замечает Смит, вещи кажутся нам желанными только потому, что они искусно изготовлены и идеально соответствуют своему предназначению, даже если цели, которым они служат, совершенно ничтожны: «Нас очаровывают красота и удобства, присущие дворцам знатных людей; мы восхищаемся искусству, с которым расположены в них все предметы с целью умножить удовольствия этих людей, предупредить их нужды, исполнить их капризы, удовлетворить и возбудить их [самые пустяковые] желания. Тем не менее если бы мы рассмотрели как следует то удовольствие, какое действительно может быть доставлено этими благами независимо от [их красоты, искусности и целесообразности, то оно во всяком случае показалось бы нам в высшей степени презренным и ничтожным]. Но мы редкозираем на это с такой [абстрактной и философской] точки зрения. В своем воображении мы естественным образом смешиваем порядок, [правильное и гармоничное движение системы, механизма или хозяйства (оесопому), посредством которых производится это удовольствие, с ним самим]» (Смит, 1997. С. 184).

По Смиуту, «полезность» предметов в качестве мотиватора поведения часто не так важна, как их «красота». Человеческая деятельность в его понимании направляется не столько экономическими, сколько эстетическими соображениями: и хижина, и дворец служат убежищем от непогоды, но красота, заключенная в целесообразном устройстве дворца, заставляет соискателей богатства ни свет ни заря покидать постели, отправляясь на заработки средств, необходимых для приобретения таких прекрасных вещей. Отсюда — безудержная погоня за предметами роскоши, всевозможными «безделушками и побрякушками», не стоящими усилий по их получению: «Сколько же людей разоряется, тратя деньги на приобретение самых пустых предметов! И предметы эти нравятся им не столько своей полезностью, сколько своей способностью быть полезными. Они наполняют ими свои карманы, а потом приказывают сделать себе новые карманы, чтобы таскать с собой большее их количество. Ходят они обвешанными множеством дорогих побрякушек, которые составляют такой же груз, как содержимое ящика разносчика; некоторые из них представляют кое-какое удобство, но вообще обойтись без них весьма нетрудно, а действительно доставляемая ими польза вовсе не такова, чтобы стоило труда таскать их с собой» (Смит, 1997. С. 181).

В результате богатство не делает людей счастливее, но лишь гипнотизирует их обилием искусно придуманных приспособлений, которые благодаря ему могут становиться доступными: «Люди так завидуют богатым и знатным... не столько по причине больших и более изысканных удовольствий, которыми, как мы полагаем, они пользуются, сколько по причине множества искусственных средств, находящихся в их распоряжении для получения удовольствий. Мы не считаем, чтобы они были счастливее прочих людей, но полагаем, что они обладают большими средствами быть счастливыми, и потому главным образом завидуем их положению, ибо в нем изящно и искусно соединены эти средства» (Смит, 1997. С. 183). Богатые и бедные одинаково счастливы, если у кого-то здесь и есть преимущество, то, скорее, у бедных: «Не думают ли они, что пищеварение совершается легче или что сон бывает сладостнее во дворце, нежели в хижине? Наоборот, всякому известно, что часто замечалось нечто противоположное» (Смит, 1997. С. 69).

Вера в то, что богатство способно быть источником счастья, — великий обман, побуждающий людей к безостановочной активности, чаще всего в ущерб собственному благополучию³. Смит раскрывает эту мысль на примере трагической судьбы

³ В описании Смита поведение «гордого и бесчувственного землевладельца» (и шире — всех, кто стремится к богатству) имеет мало общего с моделью рационального выбора, хотя часто утверждается, что именно он стоял у ее истоков. По Смиуту, люди совершают выбор и многим жертвуют ради того, чтобы получать результаты, которые в конечном счете принесут им мало пользы (счастья) или не принесут никакой пользы вообще (Brewer, 2009). Такое поведение, питающееся иллюзиями, едва ли подходит под определение «рациональный». В отличие от этого, homo oeconomicus неоклассической теории никогда не заблуждается по поводу структуры собственных предпочтений, обладая о них совершенной информацией. Он точно знает, что для него хорошо, а что плохо, в том смысле, что у него есть стабильный набор предпочтений, что он действует рационально на их основе и что его благополучие улучшается при всяком переходе от менее к более предпочитаемому им состоянию. Все это крайне далеко от смитовских взглядов на природу человека.

сына бедняка, которого «небеса в своем гневе наделили честолюбием» (Smith, 2006. P. 162). Он воображает, что если бы жил во дворце, ездил в экипаже и имел множество слуг, то «был бы совершенно счастлив и доволен, так что не в силах был бы исчерпать всего счастья, порождаемого в нем одним представлением о подобном положении» (Смит, 1997. С. 182). Отказавшись от «настоящего спокойствия», которое было «всегда в его власти», сын бедняка тратит затем всю жизнь на то, что трудится в поте лица, терпит физические лишения и душевные муки, не знает ни минуты покоя, служит тому, кого ненавидит, и пресмыкается перед тем, кого презирает (Там же). Только позже, уже став богатым человеком, он понимает, что счастье его призрачно, что он не смог получить тех удовлетворений, к которым стремился, и что богатство не стоило тех тревог, страхов и печалей, которым он подвергался, приобретая его. С приближением смерти он начинает сознавать, что богатство и знатность — это «пустышки, имеющие ничтожную полезность и способные доставлять наслаждение телу или спокойствие душе не больше, чем футляры для щипчиков, которыми кичатся любители подобных мелочей» (Smith, 2006. P. 162). Он уже не находит, что «почести и богатство заслуживали предпринятой им тяжелой погони за ними», и «он проклинает свое честолюбие, он тщетно сожалеет о счастливой и беззаботной юности и о навеки утраченных доступных ему радостях, которыми он не раздумывая пожертвовал ради благ, обладание которыми вовсе не доставляет прочного счастья» (Смит, 1997. С. 183). Он осознает также, что богатство сделало его жизнь менее безопасной, поскольку в таком положении человек чаще «подвергается тревогам, страданиям, опасностям, болезням и смерти» (Смит, 1997. С. 184). Смит сравнивает обладание богатством с неустойчивой постройкой, возведение которой «требует целой жизни», но которая ежеминутно грозит засыпать человека «своими обломками»: она может охранить его «от легкой летней грозы, но не в силах защитить его от жестокой непогоды и зимней стужи» (Смит, 1997. С. 183–184).

Те же самые иллюзии направляют поведение «гордого и бесчувственного землевладельца». Очарование порядком и совершенством заставляет его любоваться принадлежащими ему обширными полями, которые так хорошо соответствуют своему предназначению, и воображать, какой огромный урожай может быть от них получен и затем направлен на его пропитание. Им движут исключительно «эгоизм и алчность», и его совершенно не волнуют нужды ближних. Однако, когда урожай собран, ограниченность размера его желудка вынуждает его задуматься над тем, как распорядиться излишком сверх собственного потребления и запаса семян на следующий год. Он мог бы оставить гнить это зерно на полях или в амбарах, но тогда его крепостные или арендаторы, оставшись без еды, не пережили бы зиму, чтобы засеять его поля следующей весной. Он лишился бы также возможности приобретать предметы роскоши («безделушки и побрякушки»), удовлетворяющие его прихоти и причуды. Поэтому ему не остается ничего другого, как распределить излишек всех тех, кто на него работает или оказывает ему услуги. Если бы он не обеспечивал средствами существования работников, которые на него трудятся, и вооруженных вассалов, которые защищают его собственность от других землевладельцев, от недовольных бедняков и от иностранных захватчиков, то все его амбиции по удовлетворению своих «суетных и ненасытных желаний» оказались бы тщетными.

Но, как поясняет Смит, землевладелец не раздает излишек своего урожая *даром* из человеколюбия или чувства справедливости: он *обменивает* его на желательные для себя предметы. Таким образом, ограниченная вместимость желудка не делает из него альтруиста: она всего лишь перенаправляет его эгоизм в другое русло — от продуктов питания к предметам роскоши. Те же два желания, те же две иллюзии заставляют его гнаться за «безделушками и побрякушками» безотносительно к их реальной полезности: во-первых, стремление как можно сильнее отличаться от окружающих, привлекая к себе их внимание, и, во-вторых, стремление иметь как можно больше красивых и искусно сделанных вещей, способных очаровывать своей упорядоченностью и целесообразностью.

Однако, распределяя излишек своего урожая, землевладельцы вынуждены соблюдать жесткое условие: объем средств существования, достающихся каждому, кто на них работает, должен быть не ниже уровня, достаточного для поддержания

жизни человека. В противном случае их «величие» рухнуло бы: большая часть человечества просто исчезла бы с лица земли, так что не нашлось бы никого, кто стал бы удовлетворять их «суетные и ненасытные желания».

Отсюда Смит делает два парадоксальных вывода. Первый: с точки зрения потребления предметов жизненной необходимости в любом обществе существует практически полное равенство. Богатые едят *лучше* (им достаются более «изысканные и приятные» продукты), но ненамного *больше*, чем бедные. Второй: неравенство земельной собственности почти не влияет на уровень жизни большинства людей. И при равном, и при абсолютно неравном распределении земли он остается приблизительно одним и тем же.

Эти выводы могут показаться странными, но нужно учитывать, что они относятся к «мальтузианскому» миру, в котором человечество жило тысячелетиями. В нем любое снижение плодородия земли вело к сокращению численности населения (из-за недоедания смертность возрастала и выживших становилось меньше), а любое повышение, напротив, к ее увеличению (из-за лучшего питания снижалась смертность, выживших становилось больше и росла рождаемость). По существу, именно это имеет в виду Смит, когда утверждает, что «во все времена продукт Земли поддерживает примерно такое количество жителей, которое он способен поддержать». По этой причине уровень жизни основной части населения при любых условиях оставался примерно одинаковым: любое повышение душевого потребления сверх некоторого минимального порога «съедалось» последующим ростом численности населения, а любое его падение ниже этого порога компенсировалось ее последующим сокращением.

В мальтузианском мире, когда земля поделена поровну между всеми, каждый участок будет поддерживать такое число людей, при котором их душевое потребление окажется примерно равным прожиточному минимуму. Когда землей владеют немногочисленные крупные собственники, их расходы на предметы роскоши также будут поддерживать душевое потребление работников и членов их семей примерно на том же минимальном уровне. Независимо от раздела земли, «некая невидимая рука» обеспечивает равномерное распределение предметов жизненной необходимости между всеми членами общества.

По Смицу, неравное владение землей ведет лишь к неравному распределению предметов роскоши, но практически не затрагивает распределение предметов жизненной необходимости (еда или жилье). А поскольку «истинное счастье» не связано с богатством и обладанием всякого рода «безделушками и побрякушками», то и в этом отношении между людьми разного звания и достатка должно наблюдаться фактическое равенство. Итак, если неравенство и существует, то только во владении предметами роскоши, тогда как в отношении предметов жизненной необходимости и общей удовлетворенности жизнью «невидимая рука» обеспечивает состояние, близкое к полному равенству⁴.

Отношение Смита к жажде богатства, столь распространенной среди людей, можно назвать амбивалентным. С одной стороны, он отмечает, что «наша готовность восхищаться богатыми и знатными людьми, даже почти поклоняться им... представляет первоначальной и главной причиной [извращения] наших нравственных чувств» (Смит, 1997. С. 78). Соответственно в этической перспективе «эгоизм и алчность» «гордого и бесчувственного землевладельца» предстают как безусловные пороки: он никогда не думает о своих ближних и был бы готов в одиночку поглотить весь свой урожай, если бы это было физически возможно. Его единственная цель — удовлетворение «своих суетных и ненасытных желаний». Говоря о нем, Смит прибегает к эпитету «эгоистичный» (selfish), который всегда имеет в его текстах негативные коннотации

⁴ Смит возвращается к этой аргументации позднее в «Богатстве народов»: «Стремление к пище ограничивается у каждого человека небольшой вместимостью человеческого желудка, но стремление к удобствам и украшению жилища, одежды, домашней обстановки и утвари не имеет, по-видимому, предела или определенных границ. Поэтому те, кто обладает большим количеством пищи, чем могут сами потребить, всегда готовы обменять излишек ее... на удовлетворение указанных потребностей другого рода... Бедняк для того, чтобы добыть пищу, изощряется в удовлетворении этих прихотей богатых» (Смит, 2007. С. 206).

и который прочно ассоциировался у него с идеями Б. Мандевиля (1670–1733)⁵. Но нравственная оценка и социальные последствия — это не одно и то же.

Иллюзии, которые питают «гордого и бесчувственного землевладельца», оказываются благотворными для общества, вызывая в нем необыкновенный прилив энергии. Хотя богатство не гарантирует счастья, его притягательность, какой бы обманчивой она ни была, желательна и полезна, потому что стимулирует технологическое, экономическое и культурное развитие. Можно сказать, что Смит прославляет самообман как источник социального прогресса: «Хорошо, что сама природа обманывает нас в этом отношении. Именно эта иллюзия пробуждает и держит в постоянном движении трудолюбие человечества. Именно она побуждает возделывать землю, строить дома, основывать города и государства, изобретать и совершенствовать все науки и искусства, облагораживать и облегчать человеческую жизнь. Она полностью преобразила земную поверхность, превратив непроходимые дремучие леса в цветущие плодородные равнины; сделала пустынный и бесплодный океан новым источником неведомых до того сокровищ и великой дорогой для сообщения между собой всех народов земного шара. Своей деятельностью человечество заставило землю удвоить свое первоначальное плодородие и питать намного большее число людей» (Smith, 2006. P. 164–165).

Хотя Смит не использует здесь выражение «невидимая рука», он описывает ту же ситуацию, когда преследование людьми (например, землевладельцами) своего частного интереса оборачивается благом для всего общества. Погоня за миражом богатства, устоять перед которым мало кто в силах, имеет своим долговременным непредвиденным последствием улучшение условий существования человечества и умножение его численности. Причем те, кто таким образом способствует общественному благу, не понимают, как оно связано с их собственными действиями: эта связь остается скрытой от их сознания. То, что конечный результат их деятельности не имеет ничего общего с их исходными намерениями, — это, конечно же, типично смитовский поворот мысли.

Мы помним, что в «Истории астрономии» «невидимая рука» принадлежала конкретному языческому богу — Юпитеру. В отличие от этого, в тексте «Теории нравственных чувств» она не атрибутирована: это рука неизвестно чья («некая»), а возможно, вообще ничья. Правда, уже через одну фразу в тексте появляется «Провидение», которое, по словам Смита, позаботилось даже о тех, кто остался без земли, так что возникает соблазн теологической интерпретации, при которой «невидимую руку» следует воспринимать как «невидимую руку Провидения», то есть Бога. Но такое решение далеко не очевидно.

Во-первых, ничего не мешало Смиту написать об этом прямо, добавив к выражению «невидимая рука» пояснение — «Провидения». Во-вторых, для писателей XVIII в. такого рода риторика была в порядке вещей, и для многих из них (конечно, не всех) отсылки к Провидению, Всемудрому архитектору, Управителю вселенной, Вожатому вселенной, Смотрителю вселенной и т. д. были не более чем фигурой речи (в «Теории нравственных чувств» множество подобных выражений). В-третьих, в самом начале фрагмента про «невидимую руку» и затем еще раз в следующем абзаце в аргументации Смита появляется «Природа» (она не без цели манит «гордого и бесчувственного землевладельца» миражом богатства, и она же обманом побуждает человечество к безостановочной активности). В данном контексте упоминание о «Природе» выглядит как расхожий оборот из того же ряда, что и «Провидение», но только не несущий каких-либо теологических коннотаций. Наконец, в «Богатстве народов», как мы убедились, «невидимая рука» существует уже полностью автономно, без всяких отсылок к Провидению или хотя бы к «мудрости природы».

Поэтому более вероятно, что Смит имел в виду безличный социальный механизм, приводимый в движение не какими-то персонафицированными сверхъестественными силами, а самими людьми, взаимодействие которых порождает непредвиденные (причем благоприятные для них) последствия, выходящие за горизонт их сознания. Во всяком случае в соответствующем месте из «Теории нравственных чувств» при-

⁵ Английский философ, сатирический писатель и экономист, доктор медицины. — Примеч. ред.

сутствуют все отличительные признаки такого механизма: «гордый и бесчувственный землевладелец» не хочет служить общественному благу, не подозревает, что он ему служит, и не понимает, как это вообще возможно, но тем не менее своими действиями, направленными исключительно на достижение собственных узкокорыстных целей, он непреднамеренно способствует улучшению условий существования человеческого рода и умножению его численности.

Отметим, что «невидимая рука» из «Теории нравственных чувств» не имеет отношения (во всяком случае — текстуально) ни к рынку, ни к конкуренции, ни к механизму цен, с которыми она чаще всего ассоциируется в представлении современных экономистов. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы тут обошлось совсем без рынка: в его отсутствие «гордый и бесчувственный землевладелец» был бы не в состоянии обменивать излишек своего урожая на предметы роскоши («безделушки и побрякушки») и, как следствие, у него отпали бы стимулы повышать плодородие своих земель, чтобы собирать с них как можно больший урожай. В результате человечество продолжило бы жить в худших условиях, а его численность была бы меньше.

Что касается утверждения о том, что смитовская ссылка на «невидимую руку» — это не более чем «умеренно ироническая шутка» (Rothschild, 1994), то у него нет никаких текстуальных подтверждений. Конечно, Смит с иронией и явным осуждением описывает человеческие качества и цели «гордого и бесчувственного землевладельца», но результаты деятельности «невидимой руки», стоящей за его спиной, изображаются Смитом как однозначно позитивные (с точки зрения человеческого рода). Еще важнее, что в тексте «Теории нравственных чувств» мы обнаруживаем еще одну «руку» — «видимую руку» правителей государств и их советников. Вот ее Смит действительно подвергает развенчанию и осмеянию, видя в ней постоянную угрозу для благоденствия общества.

«Человек системы... способен в своей самонадеянности начертать весьма мудрый план, но он бывает до такой степени зачарован предполагаемой красотой созданного им идеального плана государственного устройства, что не может потерпеть ни малейшего отклонения от него. Он желает осуществить его полностью и во всех подробностях... Он, по-видимому, воображает, что различными членами большого общества можно располагать с такой же легкостью, как фигурами на шахматной доске. При этом он забывает, что фигуры на шахматной доске не имеют никакого другого принципа движения, кроме *руки*, переставляющей их, между тем как на великой шахматной доске человеческого общества каждая отдельная фигура имеет свой собственный принцип движения, полностью отличный от того, который мог бы решить навязать ей законодатель. Если оба принципа совпадают и принимают одинаковое направление, то ход игры человеческого общества пойдет легко и слаженно и, скорее всего, окажется успешным и счастливым. Но если они различны или противоположны, то игра будет складываться неудачно и общество с неизбежностью погрузится в состояние величайшего беспорядка» (Smith, 2006. P. 212; курсив мой. — *Р. К.*).

Не вызывает сомнений, на чьей стороне в противопоставлении двух рук — невидимой и видимой — находятся симпатии Смита. Если «невидимая рука» способствует возникновению в обществе порядка, то «видимая» с легкостью может стать источником «величайшего беспорядка». Интересно, что причина, по которой Смит отвергает «видимую руку» государства, выглядит очень по-хайкевски: законодатель обладает слишком мизерным объемом знаний о конкретных людях, чтобы руководить игрой на «великой шахматной доске» больших, сложно организованных обществ.

«Богатство народов»: Невидимая рука-3

В «Богатстве народов» (Смит, 1776/2007) упоминание о «невидимой руке» появляется в Книге IV («О системах политической экономии») в главе под названием «Об ограничении ввоза в страну таких продуктов,

которые могут быть производимы внутри страны». Глава посвящена критике одного из главных направлений меркантилистской политики — установления для отечественной промышленности монополии внутреннего рынка, то есть введения пошлин и прямых запретов на ввоз иностранных товаров, которые страна способна производить сама. По логике меркантилистов, защита отечественных производителей от конкуренции из-за рубежа гарантирует им более высокую прибыль, что должно, во-первых, предотвращать утечку капитала и, во-вторых, увеличивать его общее предложение. Как отмечает Смит, в Великобритании многим отраслям удалось таким образом добиться полной или почти полной монополии «по отношению к своим соотечественникам» (Смит, 2007. С. 440).

Апелляция Смита к «невидимой руке» — кульминационный пункт его критики меркантилистской политики. Он не отрицает, что монополия внутреннего рынка может благоприятствовать развитию отдельных отраслей, привлекая туда больше труда и капитала, чем при свободе торговли. Однако она не может ни увеличить общий объем, ни повысить эффективность промышленного производства страны. В первом случае меркантилистская политика оказывается бесполезной, потому что промышленность любого «общества не может никогда выходить за пределы, определяемые размером капитала этого общества» (Смит, 2007. С. 440), каковой задается объективными факторами (степенью бережливости людей), а во втором вообще вредной, потому что попытки государства определить наиболее выгодные сферы приложения капитала обречены на провал: «Никакое регулирование торговли не в состоянии вызвать увеличение промышленности какого-либо общества сверх того, что соответствует его капиталу. Оно может лишь дать некоторой части промышленности такое направление, в каком она без этого не могла бы развиваться, и отнюдь не представляется несомненным, что это искусственное направление более выгодно для общества, чем то, по какому она развивалась бы, если бы была предоставлена самой себе» (Смит, 2007. С. 440–441).

По первому пункту (с точки зрения объема капитала) система свободной торговли не уступает меркантилистской, а по второму (с точки зрения структуры распределения капитала) ее превосходит. Экономические агенты, думающие только о собственных интересах, так распределяют свой капиталы, что это — неожиданно для всех — совпадает с интересами всего общества: «Каждый отдельный человек постоянно старается найти наиболее выгодное приложение капитала, которым он может распорядиться. Он имеет в виду свою собственную выгоду, а отнюдь не выгоду общества. Но когда он принимает во внимание свою собственную выгоду, это естественно, или, точнее, неизбежно, приводит его к предпочтению [такого приложения капитала], которое наиболее выгодно обществу» (Смит, 2007. С. 441).

Если в «Теории нравственных чувств» героем истории про «невидимую руку» был «гордый и бесчувственный землевладелец», то в «Богатстве народов» им оказывается движимый собственным интересом, но при этом крайне осторожный бизнесмен (торговец, инвестор), размышляющий, как ему лучше распорядиться своим капиталом. Руководствуясь исключительно своими частными соображениями, он

делает выбор, во-первых, в пользу отечественного производства и, во-вторых, в пользу отраслей, где производимый им продукт достигнет наибольшей ценности. Но, совершая такой выбор, он одновременно, причем без всякого сознательного намерения, содействует благу всего общества.

«Поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности, [давая ей такое направление, чтобы ее продукт обладал наибольшей ценностью], постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не намеревается содействовать интересам общества и не знает, насколько он содействует им. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свою собственную [безопасность, а направляя это производство так, чтобы его продукт обладал максимальной ценностью], он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он [оказывается ведом некоей] *невидимой рукой* к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества» (Смит, 2007. С. 442–443; курсив мой. — Р. К.)⁶.

Как следует из этого фрагмента, «невидимая рука», о которой упоминает Смит, действует через двойную мотивацию: первая — стремление к безопасности и вторая — стремление к наибольшей выгоде. Говоря современным языком, речь идет о максимизации прибыли при минимизации риска.

1. Согласно Смигу, ведомые стремлением к безопасности, некоторые торговцы (хотя и не все) инвестируют в «отечественную промышленность» (о ней упомянуто шесть раз) вместо того, чтобы рисковать своим капиталом за рубежом. Внутреннюю торговлю они предпочитают внешней и транзитной — и это несмотря на более высокую прибыльность последних. Иными словами, вопреки тому, что обычно пишут о «невидимой руке», в «Богатстве народов» она подталкивает участников рынка к проектам не с самой высокой прибылью, а с прибылью не выше или даже несколько ниже средней. В понимании Смита ее действие связано в первую очередь с заботой о безопасности и лишь во вторую — со стремлением к максимальной прибыли. Именно неуверенность в безопасности своего бизнеса заставляет некоторых торговцев действовать так, чтобы способствовать достижению «цели», которая не входит «в их намерения». Инвестируя в отечественное производство и избегая участия в операциях за рубежом, они обеспечивают «доход и занятость наибольшему количеству людей» в своей стране. Такое их поведение, продиктованное чувством осторожности, Смит описывает как непреднамеренно содействующее благу общества.

Причина, по которой не склонные к риску торговцы могут предпочесть внутреннюю торговлю внешней, а ту и другую — транзитной, проста: они будут опасаться выпустить принадлежащий им капитал

⁶ В изданиях «Богатства народов» на русском языке слово *security* («безопасность») ошибочно переводится как «интерес», что лишает смысла соответствующий фрагмент.

из-под своего «непосредственного наблюдения и контроля» (Смит, 2007. С. 441). Смит считает вполне естественным, что «каждый человек старается приложить свой капитал по возможности поближе к своему дому и, следовательно, по возможности [направить его на поддержку отечественной промышленности] при том неизменном условии, что он может таким путем получить обычную или [ненамного меньшую, чем обычная,] прибыль на капитал» (Смит, 2007. С. 240). Он приводит несколько аргументов в пользу такого предпочтения. При занятии внутренней торговлей капитал человека: 1) «никогда не уходит [из поля его зрения] на столь продолжительное время, как это часто бывает во внешней торговле»; 2) дома он «может лучше узнавать характер и положение лиц, которым оказывает доверие»; 3) «если ему случится быть обманутым, он лучше знает законы страны, [от которой должен требовать возмещения ущерба]» (Смит, 2007. С. 441).

Чтобы избежать дополнительных рисков, связанных с дальней торговлей, часть торговцев соглашаются на более низкую прибыль, если внутри страны их капитал будет в большей безопасности и сроки его возмещения станут короче: «При условии одинаковой или почти одинаковой прибыли всякий оптовый [торговец], естественно, предпочитает торговлю внутри страны внешней торговле... а внешнюю торговлю... — транзитной торговле» (Смит, 2007. С. 441). В этом случае «невидимая рука» подталкивает его к тому, чтобы оставлять капитал внутри страны, оказывая поддержку «отечественной промышленности»: «При одинаковой или почти одинаковой прибыли каждый отдельный человек, естественно, склонен употреблять свой капитал таким способом, при котором он оказывает наибольшее содействие отечественной промышленности и дает доход и занятие наибольшему числу жителей своей страны... И поскольку [он]... по возможности старается [дать ей такое направление, при котором ее продукт мог бы обладать наибольшей ценностью, постольку он с необходимостью способствует тому, чтобы годовой доход общества становился настолько большим, насколько это возможно]» (Смит, 2007. С. 442–443).

В результате отпадает стандартное возражение меркантилистов против системы свободной торговли: при ближайшем рассмотрении их опасения относительно того, что в погоне за высокой прибылью такая система будет провоцировать утечку капитала за границу, оказываются беспочвенными (Brewer, 2009). В этом смысле попытки государства дублировать действие «невидимой руки» предстают как излишние.

2. Но если в том, что касается регулирования объема капитала, меркантилистские меры бесполезны, то в том, что касается регулирования его структуры, они вредны. Они поощряют развитие ограниченного круга отраслей, которые получают защиту от внешней конкуренции и которые благодаря искусственно высоким прибылям привлекают большую долю труда и капитала, чем в отсутствие государственного вмешательства: «Промышленный труд страны, таким образом, отвлекается от более выгодного к менее выгодному занятию, и меновая [ценность] его годового продукта, вместо того чтобы увеличиться, как хотел законодатель, должна неизбежно уменьшаться в результате каждого подобного [регулирования]» (Смит, 2007. С. 444). Отсюда субоптимальное распределение

капитала и труда страны, что неизбежно подрывает ее благосостояние. Меркантилистские искажения «естественного баланса промышленности» и «естественного разделения и распределения труда» тормозят развитие других, потенциально более прибыльных сфер экономики, тогда как потребители страдают от более высоких цен (Смит, 2007. С. 484).

При системе, свободной от монополии внутреннего рынка, таких искажений не возникает. Стремление к максимальной прибыли становится еще одним каналом (помимо стремления к безопасности), через который проявляется действие «невидимой руки». Естественные склонности людей побуждают их непрерывно прилагать усилия к тому, чтобы находить наиболее выгодное применение своему капиталу (Смит, 2007. С. 441). Однако, стремясь к выгоде только для самих себя, они, не подозревая о том, одновременно приносят выгоду всему обществу: «Частные интересы и стремления отдельных людей, естественно, располагают их обращать свой капитал к занятиям, в обычных условиях наиболее выгодным для общества... Без всякого вмешательства закона частные интересы и стремления людей, естественно, заставляют их делить и распределять капитал любого общества среди различных занятий, существующих в нем, по возможности в точном соответствии с тем, что наиболее совпадает с интересами всего общества в целом» (Смит, 2007. С. 597). Таким образом, собственник капитала действует в интересах общества, только если предпринимаемые им в своих собственных интересах действия прибыльны. В итоге можно сказать, что если стремление к безопасности обеспечивает наилучшее географическое, то стремление к наибольшей прибыли — наилучшее отраслевое распределение капитала.

Однако отсюда было бы неверно делать вывод, как нередко утверждают, о тождестве «невидимой руки» с эгоистическим поведением⁷. В «Богатстве народов» Смит описывает действия торговцев (в отличие от действий «гордого и бесчувственного землевладельца» из «Теории нравственных чувств») не как «эгоистичные», а как движимые «собственным интересом». В его лексиконе это разные понятия, которые он никогда не смешивал. С этической точки зрения «эгоизм» (selfishness) оценивался им негативно и воспринимался как атрибут философии Мандевиля, которую он называл «безнравственной» (licentious) (Смит, 1997. С. 297–303). В то же время «любовь к себе» (стремление к улучшению своего положения или собственный интерес) оценивалась им как «добродетельное чувство, служащее целям природы» (Force, 2003. Р. 87). Смит рассматривал «заботу о собственном счастье» как необходимый элемент добродетельного поведения (Смит, 1997. С. 293). Этическое оправдание она получает от диктуемых природой императивов самосохранения и продолжения человеческого рода, и без такой «любви к себе» не могло бы существовать и общего блага. В этом смысле

⁷ Общепринятая трактовка сводится к тому, что, согласно Смицу, все поведение людей (во всяком случае в «Богатстве народов») направляется единственным мотивом — их сугубо личным, замкнутым на себе интересом (self-interest). Однако это явная aberrация. В «Богатстве народов» Смит 35 раз (!) использует нейтральное в этическом смысле выражение «own interest» (собственный интерес) и лишь однажды — выражение с отчетливыми эгоистическими обертонами — «self-interest» (своекорыстный интерес), когда описывает различия в мотивах деятельности католического и протестантского духовенства (Смит, 2007. С. 729).

следование собственному интересу в разумных пределах (благоразумие — *prudence*) выступает у Смита как одна из главных добродетелей.

В «Теории нравственных чувств» Смит замечает: «Забота о наших собственных интересах и личном счастье... может быть побудительной причиной наших поступков, заслуживающих похвалы. Привычки к бережливости, трудолюбию, скромности, рассудительности хотя и [вырабатываются обыкновенно благодаря мотивам, связанным с собственным интересом], тем не менее кажутся нам заслуживающими одобрения и общего уважения... Если... человек не станет обращать внимания на свое здоровье или на свое благосостояние... между тем как к этому должно побуждать его чувство самосохранения, то, без сомнения, мы нашли бы его достойным порицания... Беспечность и расточительство порицаются... не потому, что недостатки эти проистекают от отсутствия благожелательности, но потому, что они свидетельствуют о недостатке внимания к нашим [собственным] интересам» (Смит, 1997. С. 293–294)⁸.

Позиция Смита не сводится также к тому, что преследование людьми собственных интересов должно содействовать интересам общества при любых обстоятельствах, везде и всегда. Чаще всего его высказывания об их совпадении сопровождаются уточняющими оговорками — «во многих случаях», «в обычных условиях», «по общему правилу». (Правда, в некоторых случаях он все же называет такое совпадение «естественным» или «неизбежным».) Так, в ключевой фразе, где появляется «невидимая рука», говорится, что непреднамеренное содействие общественному благу имеет место не только при распределении торговцами своего капитала, но и «во многих других случаях» (Смит, 2007. С. 443). Делая такую оговорку, Смит мог иметь в виду две вещи (Syed, 1990). С одной стороны, что это далеко не единственный пример благотворного действия «невидимой руки» — есть множество других, помимо инвестирования капитала. С другой — что этот феномен далеко не универсален и существуют обратные примеры, когда преследование людьми собственных интересов вступает в конфликт с интересами общества.

Действительно, комментаторы насчитывают в тексте «Богатства народов» не менее 70 случаев, когда, по наблюдениям Смита, действия индивидов, продиктованные собственным интересом, наносят значительный вред другим или даже всему обществу (Kennedy, 2016). У него не было сомнений, что «невидимая рука» работает лишь при строго определенных институциональных условиях. В конечном счете именно

⁸ По поводу «эгоизма» как поведенческого фундамента «Богатства народов» существует множество недоразумений. Если агент *A*, исходя из «эгоистических» интересов агента *B*, предлагает ему удовлетворить их при помощи некоторой сделки и действительно их удовлетворяет, то кто он сам: эгоист или альтруист? Правильный ответ: «кооперативист», потому что он печется *одновременно* как о собственном благополучии, так и о благополучии своего визави. Именно так ведут себя участники рынка у Смита. Они убеждают своих потенциальных партнеров, что им будет лучше, если они отдадут менее полезную для них вещь, которая у них есть, в обмен на более полезную для них вещь, которой у них нет. Мысленно они ставят себя на место другого и предлагают ему сделку исходя из *его* предполагаемых интересов: «Всякий, предлагающий другому сделку какого-либо рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно, — таков смысл всякого подобного предложения... Мы обращаемся не к их гуманности, [но к их любви к себе], и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах» (Смит, 2007. С. 76–77; курсив мой. — Р. К.).

от них зависит, какой сценарий будет реализован в том или ином случае — согласования или рассогласования частных и общих интересов.

Институциональная рамка, в защиту которой выступал Смит, предстает как прямой антипод меркантилистской системы. Он обозначает ее как «простую и незамысловатую систему естественной свободы» (Смит, 2007. С. 197), а также как «либеральный план равенства, свободы и справедливости» (Смит, 2007. С. 181). Суть ее действительно проста: «Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса» (Смит, 2007. С. 197). При такой системе «невидимая рука» не будет давать сбоев и преследование людьми своих частных интересов будет «естественно» и «неизбежно» приводить к результатам, благоприятным для всех, а законодатель окажется освобожден «от обязанности руководить трудом частных лиц и направлять его к занятиям, более всего соответствующим интересам общества» (Смит, 2007. С. 197).

Как и в «Теории нравственных чувств», в «Богатстве народов» «невидимая рука» остается неатрибутированной — «некоей». Но на этот раз аргументация Смита строится уже без каких-либо отсылок к «Провидению» или «Архитектору вселенной»: даже «мудрость природы» упоминается в книге лишь однажды.

В «Богатстве народов» нет также явной привязки «невидимой руки» к рынку, конкуренции или механизму цен. Очевидно, однако, что рассуждения о ней Смита строятся исходя из предпосылки о существовании (реальном или потенциальном) конкурентной рыночной системы: всякий человек старается найти своему капиталу «наиболее выгодное приложение»; производство всегда направляется так, «чтобы его продукт обладал максимальной ценностью»; «в каждый данный момент... доход» достигает «того максимума, который способен давать... капитал»; «при обычных условиях» во всех сферах деятельности устанавливается одинаковая норма прибыли; для промышленности характерен «естественный баланс» (Смит, 2007. С. 441–442, 445, 484). Наконец, как и в «Теории нравственных чувств», агенты, ведомые «невидимой рукой», не замечают и не осознают ее работу: интересам общества они служат *бессознательно*. Это происходит независимо от того, насколько они невежественны или безразличны к общественному благу.

Упоминание «невидимой руки» в «Богатстве народов» свободно от каких-либо иронических обертонов. Напротив, едким насмешкам вновь подвергается ее антипод — «видимая рука» государства. Смит не ограничивается утверждением о том, что то, что выгодно отдельному человеку, во многих случаях оказывается выгодно и всему обществу, но и, переверачивая его, делает обратное утверждение: сознательное преследование людьми интересов общества чаще всего идет ему во вред (Смит, 2007. С. 443). Вмешательство «видимой руки» государства он отвергает по той же, что и в «Теории нравственных чувств», «хайековской» причине, — из-за неизбежных информационных ограничений, в которых вынужден действовать всякий законодатель. Претензии правителей на регулирование «великого общества» (great society) выглядят в его глазах как «безумие»:

«Очевидно, что каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него любой государственный деятель или законодатель, судить о том, к какому именно роду отечественной промышленности приложить свой капитал и продукт какой промышленности может обладать наибольшей ценностью. Государственный деятель, который попытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обременил бы себя совершенно излишней заботой, а также присвоил бы себе власть, которую нельзя без ущерба доверить не только какому-либо лицу, но и какому бы то ни было совету или учреждению и которая ни в чьих руках не оказалась бы столь опасной, как в *руках* человека, настолько безумного и самонадеянного, чтобы вообразить себя способным использовать эту власть» (Смит, 2007. С. 443; курсив мой. — Р. К.).

Именно это ложное представление — о всеведении правителей — неявно лежало в основании всего арсенала меркантилистских мер регулирования экономики. Существование «невидимой руки» позволяет Смигу сделать итоговый нормативный вывод: «В интересах всякого общества, чтобы в подобного рода делах [экономических] не было ни принуждения, ни стеснения» (Смит, 2007. С. 508).

Список литературы / References

- Вон К. И. (2009). «Невидимая рука» // Невидимая рука рынка / Под ред. Дж. Игуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 226–232. [Vaughn K. I. (2009). Invisible hand. In: J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (eds.). *The invisible hand of the market*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Нозик Р. (2008). Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН. [Nozick R. (2008). *Anarchy, state and utopia*. Moscow: IRISEN. (In Russian).]
- Смит А. (1997 [1757]). Теория нравственных чувств. М.: Республика. [Smith A. (1997). *The theory of moral sentiments*. Moscow: Republica. (In Russian).]
- Смит А. (2007 [1776]). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО. [Smith A. (2007). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: Eksmo. (In Russian).]
- Смит А. (2014 [1796]). История астрономии // Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Второе изд. М.: ЭКСМО. С. 888–976. [Smith A. (2014). The principles which lead and direct philosophical enquiries, illustrated by the history of astronomy. In: Smith A. *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. 2nd ed. Moscow: Eksmo, pp. 888–976. (In Russian).]
- Blaug M. (2008). Invisible hand. In: S. Durlaf, L. Blume (eds.). *New Palgrave dictionary of economics*. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, pp. 564–565. https://doi.org/10.1057/978-1-349-95121-5_1217-2
- Brewer A. (2009). On the other (invisible) hand. *History of Political Economy*, Vol. 41, No. 3, pp. 519–543. <https://doi.org/10.1215/00182702-2009-051>
- Buchan J. (2003). *Capital of the mind; how Edinburgh changed the world*. Edinburgh: John Murray.
- Ferguson A. (1966 [1797]). *An essay on the history of human society*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Force P. (2003). *Self-interest before Adam Smith. A genealogy of economic science*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511490538>
- Gaus G. (2011). Explanation, justification, and emergent properties: An essay on Nozickian metatheory. In: *The Cambridge companion to Nozick's anarchy, state, and utopia*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 116–142. <https://doi.org/10.1017/CCOL9780521197762.008>

- Harrison P. (2011). Adam Smith and the history of the invisible hand. *History of Economic Ideas*, Vol. 72, No. 1, pp. 29–49. <https://doi.org/10.1353/jhi.2011.a413473>
- Kennedy G. (2009a). Adam Smith and the invisible hand: From metaphor to myth. *Econ Journal Watch*, Vol. 6, No. 2, pp. 239–263.
- Kennedy G. (2009b). The hidden Adam Smith in his alleged theology. *Journal of the History of Economic Thought*, Vol. 33, No. 3, pp. 385–402. <https://doi.org/10.1017/S1053837211000204>
- Kennedy G. (2016). Adam Smith: Some popular uses and abuses. In: R. P. Hanley (ed.). *Adam Smith: His life, thought and legacy*. Princeton: Princeton University Press, pp. 461–477. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc77g77.32>
- Macfie A. L. (1971). The invisible hand of Jupiter. *Journal of the History of Ideas*, Vol. 32, No. 4, pp. 595–599. <https://doi.org/10.2307/2708980>
- Minowitz P. (2004). Adam Smith's invisible hands. *Econ Journal Watch*, Vol. 1, No. 3, pp. 381–412.
- Nozick R. (1994). Invisible-hand explanations. *American Economic Review*, Vol. 84, No. 2, pp. 314–318.
- Rothschild E. (1994). Summary on the invisible hand. *American Economic Review*, Vol. 84, No. 2, pp. 319–322.
- Samuels W. (2011). *Erasing the invisible hand: Essays on an elusive and misused concept in economics*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511835230>
- Smith A. (2006 [1790]). *The theory of moral sentiments*. Sao Paolo: MetaLibri.
- Syed A. (1990). Adam Smith's four invisible hands. *History of Political Economy*, Vol. 22, No. 1, pp. 137–145. <https://doi.org/10.1215/00182702-22-1-137>
-

Multihanded Adam Smith (Part one)

Rostislav I. Kapeliushnikov^{1,2}

Author's affiliation: ¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS (Moscow, Russia);

² HSE University (Moscow, Russia). Email: rostis@hse.ru

The paper analyzes the metaphor of “an invisible hand”, which was introduced two and a half centuries ago by Adam Smith (1723–1790) and which eventually became the central concept of modern economics. Its first part presents a detailed textual analysis of three fragments from Smith's works where it is discussed – in the posthumously published “The history of astronomy” (1796), “The theory of moral sentiments” (1757) and “The wealth of nations” (1776). A question arises what meaning Smith put into his metaphor and what significance he attached to it – was there some important general idea behind it or was it merely a passing rhetoric device? There is also no consensus among historians of economic thought what interpretation is more correct – theological (in this case, the “invisible hand” is attributed to the Divine Providence directing it) or secular (in this case, it acts autonomously, without control from any external powers). In addition to “an invisible hand”, we also find in Smith's texts “the visible hand” of the state, and he leaves no doubt on whose side his sympathies are.

Keywords: Adam Smith, invisible hand, unintended results, coordination, spontaneous order.

JEL: B12, B13, B31, Z12.

Прогнозирование поворотных точек российского экономического цикла с помощью опережающих индикаторов*

С. В. Смирнов¹, Е. Б. Олейник², С. С. Коваленко³

¹ *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)*

² *Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия)*

³ *ДНС Ритейл (Владивосток, Россия)*

В последние десятилетия прогнозирование поворотных точек экономического цикла (пиков и впадин) с помощью опережающих индикаторов зарекомендовало себя как достаточно простой, наглядный и надежный метод. Но мировой опыт показал, что любая система опережающих индикаторов время от времени требует пересмотра и уточнения. Недавние внеэкономические шоки, с которыми столкнулась российская экономика, актуализировали полномасштабную ревизию подходов к использованию опережающих индикаторов. В статье предлагается методика построения нового индекса. В процессе его конструирования уточнены датировки пиков и впадин, связанных с предыдущими рецессиями в российской экономике, и рассмотрены особенности циклической динамики временных рядов. Восемь наиболее перспективных показателей с помощью двух альтернативных методов были агрегированы в сводный опережающий индикатор; из двух его возможных версий выбрана не только более простая, но и, по всей видимости, обладающая лучшими прогностическими свойствами.

Ключевые слова: экономический цикл, бизнес-цикл, рецессия, поворотные точки, опережающие индикаторы.

JEL: E32, E37.

Смирнов Сергей Владиславович (svsmirnov@hse.ru), к. э. н., замдиректора Института «Центр развития» НИУ ВШЭ; Олейник Елена Борисовна (oleynik.eb@dvfu.ru), д. э. н., доцент, проф. Департамента управления на основе данных Школы экономики и менеджмента ДВФУ; Коваленко Светлана Сергеевна (kovalenko.sse@students.dvfu.ru), аналитик внутреннего учета ООО «ДНС Ритейл».

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

В российском контексте важно осознавать и с теоретической, и с практической точек зрения, что экономическое развитие всегда идет неравномерно, своеобразными волнами, а благоприятные периоды сменяются неблагоприятными и даже кризисными. В таких условиях возникает потребность прогнозировать циклические пики и впадины. Для решения этой задачи конструируют индикаторы, которые в поворотных точках экономического цикла опережают общеэкономическую динамику и подают предупреждающий сигнал о грядущих изменениях до того, как они произошли или нашли отражение в публикуемой статистике.

Разумеется, названная тема не новая для экономической науки. Начало этой традиции восходит к монографии А. Бернса и У. Митчелла (Burns, Mitchell, 1946). В России первые работы в данном русле появились в 1990-е годы (Давыдов и др., 1993; Попов, Френкель, 1996) и в самом начале 2000-х (Смирнов, 2001). Обзор новых публикаций есть, например, в: Богданова, 2018. Однако большинство предложенных для России индикаторов не преодолели стадию экспериментальных разработок, из-за чего их нельзя использовать при мониторинге российской экономики. Полезность циклических показателей, которые в последние годы публиковались более или менее регулярно, на фоне шоков 2020 (COVID-19, локдаун) и 2022 гг. (санкции) также оказалась относительной.

В число ежемесячно публикуемых показателей, претендовавших на роль опережающих, входят сводный опережающий индекс Института «Центр развития» (СОИ ИЦР) НИУ ВШЭ, сводный опережающий индикатор Евразийской экономической комиссии (СОИ ЕЭК) и сводные опережающие индикаторы входа в рецессию и выхода из нее Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (СОИ ЦМАКП)¹. Но действительно ли они опережали траекторию общеэкономической динамики?

Рассмотрим этот вопрос на примере шока 2022 г. В мае 2022 г. было очевидно, что российская экономика входит (и почти наверняка уже вошла) в очередную рецессию. Однако СОИ ЕЭК (ЕЭК, 2022) указывал на ускорение роста экономической активности, а СОИ входа в рецессию ЦМАКП (2022) — на то, что рецессия становится практически неизбежной в третьем квартале (в июле—сентябре) 2022 г. При этом в своих комментариях эксперты утверждали несколько иное: «Несмотря на текущую оценку активности, ожидается, что экономический подъем сменится падением» (ЕЭК, 2022. С. 1) и «с очень высокой вероятностью во II кв. [а не в III кв.] 2022 г. мы действительно будем наблюдать спад ВВП» (ЦМАКП, 2022. С. 5). Иными словами, эксперты понимали, что происходит в российской

¹ В статье: Смирнов, 2020, рассматривались еще два показателя: сводный опережающий индикатор ОЭСР и конъюнктурный индекс «Экономических стратегий» (КИЭС). Первый больше не публикуется, а второй публикуется нерегулярно. Так, в 2022 г. была только одна публикация (в августе), причем данные анализировались за январь—май (Френкель и др., 2022).

экономике и будет происходить в ближайшие месяцы, но презентуемые ими индикаторы не указывали на наиболее вероятный, по их мнению, сценарий развития событий².

СОИ ИЦР в этом случае проявил себя лучше, поскольку отсутствовало явное противоречие между его динамикой и сделанным на его основе экспертным заключением. В опубликованном в мае пресс-релизе констатировалось: «В апреле 2022 г. Сводный опережающий индекс снизился с 3,0 до –1,4%, перейдя в отрицательную область», а общий вывод гласил: «В ближайшей перспективе в экономике России можно ожидать достаточно заметного ухудшения конъюнктуры» (ИЦР, 2022. С. 1–2). Однако и этот индикатор не всегда адекватно реагировал на изменение общеэкономической динамики³. Кроме того, он имеет достаточно серьезные методологические изъяны. Во-первых, при расчете этого индикатора используются годовые темпы прироста («год к году»), а не сезонно скорректированные ряды «месяц к предыдущему месяцу», что может приводить к смещению поворотных точек СОИ ИЦР. Во-вторых, набор его компонент явно устарел: в нем сохранились индикаторы, которые нужно исключить из расчета СОИ из-за их практической бесполезности (например, MIAСR-overnight), но отсутствуют показатели, которые могут быть полезны (например, RVI – российский «индекс страха»). В-третьих, формула агрегирования компонент в сводный показатель не опубликована (хотя и предоставлялась по запросу), из-за чего методика оценки СОИ ИЦР оставалась непрозрачной.

Названные проблемы делают актуальным конструирование нового сводного опережающего индекса на основе более аккуратной методологии и многолетнего опыта, который был накоплен в ходе регулярного мониторинга российского экономического цикла. Весь процесс конструирования СОИ можно свести к четырем этапам:

- выбор одной из трех наиболее распространенных статистических концепций цикла и определение для нее циклических поворотных точек (пиков и впадин);
- тестирование циклической динамики разнообразных временных рядов с последующим отбором наиболее перспективных (с точки зрения опережения ими общеэкономической динамики в циклических поворотных точках);
- агрегирование отобранных опережающих показателей в сводный индикатор;
- тестирование опережающих свойств сконструированного индикатора на исторических данных.

² «Экспертные заключения относительно будущей динамики российской экономики, содержащиеся в ежемесячных пресс-релизах, нередко оказываются более точными, нежели выводы, которые можно получить на основе траектории СОИ» (Смирнов, 2020. С. 62). Что касается индикатора ЦМАКП, то расхождение между содержательным выводом экспертов и траекторией СОИ входа в рецессию во многом определялось использованием ее неконвенционального определения («снижение физического объема ВВП за скользящий год к аналогичному периоду прошлого года»). При внезапном и резком падении экономики, особенно после периода быстрого роста, оно входит в явное противоречие с интуитивным смыслом слова «рецессия».

³ Подробнее см.: Смирнов, 2020.

Российский цикл экономической активности и его поворотные точки

В экономической литературе встречаются три статистические концепции цикла, не затрагивающие проблематику его существования или механизма действия, но отличающиеся подходом к анализу циклической динамики.

1. Бизнес-циклы: в этом случае акцент делается на самом факте продолжительного роста или снижения экономической активности.

2. Циклы роста: в центре внимания периоды ускорения и замедления роста относительно некоего стабильно восходящего тренда.

3. Циклы темпов роста: анализируются периоды ускоряющихся и замедляющихся темпов.

Для каждой концепции цикла можно определить поворотные точки (наборы пиков и впадин), в которых направление циклической динамики меняется на противоположное, причем в общем случае эти наборы будут различаться⁴.

На наш взгляд, современные реалии российской экономики следует рассматривать через призму бизнес-циклов, или циклов экономической активности, то есть периодов роста и снижения (говорить о постоянно восходящем тренде, относительно которого можно оценивать периоды ускорения и замедления роста, к сожалению, не приходится). В рамках этого подхода мы будем ориентироваться на следующую датировку поворотных точек (табл. 1). В ее основе лежит датировка, предложенная в: Смирнов, 2020, с корректировками и дополнениями.

Дополнения вызваны появлением официальной датировки начала и конца рецессии, связанной с пандемией COVID-19 (пик — март 2020 г., впадина — май 2020 г.)⁵, а также рецессией 2022 г., начало которой относительно легко датируется апрелем 2022 г. (соответственно предкризисный пик — мартом 2022 г.). Внесенные корректировки

Т а б л и ц а 1

**Датировка поворотных точек российского бизнес-цикла
и продолжительность циклических фаз (месяцев)**

Дата		Спад	Подъем	Цикл	
пик	впадина	от пика до впадины	от впадины до пика	от впадины до впадины	от пика до пика
Н. д.	Декабрь 1979*	Н. д.	Н. д.	Н. д.	Н. д.
Январь 1989	Ноябрь 1996	94	109	203	Н. д.
Ноябрь 1997	Сентябрь 1998	10	12	22	106
Август 2008	Май 2009	9	119	128	129
Декабрь 2014	Март 2016	15	67	82	76
Март 2020	Май 2020	2	48	50	63
Март 2022	Н. д.	Н. д.	22	Н. д.	24

Примечание. Н. д. — нет данных; * приблизительная оценка; мы знаем только два факта: а) в 1979 г. был спад; б) с января 1980 г. наблюдался подъем.

Источник: составлено авторами.

⁴ Подробнее см.: Смирнов, 2012. С. 484.

⁵ Пресс-релиз Комитета по датировке поворотных точек российского экономического цикла при АНЦЭА от 13 мая 2021 г. <http://new.aret.ru/ru/news/id.1871.html>

коснулись дат начала рецессии 2008–2009 гг. и завершения рецессии 2015–2016 гг. Здесь мы исходили из двух соображений.

Во-первых, трудно представить, чтобы рецессия в реальном секторе экономики разворачивалась на фоне штиля в финансовом секторе, более чутком к любым негативным процессам и новостям. Во-вторых, эмпирическая динамика статистических индикаторов реального сектора не должна быть единственным критерием для датировки циклических пиков и впадин, в том числе из-за несовершенства процедур выделения тренда и устранения сезонности, которые не всегда позволяют адекватно распознать и элиминировать случайные отклонения. Поскольку в мае–августе 2008 г. и апреле–июне 2016 г. на финансовых рынках России господствовал почти полный штиль⁶, мы сместили оценку пика для рецессии 2008–2009 гг. с мая на август 2008 г., а оценку впадины для следующей рецессии — с июня на март 2016 г.

Подбор компонент для нового сводного опережающего индекса

Перечислим минимальные требования, которым должны соответствовать показатели, подходящие для конструирования СОИ:

— историческая траектория показателей должна иметь явную циклическую составляющую; их значения в периоды рецессий должны быть заметно ниже (или, наоборот, заметно выше, если это индикаторы неопределенности и риска), чем в других фазах цикла;

— поворотные точки отдельного показателя, как правило, должны опережать поворотные точки общеэкономической динамики (мировая практика показывает, что исключения — для отдельных пиков и впадин — иногда встречаются; тем не менее, если нет опережения хотя бы для большинства рецессий, использовать показатель для расчета СОИ опрометчиво);

— должна существовать возможность обновлять данные и продлевать временные ряды. Публикационный лаг не должен быть слишком большим; для оперативного мониторинга текущей ситуации лаг больше одного месяца уже вряд ли приемлем.

Существует три основные группы источников, которые могут содержать информацию о показателях, опережающих общеэкономическую динамику, а значит, потенциально пригодных для включения в число компонент СОИ:

— статистические публикации Росстата, Банка России и некоторых других организаций (например, отраслевых ассоциаций), содержащие временные ряды по реальному и банковскому секторам (некоторые сегменты экономики могут быть особенно чувствительны к циклическим флуктуациям);

— результаты предпринимательских и потребительских опросов (они более оперативны, чем традиционные статистические публикации,

⁶ Мы ориентировались на динамику ежедневного индекса экономического стресса (см.: Смирнов, Смирнов, 2022).

и обычно содержат сведения об ожиданиях экономических агентов, которые могут предвещать фактические изменения экономической динамики);

– индикаторы товарных и финансовых рынков (в силу их повышенной чувствительности к рискам, в том числе макроэкономическим).

Первая группа источников охватывает обширный массив информации, однако считать опережающими большую часть содержащихся в них индикаторов нет ни теоретических, ни эмпирических оснований. Кроме того, для этих источников характерны значительные публикационные лаги, а сами временные ряды нередко подвержены значительным сезонным колебаниям, которые в условиях нестабильной трендовой динамики сложно корректно устранить. В итоге после предварительного анализа в наш «короткий список» возможных компонент СОИ из этой группы источников вошли несколько показателей (табл. 2, часть А), имеющих, помимо трендовой и сезонной составляющих, явно выраженные периоды длительной позитивной и негативной динамики.

Вторая группа источников (табл. 2, часть Б) опирается на результаты доступных ежемесячных предпринимательских опросов⁷. Из опросов, проводимых Росстатом, были взяты показатели, отражающие текущее и ожидаемое (в перспективе 3–4 месяцев) состояние спроса на производимую продукцию и запасов готовой продукции. Предыдущие исследования показали, что именно спрос (новые заказы) на продукцию и запасы готовой продукции имеют наиболее выраженные циклические колебания и раньше других индикаторов могут сигнализировать о приближении новой фазы бизнес-цикла. Это и понятно: снижение спроса предвещает сокращение выпуска, а на первое может указывать как уменьшение объема новых заказов, так и увеличение не находящих сбыта запасов готовой продукции.

Учитывая большую популярность индикатора Russia Composite PMI, который в первые дни каждого месяца публикуется компанией S&P Global, мы проанализировали его динамику. Очевидно, что этот показатель более оперативный (публикуется раньше регулярной статистики), но нет теоретических оснований считать его опережающим. Тем не менее с практической точки зрения он может быть полезным.

Из опросов, проводимых Банком России («Мониторинг предприятий»), мы рассмотрели показатели, рассчитанные по экономике в целом на основе ответов на вопросы: «Как изменился (в предыдущем месяце. — *Авторы.*) спрос на продукцию, товары, услуги?» и «Как изменится в ближайшие три месяца спрос на продукцию, товары, услуги?». К сожалению, Банк России не задает вопрос о наличии у предприятий запасов сырья, материалов и готовой продукции.

Из третьей группы источников (табл. 2, часть В) были отобраны индикаторы, характеризующие состояние рынков нефти, валюты, акций, облигаций и др. Все показатели из этой группы ежедневные; для наших целей мы рассчитали их среднесуточные значения по месяцам.

⁷ Временные ряды, построенные на основе опросов Института Гайдара, возможно, были бы полезны для нашего анализа, однако они не публикуются, как и компоненты индекса PMI. Опросы Российского экономического барометра (РЭБ) имеют публикационный лаг два–три месяца, что ставит под вопрос целесообразность их использования для оперативного мониторинга российской экономики.

Показатели, имеющие явно выраженную циклическую составляющую

	Показатель	Первоисточник	Устранение сезонности	Публикационный лаг, дней	
<i>Часть А. Статистические показатели реального и банковского секторов</i>					
	Производство легковых автомобилей (новых), тыс. шт.	Росстат	Метод В. А. Бессонова	30–35	
+	Продажи легковых и легких коммерческих автомобилей, тыс. шт.	Ассоциация европейского бизнеса	ARIMA X-12	7–10	
	Денежная база в широком определении, в ценах декабря 2005 г., млрд руб.**	Банк России	ARIMA X-12	15	
	Производные финансовые инструменты, от которых ожидается получение экономических выгод	Банк России	Нет сезонности	60–90	
<i>Часть Б. Показатели опросов</i>					
	Спрос (обрабатывающие производства): уровень текущего месяца, баланс Спрос (обрабатывающие производства): ожидания на ближайшие 3–4 месяца, баланс	Росстат и НИУ ВШЭ	Для устранения сезонности рассчитывался прирост за 12 мес.	4–5	
	Запасы готовой продукции (обрабатывающие производства): уровень текущего месяца, баланс Запасы готовой продукции (обрабатывающие производства): ожидания на ближайшие 3–4 месяца, баланс	Russia Composite PMI	S&P Global	S&P Global***	4
	Спрос на продукцию, товары, услуги (экономика в целом): текущие оценки, баланс	Банк России	Банк России (TRAMO SEATS; Arima)	0****	
+	Спрос на продукцию, товары, услуги (экономика в целом): ожидания, баланс				
<i>Часть В. Товарные и финансовые рынки (в среднем за месяц)</i>					
+	Цена нефти Urals, долл./барр.	investing.com			
+	Спред между 3-месячным фьючерсом и спотовой ценой нефти Brent, % от спотовой цены	Cbonds, investing.com			
+	Индекс корпоративных облигаций IFX-Cbonds YTM	Cbonds			
	Индекс российских суверенных еврооблигаций	Cbonds			
	Кредитный дефолтный своп по российским 1-летним облигациям	Thomson Reuters	Нет сезонности	1	
	Спред доходности 10-летних и 6-месячных облигаций (кривая бескупонной доходности), %	МосБиржа			
+	Курс рубля, долл./1000 руб.	Банк России			
+	Фондовый индекс РТС	МосБиржа			
+	Российский индекс волатильности (RVI)	МосБиржа			

Примечание. * Знак «плюс» в первой колонке обозначает показатели, отобранные для использования в качестве компоненты СОИ; ** дефлировано по ИПЦ; *** разработчики заявляют, что сезонность из временных рядов устранена, но не сообщают, каким именно способом; исторические данные никогда не пересматриваются, что вызывает дополнительные вопросы относительно метода устранения сезонности; **** относится только к ожиданиям (подробнее см. в Приложении).

Источник: составлено авторами.

В перспективе к этим трем группам можно добавить индикаторы, формируемые на основе технологий больших данных, в частности, с помощью парсинга интернет-сайтов или анализа запросов в поисковых системах. Однако, чтобы на основе этих технологий можно было сформировать достаточно длинные временные ряды, необходимые для анализа циклической динамики, должно еще пройти немало времени.

В нашем анализе мы в основном использовали временные ряды, начинающиеся не позже января 2008 г.⁸ Это позволило анализировать их динамику в ходе всех последних рецессий, начиная с кризиса 2008–2009 гг.⁹ Детальный анализ циклической динамики каждого из 20 индикаторов, перечисленных в таблице 2, приведен в Приложении. По разным причинам больше половины из них не подошли на роль компоненты СОИ. Осталось восемь показателей (в первой колонке таблицы 2 они помечены знаком «плюс»), которые характеризуют:

- состояние российского рынка легковых и легких коммерческих автомобилей (важный рынок потребительских товаров длительного пользования, имеющий показательную циклическую динамику) – 1 индикатор;
- состояние мирового рынка нефти (высокая зависимость российской экономики от ситуации на нем очевидна) – 2 индикатора;
- настроения предпринимателей (от их пессимизма или оптимизма в рыночной экономике многое зависит) – 1 индикатор;
- состояние рынков российских акций, корпоративных облигаций и валюты (эти рынки менее инерционны, чем реальный сектор экономики, поэтому признаки завершения текущей фазы экономического цикла, как правило, проявляются здесь раньше, чем в реальном секторе) – 4 индикатора.

Агрегирование компонент в сводный опережающий индекс

Для агрегирования восьми разнородных индикаторов в единый индекс мы использовали два метода: процедуру, применяемую в компании The Conference Board (TCB), которая является мировым лидером в области разработки сводных циклических индикаторов; метод главных компонент, поскольку первую главную компоненту, выделенную из массива индикаторов экономической конъюнктуры, нередко (например, см.: Lewis et al., 2020; Eraslan, Götz, 2020; Lourenço, Rua, 2021) используют в качестве интегрального показателя экономической активности. (Первая главная компонента, выделенная из массива опережающих индикаторов, должна иметь опережающие свойства.)

⁸ Есть, однако, три исключения: временной ряд «Производные финансовые инструменты, от которых ожидается получение экономических выгод» начинается с января 2012 г.; временной ряд «Российский индекс волатильности (RVI)» — с ноября 2013 г.; временной ряд S&P PMI Composite — с декабря 2013 г. Для анализа рецессии 2008–2009 гг. эти индикаторы не могут быть использованы, но начиная с 2014 г. они демонстрировали отчетливую циклическую динамику.

⁹ О рецессиях 1990-х годов известно гораздо меньше; многие показатели тогда просто отсутствовали. Логично предположить, что для калибровки СОИ, предназначенного для мониторинга текущей экономической конъюнктуры, кризисы конца прошлого века не столь значимы и информативны.

Процедура, применяемая ТСВ, определяет следующий порядок действий¹⁰. Сначала по формулам (1)–(3) вычисляют значения x_t :

$$x_t = X_t, \quad (1)$$

если исходный индикатор X_t представляет собой диффузный индекс или баланс положительных и отрицательных ответов, рассчитанный на основе предпринимательских опросов;

$$x_t = X_t - X_{t-1}, \quad (2)$$

если исходный индикатор X_t представляет собой процентную ставку, темп прироста или спред;

$$x_t = 200 \frac{X_t - X_{t-1}}{X_t + X_{t-1}}, \quad (3)$$

в остальных случаях.

В нашем случае формула (1) применяется к одному показателю (ожидаемое изменение спроса); формула (2) — к двум (индекс корпоративных облигаций IFX-Cbonds и спред между 3-месячным фьючерсом и спотовой ценой нефти Brent); формула (3) — ко всем остальным.

Полученные ряды x_i корректируют на различия в волатильности, поскольку одинаковые по величине изменения более волатильных рядов должны меньше влиять на итоговый индекс. Для этого по формуле (4) оценивают их стандартные отклонения, после чего с помощью преобразований (5)–(7) находят веса r_i (здесь и далее i — номер компоненты, n — их количество):

$$v_i = \sqrt{\frac{\sum_1^t (x_{i,t} - \bar{x}_i)^2}{t-1}}, \quad (4)$$

$$w_i = 200 \frac{1}{v_i}, \quad (5)$$

$$k = \sum_{i=1}^n w_i, \quad (6)$$

$$r_i = \frac{1}{k} w_i. \quad (7)$$

Умножая x_t на вес каждой компоненты и суммируя их значения для каждого момента времени t , можно получить величину, которой полагается равным темп прироста конструируемого СОИ (см. формулу (8))¹¹:

$$i_t = \sum_1^n r_i \times x_{i,t}. \quad (8)$$

¹⁰ См.: Ozyildirim, 2019. P. 308–309.

¹¹ Если с содержательной точки зрения рост исходного показателя X_t сигнализирует об ухудшении конъюнктуры, то временной ряд x_t входит в интегральный индикатор со знаком «минус». В нашем случае таких рядов три: спред между 3-месячным фьючерсом и спотовой ценой нефти Brent; индекс корпоративных облигаций IFX-Cbonds; российский индекс волатильности RVI. Суммирование в формуле (8) проводят по x_t , которые есть для данного t . Все восемь компонент x_t существуют только с ноября 2013 г.

Полученный ряд значений i_t (темпов прироста сводного индекса) приводится к базисному виду по рекуррентной формуле (9), причем I_t полагается равным 100:

$$I_t = I_{t-1} \frac{(200 + i_t)}{(200 - i_t)}. \quad (9)$$

По формуле (10) проводят пересчет в выбранную базу (в нашем случае – январь 2018 г.):

$$\text{СОИ_ТСВ}_t = \frac{I_t}{I_{\text{январь.2018}}}. \quad (10)$$

Второй подход к построению СОИ основан на выделении первой главной компоненты из того же набора исходных временных рядов. Результаты соответствующих расчетов представлены в таблице 3 наряду с весами, которые использовались при оценке значений СОИ_ТСВ.

Прямо сопоставлять полученные двумя способами коэффициенты (веса) при исходных индикаторах не имеет смысла, поскольку при агрегировании исходные временные ряды подвергались разным преобразованиям. Но обратим внимание на то, что знаки коэффициентов в двух колонках таблицы 3 во всех случаях противоположны, причем при расчете первой главной компоненты коэффициенты при исходных показателях имеют знак «минус», если большое значение показателя указывает на высокий уровень экономической активности, и знак «плюс», если на низкий. Иными словами, в данном случае первую главную компоненту нельзя интерпретировать как интегральный показатель экономической активности (ни опережающий, ни синхронный). Напротив, ее можно интерпретировать как индикатор экономического стресса, который, скорее, противоположен индикатору экономической активности. Исходя из такого понимания, в нашем случае можно по-

Т а б л и ц а 3

**Коэффициенты при частных индикаторах
для двух версий СОИ**

Показатель	Коэффициент при первой ГК*	Вес r_i для СОИ_ТСВ**
Продажи легковых и легких коммерческих автомобилей	-0,299	0,028
Ожидаемое изменение спроса на продукцию, товары, услуги	-0,450	0,067
Цена нефти Urals	-0,386	0,034
Спред между 3-месячным фьючерсом и спотовой ценой нефти Brent	0,343	-0,213
Индекс корпоративных облигаций IFX-Cbonds	0,281	-0,513
Курс рубля (долл./1000 руб.)	-0,296	0,078
Фондовый индекс РТС	-0,406	0,044
Российский индекс волатильности (RVI)	0,332	-0,023

Примечание. * Расчеты проводились на основе корреляционной матрицы с помощью эконометрического пакета Gretl; поскольку для расчета такой матрицы требуется полный набор данных, коэффициенты при первой ГК мы оценивали за период с января 2014 по июль 2023 г.; ** при расчетах по формуле (7) средние и стандартные отклонения оценивались на временном интервале с января 2008 по июль 2023 г.

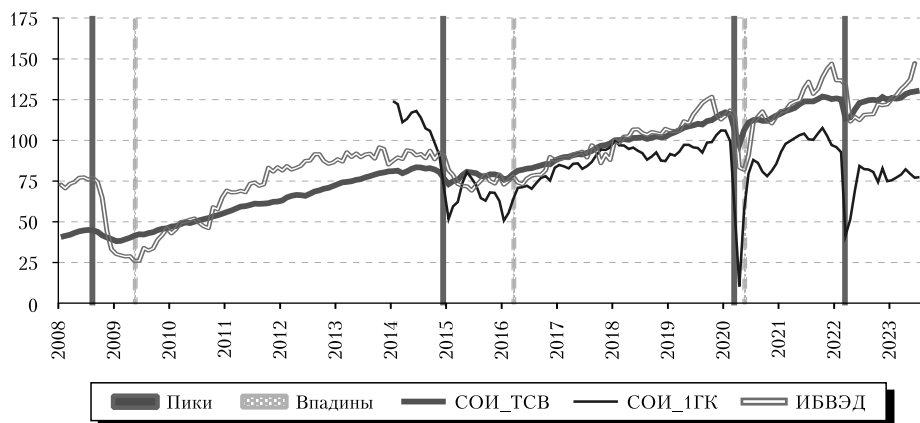
Источник: расчеты авторов.

лучить индикатор экономической активности, просто поменяв знак при первой главной компоненте.

Динамика двух версий сводного опережающего индекса

Для большей наглядности мы трансформировали «зеркальный» ряд, полученный из первой главной компоненты (обозначим его СОИ_1ГК), так, чтобы его стандартное отклонение совпало со стандартным отклонением ряда СОИ_ТСВ на временном отрезке с января 2014 по июль 2023 г. Аналогичным образом для периода с января 2008 по июль 2023 г. мы преобразовали Индекс интенсивности выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности (обозначим его ИБВЭД)¹², который дает представление о месячной динамике реального сектора российской экономики (см. рисунок).

Две версии СОИ и ИБВЭД (январь 2018 г. = 100)



Источник: расчеты авторов.

Рис.

На рисунке видно, что и СОИ_ТСВ, и СОИ_1ГК можно использовать в качестве опережающего показателя: их поворотные точки практически всегда немного опережают поворотные точки как общеэкономического цикла, определенные экспертно, так и ИБВЭД (последний можно интерпретировать как синхронный индикатор бизнес-цикла). Даже о начале рецессий 2020 и 2022 гг., вызванных неожиданными внеэкономическими мощными шоками, обе версии СОИ сигнализировали за несколько месяцев до того, как в реальном секторе начался спад (табл. 4). Однако с точки зрения практического использования этих индикаторов для мониторинга циклической динамики российской экономики более предпочтительным выглядит показатель СОИ_ТСВ.

¹² Описание этого индикатора см.: <https://dcenter.hse.ru/mon/71909939.html>. Данные предоставлены В. А. Бессоновым.

Поворотные точки российского экономического цикла и СОИ

Экономический цикл		СОИ_ТСВ		СОИ_1ГК	
пик	впадина	дата	опережение (мес.)	дата	опережение (мес.)
Авг. 2008	Май 2009	Июль 2008	1	—	Н. д.
Дек. 2014		Январь 2009	4	—	Н. д.
	Март 2016	Июнь 2014	6	Январь 2014	11
Март 2020		Январь 2016	2	Январь 2016	2
	Март 2022	Май 2020	1	Апрель 2020	1
Н. д.		Октябрь 2021	5	Октябрь 2021	5
		Март 2022	Н. д.	Март 2022	Н. д.

Примечание. Н. д. — нет данных.

Источник: расчеты авторов.

1. Он имеет заметно более гладкую траекторию; в реальном времени более резкие краткосрочные колебания СОИ_1ГК будут создавать дополнительные трудности для постановки итогового «диагноза» и оценки ближайших перспектив российской экономики. Например, в начале 2018 г. вряд ли было бы правильным прогнозировать спад, который случился только в апреле 2020 г.

2. Индикатор СОИ_ТСВ легче адаптировать к ситуации, когда информация по компоненте становится недоступной: для этого достаточно расчеты по формуле (6) проводить для меньшего числа временных рядов (параметр n). Также не сложно включать в него новые компоненты, по которым накопились — например, в ходе работы с большими данными — длинные временные ряды. Поскольку в случае СОИ_1ГК метод главных компонент предполагает одинаковую глубину исторических данных для всех компонент СОИ, включить новый временной ряд с короткой историей можно только ценой потери «памяти» о всех предыдущих рецессиях.

3. Динамику СОИ_ТСВ обычно легко интерпретировать. Только однажды (весной 2015 г.) этот индикатор подавал ложный сигнал о возможном скором переходе российской экономики к фазе роста (фактически восстановительный рост начался только весной 2016 г.). Это было связано с тем, что в апреле—мае 2015 г. заметно повысились цены на нефть, укрепился рубль, снизились процентные ставки, вырос фондовый индекс РТС, что ненадолго привело к росту оптимизма. Однако и в этом случае СОИ_ТСВ выглядит более предпочтительным, чем СОИ_1ГК, поскольку последний тогда подавал гораздо более уверенный (и ложный!) сигнал о приближающемся переходе к росту.

4. Сейчас трудно сказать, как рост СОИ_ТСВ весной 2015 г. мог быть интерпретирован в реальном времени. Однако понимая, что любой, даже самый точный метод прогнозирования в некоторых случаях приводит к ошибкам (в этом смысле прогнозирование поворотных точек бизнес-цикла с помощью СОИ не исключение), нужно помнить, что СОИ — лишь один из индикаторов конъюнктуры. Эксперт в своих суждениях не должен опираться исключительно на СОИ, игнорируя всю остальную информацию. Вероятно, ухудшение ситуации в реаль-

ном секторе (весной 2015 г. на это указывала, в частности, динамика ИБВЭД) могло бы удерживать экспертов от излишнего оптимизма.

Заключение

В ходе построения сводного опережающего индикатора, пригодного для прогнозирования поворотных точек российского экономического цикла, мы последовательно прошли все четыре необходимых этапа:

– остановившись на концепции бизнес-циклов (циклов экономической активности) как в наибольшей степени соответствующей российским реалиям, уточнили датировку циклических поворотных точек (пиков и впадин);

– протестировали циклическую динамику нескольких десятков временных рядов и на основе графического анализа отобрали восемь показателей, которые опережают общеэкономическую динамику;

– двумя способами (с помощью методов The Conference Board и главных компонент) агрегировали отобранные показатели в сводный опережающий индикатор;

– показали, что сводный индикатор СОИ_ТСВ (далее – СОИ) в определенных аспектах превосходит СОИ_1ГК и на несколько месяцев опережает все поворотные точки российского общеэкономического цикла.

Отметим, что уже с мая–июня 2022 г. СОИ начал указывать на возможность восстановления после обвала в апреле–мае. В 2023 г. эта тенденция стала еще более определенной; никаких сигналов о приближении нового спада СОИ не подает. Разумеется, предыдущий опыт подсказывает, что использование СОИ на практике, то есть для оперативного мониторинга российской экономики, требует осмотрительности. Надо помнить, что вывод о переломе тренда на основании краткосрочных флуктуаций СОИ (именно в этом и заключается его главное предназначение) следует делать с большой осторожностью. Тем не менее, даже с учетом подобных рисков, использование сконструированного нами сводного опережающего индикатора для ежемесячного мониторинга российской экономики и прогнозирования поворотных точек российского экономического цикла представляется оправданным. Только накопленный опыт такого мониторинга покажет необходимость изменений в разработанной нами методике.

Список литературы / References

- Богданова А. Л. (2018). Опережающие показатели – инструмент экономического прогнозирования // Экономическая наука современной России. № 2. С. 35–56. [Bogdanova A. L. (2018). Leading indicators as an instrument of economic forecasting. *Economics of Contemporary Russia*, No. 2, pp. 35–56. (In Russian).]
- Давыдов А., Попов В., Френкель А. (1993). Индекс хозяйственной конъюнктуры в России: построение и результаты // Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 32–47. [Davydov A., Popov V., Frenkel A. (1993). Index of business activity in Russia: Construction and results. *World Economy and International Relations*, No. 12, pp. 32–47. (In Russian).]

- ЕЭК (2022). Совпадающие и опережающие индикаторы для государств – членов Евразийского экономического союза (по данным за март 2022 года). М.: Евразийская экономическая комиссия. [EEC (2022). *Coinciding and leading indicators for member states of the Eurasian Economic Union (Based on data for March 2022)*. Moscow: Eurasian Economic Commission. (In Russian).]
- ИЦР (2022). Комментарии о государстве и бизнесе. № 432. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [HSE Centre of Development Institute (2022). *Commentaries on the state and business*, No. 432. (In Russian).]
- Попов В., Френкель А. (1996). Индекс деловой активности для российской экономики // ЭКО. № 10. С. 76–89. [Popov V., Frenkel A. (1996). An index of business activity for the Russian economy. *ECO*, No. 10, pp. 76–89. (In Russian).]
- Смирнов С. В. (2001). Система опережающих индикаторов для России // Вопросы экономики. № 3. С. 23–42. [Smirnov S. V. (2001). A system of leading indicators for Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 23–42. (In Russian).]
- Смирнов С. В. (2012). Российские циклические индикаторы и их полезность «в реальном времени»: опыт рецессии 2008–2009 гг. // Экономический журнал Высшей школы экономики. № 4. С. 479–513. [Smirnov S. V. (2012). Russian cyclical indicators and their usefulness in «real time»: An experience of the 2008–2009 recession. *HSE Economic Journal*, No. 4, pp. 479–513. (In Russian).]
- Смирнов С. В. (2020). Предсказание поворотных точек российского экономического цикла с помощью сводных опережающих индексов // Вопросы статистики. № 4. С. 53–65. [Smirnov S. V. (2020). Predicting turning points of the Russian economic cycle using composite leading indicators. *Voprosy Statistiki*, No. 4, pp. 53–65. (In Russian).] <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-4-53-65>
- Смирнов С. В., Смирнов С. С. (2022). Мониторинг российского делового цикла на основе ежедневных данных // Вопросы экономики. № 5. С. 26–50. [Smirnov S. V., Smirnov S. S. (2022). Monitoring Russian business cycle with daily indicators. *Voprosy Ekonomiki*, No. 5, pp. 26–50. (In Russian).]
- Френкель А., Тихомиров Б., Сурков А. (2022). Январь – май 2022 года: Россия в условиях торможения социально-экономического развития // Экономические стратегии. № 4. С. 90–95. [Frenkel A., Tikhomirov B., Surkov A. (2022). 2022, January – May: Russia in the context of slowing down socio-economic development. *Economic Strategies*, No. 4, pp. 90–95. (In Russian).] <https://doi.org/10.33917/es-4.184.2022.90-95>
- ЦМАКП (2022). Что показывают опережающие индикаторы системных финансовых и макроэкономических рисков? (по данным статистики, доступной в мае 2022). М.: Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. [CMASF (2022). *What do leading indicators of systemic financial and macroeconomic risks show? (According to statistics available in May 2022)*. Moscow: Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting. (In Russian).]
- Burns A. F., Mitchell W. C. (1946). *Measuring business cycles*. NBER.
- Eraslan S., Götz T. (2020). An unconventional weekly economic activity index for Germany. *Deutsche Bundesbank Technical Paper*, No. 02/2020.
- Lewis D., Mertens K., Stock J. H., Trivedi M. (2020). Measuring real activity using a weekly economic index. *Federal Reserve Bank of New York Staff Reports*, No. 920, revised September.
- Lourenço N., Rua A. (2021). The daily economic indicator: Tracking economic activity daily during the lockdown. *Economic Modelling*, Vol. 100, article 105500. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2021.105500>
- Ozyildirim A. (2019). Compiling cyclical composite indexes: The Conference Board indicators approach. In: S. Smirnov, A. Ozyildirim, P. Picchetti (eds.). *Business cycles in BRICS*. Cham: Springer, pp. 303–313.

Динамика важнейших индикаторов, имеющих явную циклическую составляющую

При агрегировании отдельных компонент в единый сводный индекс — какой бы процедурой мы ни воспользовались — информация о том, на сколько конкретно месяцев тот или иной показатель опережает общеэкономическую динамику, не используется. Это избавляет нас от необходимости точно датировать пики и впадины всех анализируемых временных рядов; достаточно, чтобы на графике их максимальные и минимальные значения были несколько смещены влево относительно поворотных точек бизнес-цикла. Перейдем теперь к рассмотрению отдельных показателей (источники см. в таблице 2).

Производство легковых автомобилей (как и продажи легковых и легких коммерческих автомобилей) подвержено сильным флуктуациям, связанным с фазами цикла: в фазе оживления и роста спрос на автомобили растет, в фазе рецессии резко падает, причем нередко снижение в этом секторе начинается до того, как оно охватит всю экономику (рис. П.1). Траектории производства и продаж отличаются в деталях (иногда важных), но в целом они достаточно похожи; с января 2008 по июнь 2023 г. коэффициент корреляции между ними составляет 0,82. Поскольку включать в расчет сводного индекса две компоненты, относящиеся к одному сегменту экономики, нецелесообразно, нужно было сделать выбор. Ключевую роль здесь сыграли различия в публикационном лаге: данные о продажах легковых и легких коммерческих автомобилей появляются почти на три недели раньше, чем о производстве легковых автомобилей. Это позволяет рассчитывать СОИ более оперативно.

Производство и продажи легковых и легких коммерческих автомобилей (тыс. шт.)



Источник: расчеты авторов.

Рис. П.1

Исходный временной ряд денежной базы в широком определении выражен в текущих ценах, поэтому его циклические флуктуации теряются на фоне обусловленного инфляцией восходящего тренда. Мы дефлировали этот ряд с помощью ИПЦ, после чего устранили сезонность с помощью ARIMA X-12. Отчасти траектория полученного ряда (рис. П.2) определяется фазой бизнес-цикла, но, очевидно, не только ею. Во всяком случае, быстрый рост в 2017–2018 гг. и отсутствие спада во время рецессии 2020 г. требуют отдельных объяснений. Учитывая существование этих дополнительных факторов, не совпадающих с динамикой бизнес-цикла, а также неизбежные

Денежная база в широком определении
(млрд руб. в ценах декабря 2005 г., сезонность устранена)



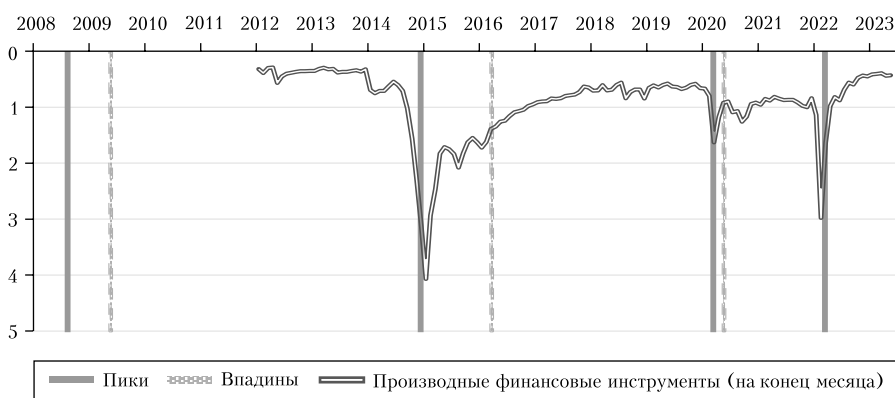
Источник: расчеты авторов.

Рис. П.2

погрешности, возникающие при дефлировании (использование в этих целях именно ИПЦ вряд ли можно строго обосновать) и при устранении сезонности, мы решили не использовать денежную базу в широком определении при расчете СОИ: велик риск, что включение ее в число компонент СОИ в каких-то (неизвестных заранее) ситуациях будет, скорее, исказить, а не прояснить траекторию экономического цикла.

Одна из активных статей банковских балансов — «производные финансовые инструменты, от которых ожидается получение экономических выгод» — показала себя неплохим опережающим индикатором: в ходе последних трех российских рецессий вложения в эти инструменты начинали быстро расти за несколько месяцев до начала спада в реальном секторе (рис. П.3)¹³. Однако публикационный лаг этого показателя столь велик (около 90 дней), что его использование для расчета СОИ вряд ли имеет смысл.

**Активы кредитных организаций: производные
финансовые инструменты (% от активов, обратный порядок)**



Источник: расчеты авторов.

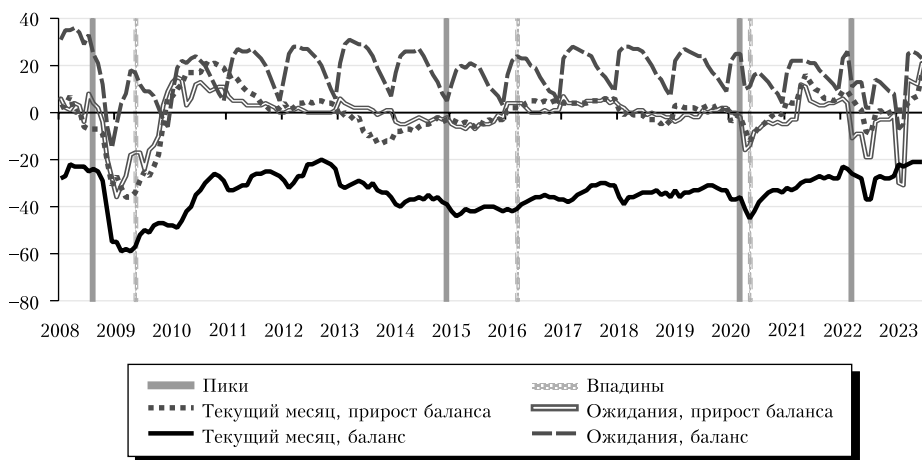
Рис. П.3

¹³ Значения по оси ординат на этом графике (как и на некоторых последующих) даны в обратном порядке, чтобы визуально динамика индикатора в преддверии и начале рецессии воспринималась как спад, а не как рост.

Предпринимательские опросы, проводимые Росстатом, содержат вопросы, относящиеся к оценке уровня спроса на производимую продукцию и уровня запасов готовой продукции. По итогам каждого опроса — как разность между долей положительных и долей отрицательных ответов — рассчитываются так называемые балансы; сами вопросы касаются как текущего положения, так и ожидаемого в перспективе 3–4 месяцев.

Динамика двух исходных показателей спроса (балансов для текущего месяца и для ожиданий на ближайшие 3–4 месяца) показана на рисунке П.4. Поскольку оба ряда содержат значительные сезонные колебания, особенно заметные для ожидаемых изменений спроса, мы рассчитали и нанесли на тот же график изменения каждого показателя за 12 месяцев (приросты балансов). Очевидно, что динамика годовых приростов как текущих уровней спроса, так и ожиданий на ближайшие 3–4 месяца в значительной мере определяется фазой бизнес-цикла. В частности, в ходе всех последних рецессий и на подступах к ним наблюдалось нарастание предпринимательского пессимизма: изменение баланса становилось отрицательным. Однако в 2020–2022 гг. обычная «сезонная волна» индикаторов спроса претерпела явные и драматичные изменения под влиянием сильнейших внеэкономических шоков; в результате существующие методы устранения сезонности рисуют картину, которую в реальном времени затруднительно интерпретировать и которой трудно доверять. Поэтому мы решили не включать опросные показатели спроса в число компонент СОИ.

**Обрабатывающие производства:
показатели спроса на продукцию (н. п.)**

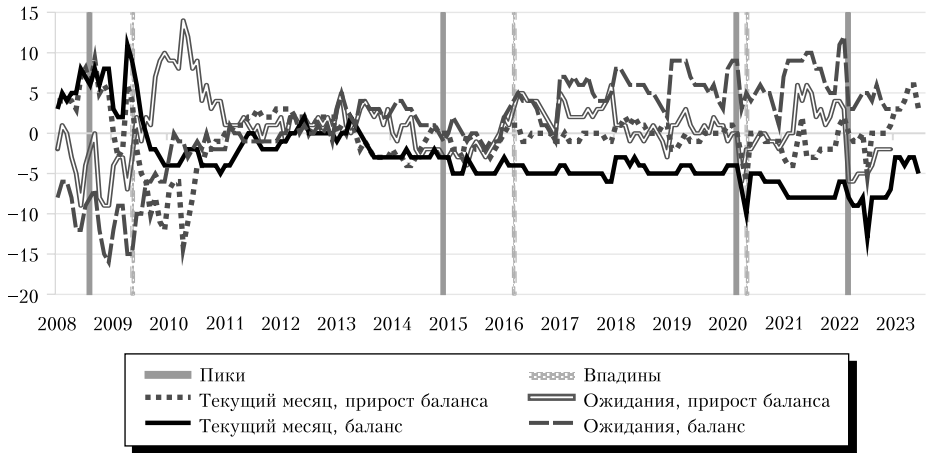


Источник: расчеты авторов.

Рис. П.4

Возможно, было бы целесообразным включить в число компонент ожидаемое изменение запасов (после устранения сезонности путем расчета годовых приростов баланса): у этого показателя есть флуктуации, которые можно соотнести с фазами роста в 2009–2010, 2017 и 2021 гг. (рис. П.5). Однако с января 2023 г. Росстат исключил из своей опросной анкеты вопрос об ожидаемом изменении уровня запасов, и в дальнейшем использоваться данный индикатор для мониторинга российской экономики не представляется возможным. При этом в динамике оценок текущего уровня запасов циклическая составляющая практически не просматривается (во всяком случае, после кризиса 2008–2009 гг.). В итоге мы приняли решение не использовать индикаторы из опросов Росстата, связанные с уровнем запасов, в качестве компоненты СОИ.

**Обработывающие производства:
показатели уровня запасов готовой продукции (n. n.)**



Источник: расчеты авторов.

Рис. П.5

Composite PMI S&P Global (n. n.)



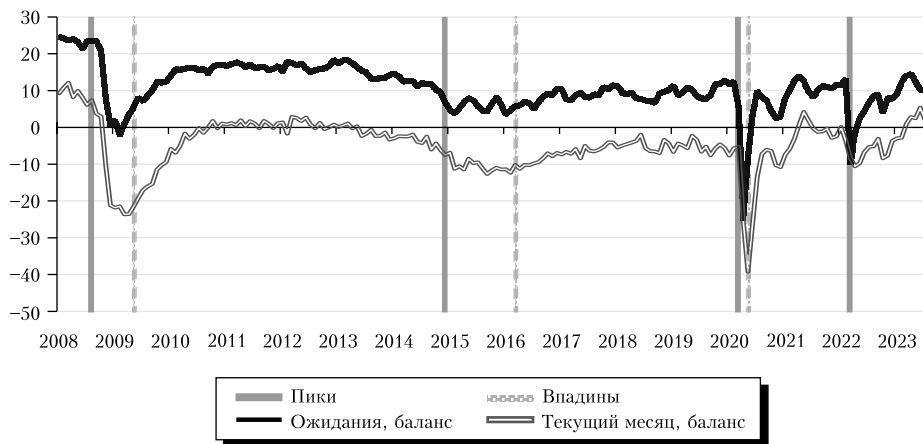
Источник: расчеты авторов.

Рис. П.6

В группе взаимосвязанных индексов менеджеров по закупкам, в настоящее время публикуемых компанией S&P Global, наиболее перспективным в качестве компоненты СОИ выглядит сводный индекс PMI с его глубокими падениями в 2020 и 2022 гг. (рис. П.6). Однако он рассчитывается только с декабря 2013 г. Учитывая этот факт, а также значительное сходство динамики PMI с динамикой спроса, согласно «Мониторингу предприятий» Банка России (коэффициент корреляции между этими двумя показателями на временном отрезке с декабря 2013 по июль 2023 г. составил 0,78), мы решили отдать предпочтение данным Банка России.

В ежемесячных опросах Банк России, к сожалению, не спрашивает предприятия о ситуации с запасами готовой продукции, но задает вопрос о текущем состоянии спроса и его ожидаемом изменении. Рассчитанные на этой основе показатели (балансы положительных и отрицательных долей в ответах) имеют очевидную циклическую динамику, причем для ожиданий поворотные точки, как правило, наступают на месяц раньше (рис. П.7). Это предопределило использование индикатора, рассчиты-

Экономика в целом: показатели спроса на продукцию, товары и услуги (п. п.)



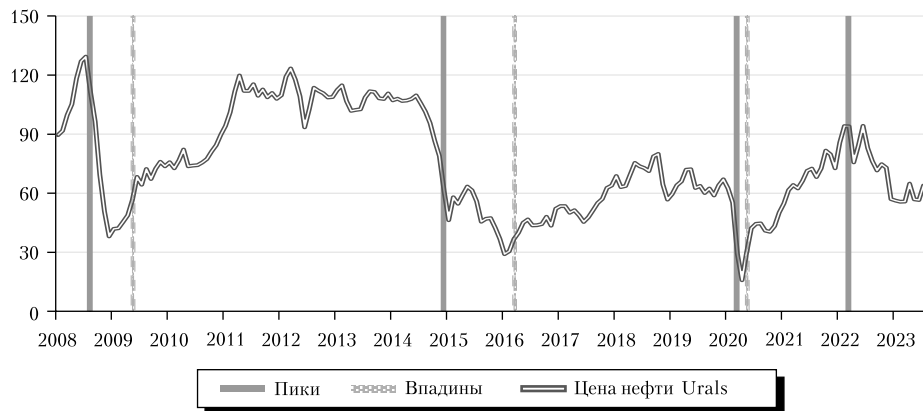
Источник: расчеты авторов.

Рис. П.7

ваемого Банком России и связанного с ожидаемыми изменениями спроса, в качестве компоненты СОИ: по сравнению с фактическим изменением спроса он опережающий; по сравнению с данными Росстата он имеет более выраженную циклическую динамику; по сравнению с РМІ — охватывает более длительный период. Кроме того, отметим, что публикационный лаг для этого показателя фактически равен нулю: оценка ожидаемых в течение трех месяцев изменений спроса дается в первой декаде месяца, когда проводится опрос, а публикуется до его окончания (обычно в начале третьей декады).

Сильная зависимость российской экономики от мировых цен на нефть не является секретом: рецессии 2008–2009, 2015–2016 и 2020 гг. проходили на фоне значительного снижения нефтяных цен (рис. П.8) и были во многом им усугублены. Высокие цены на нефть в 2022 г. следует признать особенностью последней рецессии; намного меньшая, чем ожидалось, глубина спада российской экономики в немалой степени определяется именно этим фактором.

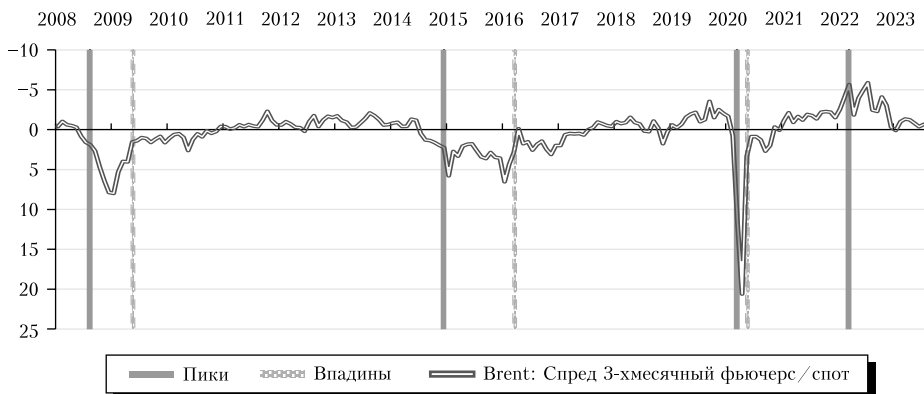
Среднемесячные цены на экспортируемую российскую нефть (долл./барр.)



Источник: расчеты авторов.

Рис. П.8

Рынок фьючерсов на нефть Brent
(% от цены spot, обратный порядок)



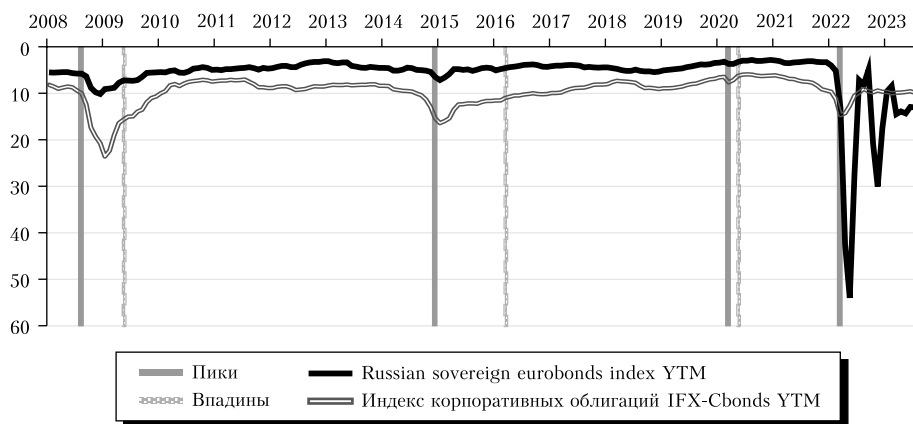
Источник: расчеты авторов.

Рис. П.9

Еще одним индикатором мирового нефтяного рынка, динамика которого во многом совпадает с траекторией российского экономического цикла, выступает спред между фьючерсной и спотовой ценами на нефть. Положительный спред (спотовая цена ниже фьючерсной, ситуация контанго) может указывать на недостаточный спрос на нефть или ее избыточное предложение в текущий момент, что неблагоприятно для российской экономики (рис. П.9, где для наглядности по оси ординат использован обратный порядок значений). В 2022 г. мировой спрос на нефть оставался высоким, для рынка была характерна ситуация бэквардейшена (спотовая цена выше фьючерсной), способствовавшая поддержанию высокого уровня нефтяных цен.

Доходность облигаций российских компаний, будучи достаточно адекватной мерой риска, начинает расти до того, как в реальном секторе обозначится спад, и достигает своего пика вскоре после начала рецессии (рис. П.10). Этот показатель подходит для включения в число компонент СОИ. Что касается доходности суверенных российских еврооблигаций (Cbonds Russia Sovereign USD YTM Index), то она носила отчетливо циклический характер и могла бы стать компонентой СОИ,

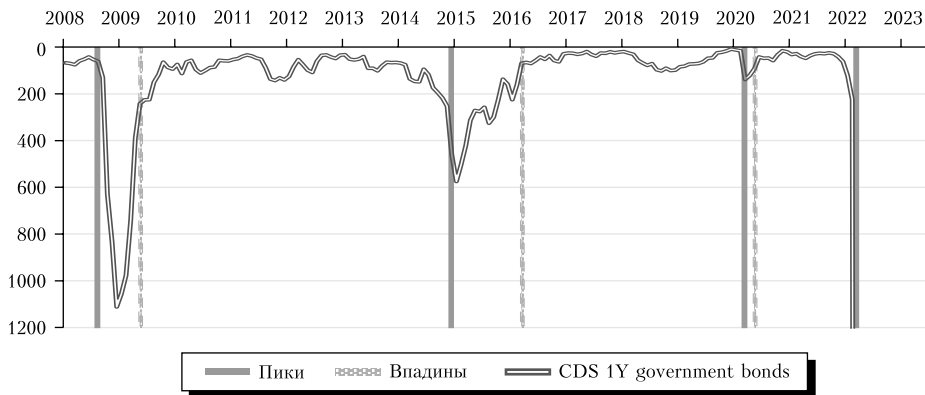
Среднемесячная доходность облигаций российских компаний и суверенных еврооблигаций
(обратный порядок)



Источник: расчеты авторов.

Рис. П.10

Среднемесячная цена кредитного дефолтного свопа по российским 1-летним облигациям
(долл., обратный порядок)



Источник: расчеты авторов.

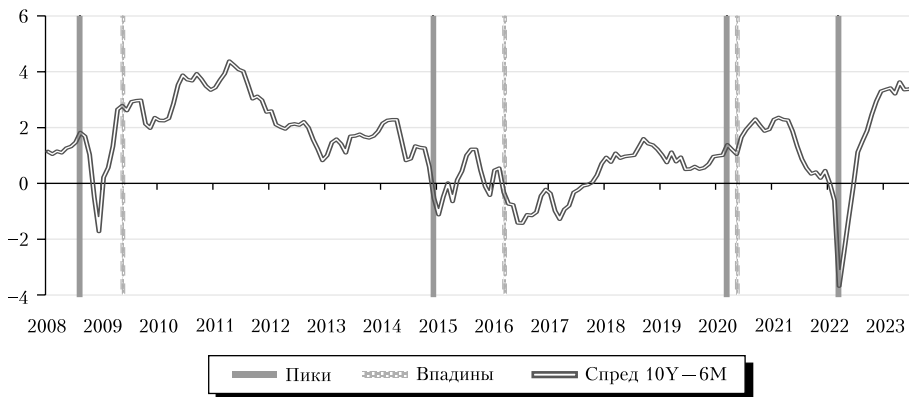
Рис. П.11

если бы не связанные с санкциями 2022 г. вне рыночные факторы, на какое-то время фактически разрушившие рынок этих ценных бумаг.

Это можно сказать и о динамике кредитного дефолтного свопа: она носит отчетливо циклический характер (рис. П.11), но использовать этот показатель в качестве компоненты СОИ сейчас нет возможности, поскольку летом 2022 г. риск дефолта реализовался, и этот показатель более не существует.

Обычно информативным опережающим индикатором считается спред доходности долго- и краткосрочных гособлигаций. Его выход в отрицательную область трактуется как следствие резкого роста текущих рисков, вплоть до скорого приближения рецессии. Для России такой показатель может быть рассчитан, однако его отрицательные значения не характерны для кануна рецессии; как правило, они появляются уже после ее начала (рис. П.12). В 2016–2017 гг. отрицательный спред наблюдался на фоне восстановительного роста, а во время краткосрочной рецессии, связанной с COVID-19, спред оставался положительным. Таким образом, в России этот индикатор не является надежным предвестником общеэкономического спада; по этой причине мы решили не использовать его при расчете СОИ.

Кривая бескупонной доходности гособлигаций (n. n.)



Источник: расчеты авторов.

Рис. П.12



Источник: расчеты авторов.

Рис. П.13



Источник: расчеты авторов.

Рис. П.14

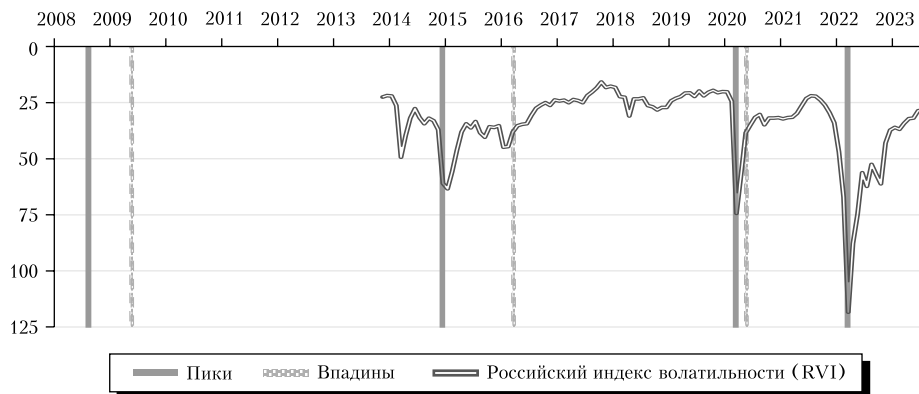
Начало всех российских рецессий происходило на фоне резкого ослабления рубля (рис. П.13), пренебрегать этим при конструировании СОИ нет оснований¹⁴.

Фондовый индекс РТС — при всей его повышенной волатильности — начинал подавать тревожные сигналы до начала всех российских рецессий (рис. П.14). Нет оснований не включать его в число компонент СОИ.

Российский индекс волатильности (RVI), отражающий существующие на рынке акций риски, резко увеличивается накануне рецессий (рис. П.15). Поэтому мы используем его в качестве компоненты СОИ с ноября 2013 г. (наиболее ранней даты, для которой рассчитан этот показатель).

¹⁴ Резкое ослабление национальной валюты можно рассматривать в двух аспектах. В краткосрочном плане оно указывает на реализацию рисков, что, в частности, обычно проявляется в падении производства реального сектора. В средне- и долгосрочном плане ослабление рубля, напротив, способствует повышению конкурентоспособности отечественной продукции и создает предпосылки для ускорения экономического роста. При конструировании СОИ акцент логично сделать на краткосрочном эффекте от ослабления рубля.

Российский «индекс страха»
(пункты, обратный порядок)



Источник: расчеты авторов.

Рис. П.15

Forecasting turning points of the Russian economic cycle with leading indicators

Sergey V. Smirnov^{1,*}, Elena B. Oleynik², Svetlana S. Kovalenko³

Authors affiliation: ¹ HSE University (Moscow, Russia);

² Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia);

³ DNS Retail LLC (Vladivostok, Russia).

*Corresponding author, email: svsmirnov@hse.ru

In recent decades, predicting turning points of economic cycles (their peaks and troughs) using leading indicators has established itself as a fairly simple, clear and at the same time reliable method. But the world experience has shown that any system of leading indicators requires revision and clarification from time to time. The recent non-economic shocks experienced by the Russian economy have made urgent a full-scale revision of existing leading indicators. The article proposes a methodology for constructing a new index, which, one may hope, will not have the shortcomings of its predecessors. In the process of its construction, the dating of the peaks and troughs associated with previous recessions in the Russian economy was specified; the peculiarities of the cyclical dynamics of several dozens of time series were re-examined. The eight most promising indicators were aggregated into a composite leading indicator (CLI) using two alternative methods; we have chosen the one which is not only easier to use and update, but, apparently, with better predictive properties.

Keywords: economic cycle, business cycle, recession, turning points, leading indicators.

JEL: E32, E37.

Макроэкономические условия перехода России к высоким темпам роста: опыт Х-экономики Китая*

В. И. Маевский, С. Ю. Малков, А. А. Рубинштейн

Институт экономики РАН (Москва, Россия)

На примере Х-экономики Китая рассмотрены некоторые макроэкономические характеристики нового мирохозяйственного уклада, обеспечивающие опережающие относительно США темпы роста ВВП, ускорение инновационной активности, большее влияние на структуру мировых финансов. Отмечен малоизученный эффект, порождаемый различием укладов при финансировании вложений в основной капитал: если в Китае большую роль играет прямое использование бюджетных ресурсов в этих целях, то в США доминирует их косвенное применение. В результате возникает эффект лага, позволяющий Китаю (в предположении равенства темпов денежной эмиссии) генерировать более высокий темп роста и более низкую инфляцию. Показано, что в России в 2023–2025 гг. сдвигов в сторону макроэкономических характеристик Китая не предвидится. Причина в том числе в избирательном отношении денежных властей к экономической теории. Во-первых, они до сих пор руководствуются гипотезой о нейтральности денег в долгосрочном периоде. С помощью модели переключающегося режима воспроизводства показано, что данная гипотеза некорректна: в долгосрочном периоде деньги могут быть и нейтральными, и не нейтральными, важно, как распределяется единый денежный поток между инвестиционной деятельностью и производством и потреблением непродовольственных благ. Как следствие, игнорируется возможность перейти к политике монетарного стимулирования экономического роста. Во-вторых, недостаточно разработана макроэкономическая теория управления переходными процессами

Маевский Владимир Иванович (maev1941@bk.ru), академик РАН, д. э. н., проф., руководитель Центра институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства ИЭ РАН; *Малков Сергей Юрьевич* (s@malkov.org), д. т. н., проф., вед. н. с. ИЭ РАН; *Рубинштейн Александр Александрович* (rubinstein.alexander@gmail.com), к. э. н., с. н. с. ИЭ РАН.

* Работа выполнена в рамках Государственного задания по теме: «Синтез теорий переключающегося воспроизводства и институциональных матриц: применение к задачам экономической политики». Авторы выражают признательность анонимному рецензенту за полезные замечания.

при резком ускорении темпов роста ВВП. Проведены расчеты их нестационарных траекторий и инфляции, предложены способы минимизировать длительность переходного процесса и смягчить колебания инфляции, что в значительной мере снимает проблему его неопределенности и позволяет управлять им. В результате можно перейти к политике ускорения экономического роста в России.

Ключевые слова: мирохозяйственный уклад, инвестиции в основной капитал, модель переключающегося режима воспроизводства, стратегическое планирование.

JEL: B52, C02, C54, E19, E21, E22, E23.

Введение

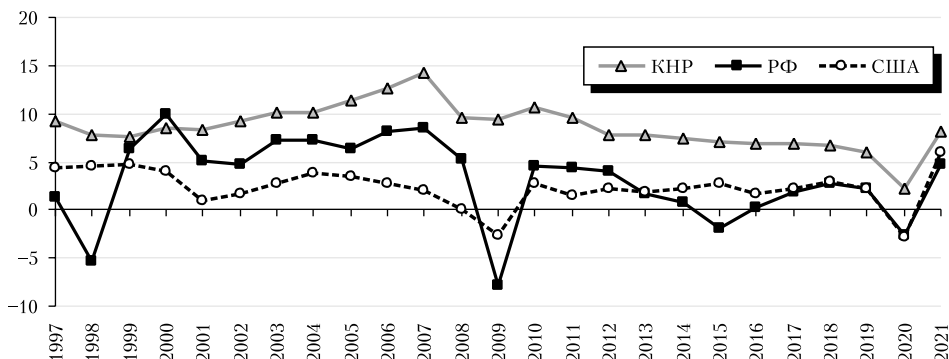
Российская экономика долгое время практически не растет, но в мировом хозяйстве происходят крупные изменения: экономика Китая в последние десятилетия заметно опережает экономику России и США по темпам роста ВВП (рис. 1), приблизилась к США по инновационной активности (рис. 2), серьезно влияет на мировые финансы. В частности, юань успешно конкурирует с долларом не только на азиатском континенте, но и в Африке, ряде стран Южной Америки, а также в России и других странах — членах ЕАЭС.

Указанные изменения не остаются незамеченными специалистами¹. Так, Дж. Арриги, разработавший концепцию циклов накопления капитала, одним из первых заявил о возможной смене американского (имперского) векового цикла накопления капитала азиатским (китайским) циклом: «Хотя универсальная империя во главе с Западом все еще остается возможной, мировое рыночное общество с центром в Восточной Азии кажется сегодня куда более вероятным исходом нынешних преобразований глобальной политической экономии, чем пятнадцать лет тому назад. Как я писал в „Адаме Смите в Пекине“, Китай кажется все более вероятной альтернативой американскому лидерству в восточноазиатском регионе и за его пределами» (Арриги, 2009. С. 49). Арриги осторожен в своих оценках, он не утверждал, что центр мирового рыночного хозяйства обязательно сместится в Восточную Азию, однако считал это смещение «все более вероятным».

Аналогичный подход, но более категорично и с акцентом на институциональные аспекты, развивает акад. С. Ю. Глазьев: «Происходит переход от имперского к интегральному мирохозяйственному укладу, американский вековой цикл накопления капитала сменяется азиатским... На основе возвышения Китая и Индии формируется ядро нового мирохозяйственного уклада, что влечет реформирование мирового экономического порядка и международных отношений. Об этом же свидетельствует возрождение отвергнутых Вашингтонским консенсусом институтов планирования социально-экономического развития и государственного регулирования основных параметров воспроизводства капитала, промышленной политики, контроля за трансграничными потоками капитала и валютных ограничений» (Глазьев, 2022. С. 95–96).

¹ Краткий обзор работ на эту тему см. в: Балацкий, 2018.

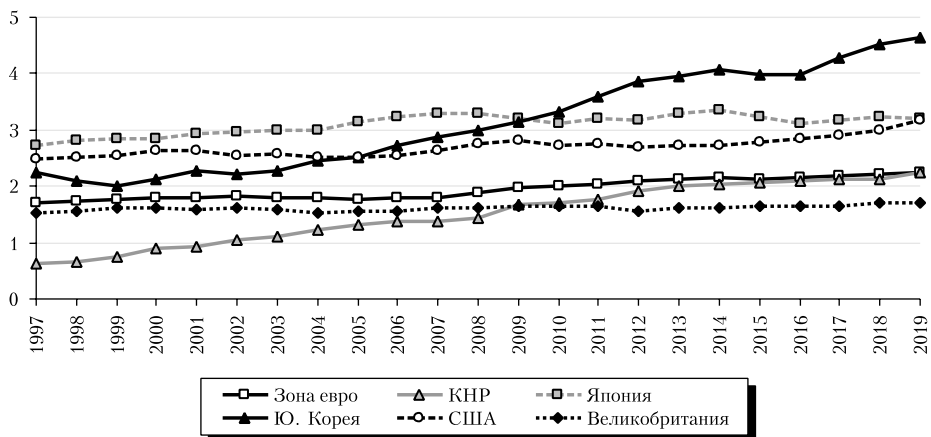
Темпы прироста ВВП в КНР, России и США (в %)



Источник: World Bank data.

Рис. 1

Расходы на исследования и разработки в ряде стран (в % ВВП)



Источник: Всемирный банк (<https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS>).

Рис. 2

Цель настоящей статьи, во-первых, дополнить существующий анализ причин быстрого роста экономики Китая рассмотрением некоторых неисследованных макроэкономических условий, которые ему способствуют. Во-вторых, мы хотим обсудить возможности использовать опыт Китая в российской экономической практике, предусмотрев механизмы устранения рисков при переходе России к такому высокоскоростному режиму.

Начнем наш анализ с дефиниций. В данном случае, во избежание путаницы в определениях двух конкурирующих мирохозяйственных укладов, воспользуемся терминологией С. Г. Кирдиной-Чэндлер, применяемой в разработанной ею теории институциональных X–Y-матриц, и приведем два определения.

Определение 1: будем называть X-экономиками экономики стран, входящих в новый (интегральный, или азиатский) мирохозяйственный

уклад². При подобном определении можно говорить об X-экономиках Китая, Индии, Ю. Кореи, Малайзии, Индонезии, Вьетнама и др.

Определение 2: экономики стран, относящихся к старому (имперскому, или американскому) мирохозяйственному укладу, будем определять как Y-экономики³. К числу таковых относятся экономики США, а также стран — членов ЕС.

Основные теоретические результаты настоящей статьи получены с помощью модели переключающегося режима воспроизводства (ПРВ). Поэтому целесообразно привести краткие сведения о ней. Подробное математическое описание модели вынесено в Приложение.

Краткие сведения о модели ПРВ

Во-первых, имитируемый моделью переключающийся режим воспроизводства — это не абстрактная гипотеза, а объективно существующий в реальной жизни процесс. Поскольку в экономике любой страны основной капитал нефинансового сектора представляет собой разновозрастной агрегат, его обновление (воспроизводство) может происходить только по частям. Процесс обновления со временем переключается с одной части основного капитала на другую и таким образом (через переключения) постепенно охватывает весь основной капитал.

Во-вторых, модель ПРВ в определенной мере родственна классу ортодоксальных моделей OLG, имитирующих особенности поведения поколений индивидуумов. Родственность в том, что как население в модели OLG, так и основной капитал в модели ПРВ в каждый момент времени представляют собой разновозрастные агрегаты, состоящие из молодых, среднего возраста и старших поколений. Молодые поколения индивидуумов в модели OLG ведут себя примерно так же, как менеджеры, управляющие в модели ПРВ молодыми поколениями основного капитала. И те и другие накапливают часть дохода, получаемого от производственной деятельности, в виде сбережений, чтобы со временем первые могли использовать их в качестве пенсий, а вторые — израсходовать на цели обновления основного капитала (Маевский и др., 2016).

Однако на этом сходство моделей заканчивается. В модели ПРВ отсутствуют микроэкономические агенты: фирмы, максимизирующие прибыль, и потребители, максимизирующие полезность своих расходов. Не ставится стандартная оптимизационная задача достижения общего равновесия. Вместо микроэкономических агентов в модели ПРВ действуют разновозрастные макроэкономические подсистемы $\{G_1, G_2, \dots, G_N\}$, где подсистемы $\{G_1, G_2, \dots, G_{N-1}\}$ в году t создают потребительские и прочие неинвестиционные блага, а подсистема G_N , будучи самой старой, в этом же году создает инвестиционные блага и воспроизводит тем самым собственный основной капитал. В рамках модели ПРВ решающее значение придается скоординированному взаимодействию всех макроэкономических подсистем, обеспечивающему устойчивую экономическую динамику при наличии как отрицательных, так и положительных эндогенных обратных связей, и поиску областей устойчивых решений.

В-третьих, в зависимости от решаемых задач модель ПРВ претерпевала определенные изменения. Современная версия ПРВ обладает способностью рассчитывать

² Сама Кирдина не рассматривает X-экономику в связи с новым мирохозяйственным укладом. Это наша гипотеза, основанная на том, что понятие X-экономики, институты которой обеспечивают «обязательное опосредование центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию» (Кирдина, 2014. С. 426), соответствует сути нового мирохозяйственного уклада.

³ Здесь ситуация аналогичная. Согласно Кирдиной, характерным экономическим признаком Y-экономики выступают «институты обменной рыночной экономики» (Кирдина, 2014. С. 426), что, на наш взгляд, является достаточным основанием для соотнесения старого мирохозяйственного уклада с понятием Y-экономики.

темпа роста реального продукта (ВВП) и эндогенную инфляцию, сопровождающую этот темп при разных вариантах эмиссионной деятельности центрального банка (ЦБ) (см.: Маевский и др., 2019а, 2019б). Здесь эта версия дополнена уравнениями, связанными с задачей демпфировать колебательные процессы.

Допущение (а) не критично для нашего анализа. Оно не будет существенно влиять на результаты предстоящих расчетов, если принять, что моделируемая экономика равновесная (в общепринятом смысле) или близка к состоянию равновесия. Такая позиция соответствует представлениям неоклассической школы. Допущение (б) также не критично, но при условии, что оценки объема инвестиций, используемых обновляющейся в году t подсистемой G_N , а также темпа их роста не выходят за пределы статистически обоснованных значений. Наконец, закрытость модели ПРВ (допущение (в)) означает, что используемый в модели показатель ВВП содержит или нулевое экспортно-импортное сальдо, или, что более реалистично, некоторую жестко фиксированную долю этого сальдо в ВВП. Допущение (в) ограничивает анализ экспортно-сырьевой модели российской экономики и возможности ее перехода к высоким темпам роста. Однако в настоящей статье он не проводится, что заметно снижает возможные последствия этого допущения.

Нам предстоит решить две задачи. В рамках первой будет рассмотрена суть механизма экономического роста: процесс финансирования инвестиций в основной капитал в Y -экономике США и X -экономике Китая. Будет показано, что способность второй генерировать более высокие, чем первой, темпы экономического роста связана с различными механизмами финансирования и имеет теоретическое объяснение.

Вторая задача: если денежные власти России примут (разумеется, с определенными коррективами) правила финансирования инвестиций в основной капитал, характерные для X -экономике Китая, то не исключено, что переходный процесс от нынешних низких темпов роста к высоким вызовет сильные колебания как темпов роста ВВП, так и инфляции. Такого рода эксцессы встречаются в реальной жизни (перегрев экономики), они хорошо видны на моделях экономической динамики, в частности на модели ПРВ. В связи с этим важно минимизировать риски переходного процесса за счет демпфирования сильных колебаний.

О двух каналах превращения «первичных» денег в инвестиции в основной капитал

Покажем, что одно из различий между присущими X - и Y -экономикам способами финансирования инвестиций в основной капитал связано с двухканальной системой превращения так называемых «первичных» денег⁴ в инвестиции в основной капитал при посредни-

⁴ Это понятие редко используется в литературе. Оно имеет двоякий смысл. С одной стороны, это протоденьги, древние деньги. Они не имеют отношения к нашей теме. С другой — это деньги, эмиссию которых осуществляют госучреждения, руководящие денежно-кредитной сферой, прежде всего ЦБ (<https://vocabulary.ru/termin/dengi-pervichnye.html>). В качестве первичных он создает не только наличные деньги. Покупая государственные ценные бумаги или иностранную валюту или золото, ЦБ эмитирует безналичные деньги под рост депозитов правительства, последние входят в агрегаты $M1$ и $M2$ и используются для покрытия бюджетных расходов, пополнения внебюджетных фондов, фонда развития промышленности, фонда технологического развития и т. д. Именно эти безналичные деньги — в 2021 г. они составляли 23,5% всех обязательств ЦБ РФ (Банк России, 2022. С. 252) — мы будем рассматривать далее наряду с наличными деньгами в качестве «первичных».

честве бюджетной системы. Схемы функционирования обоих каналов можно представить следующим образом⁵:

Канал № 1: эмитент (ЦБ) → бюджет → рост *государственных* (бюджетных) инвестиций в основной капитал в подсистемах нефинансового сектора;

Канал № 2: эмитент (ЦБ) → бюджет → рост доходов домашних хозяйств («бюджетников») и государства → рост спроса → рост доходов подсистем нефинансового сектора → рост накопления капитала (негосударственных инвестиций в основной капитал) в подсистемах нефинансового сектора⁶.

Как видим, движение денег по каждому каналу происходит сначала по одной цепочке: эмитент (ЦБ) → бюджет. В обоих каналах новые «первичные» деньги появляются или в результате покупки ЦБ (или ФРС) национальных госбумаг, или, как в России, в результате покупки на открытом рынке иностранной валюты⁷. Эти деньги увеличивают депозиты правительства в ЦБ (ФРС), а затем расходуются в соответствии с различными государственными программами.

Различия между каналами возникают на стадии использования бюджетных средств. «Первичные» деньги в рамках бюджета могут быть израсходованы или непосредственно на цели увеличения основного капитала (через формирование государственных инвестиций в него) — так возникает канал № 1, или опосредованно, через рост доходов домашних хозяйств, которые расходуются на цели потребления и тем самым превращаются в доходы подсистем нефинансового сектора. Последние направляются на разные цели, в том числе обеспечивают накопление денежного капитала для увеличения основного, — так возникает канал № 2.

Принципиальная особенность канала № 1 в том, что он действует как нерыночный канал финансирования инвестиций в основной капитал. Деньги, движущиеся по этому каналу, это *государственные инвестиции*, они не ориентированы на реализацию частных интересов или максимизацию прибыли отдельных экономических агентов. Их целесообразность predeterminedлена государственными программами и стоящими за ними общенациональными интересами (например, программами реализации крупных инфраструктурных проектов, повышающими благосостояние всех слоев общества). Наконец, важно, что и инвестором, и проектировщиком, и контролером *государственных инвестиций* в основной капитал выступают правительственные или аффилированные с ними организации (министерства, ведомства, службы). Если следовать теории институциональных X–Y-матриц,

⁵ Впервые вопрос о каналах № 1 и № 2 рассмотрен в: Рубинштейн, 2022.

⁶ В рамках канала № 2 наряду с эмиссией «первичных» денег можно учесть кредитную эмиссию коммерческих банков, направленную на финансирование инвестиций в основной капитал. Модель ПРВ имитирует ее, но в упрощенном виде: темп кредитной эмиссии зависит не от ставки процента (приравнена нулю), а от темпа эмиссии «первичных» денег. В настоящей статье тема кредитной эмиссии не обсуждается.

⁷ Если в 2021 г. доля национальных госбумаг в эмиссии национальной валюты составила 85% в Японии и 95% в США, то в России она была меньше 5%. Остальная часть российской эмиссии опирается на международные источники: экспортную выручку, внешние займы и т. д. (Ершов, 2022).

то канал № 1 и движущиеся по нему государственные инвестиции соответствуют определению институциональной матрицы, характерной для нерыночной, редистрибутивной (термин К. Поланьи) X-экономики.

Иначе действует канал № 2. «Первичные» деньги, движущиеся по нему, превращаются в инвестиции в основной капитал окольным путем. Сначала они образуют доход домашних хозяйств. Эти бюджетные деньги утрачивают свою государственную специфику, когда превращаются в зарплаты, пенсии, пособия пенсионеров, зарплату чиновников, военных и т. д. Далее они расходуются на потребительские цели и превращаются в *негосударственный* доход подсистем нефинансового сектора. Когда они накапливают часть дохода в виде инвестиций, то формируют *негосударственные* инвестиции. Таким образом, канал № 2 представляет негосударственный способ финансирования инвестиций в основной капитал. Данный канал и движущиеся по нему негосударственные инвестиции соответствуют определению Y-экономики и стоящему за ней американскому мирохозяйственному укладу.

Можно считать, что конкурирующие мирохозяйственные уклады, по крайней мере с точки зрения формирования инвестиций в основной капитал, не односторонние социально-экономические структуры, а системы *смешанного* типа⁸. Оба уклада используют правила, присущие X- и Y-экономикам. Только Китай больше использует правила первой, а США — второй⁹. Действительно, в Китае государственная поддержка инвестиционной активности большинства отраслей нефинансового сектора экономики — типичное явление. Напротив, в странах, относящихся к группе Y-экономик, на первый план выходит канал № 2, поскольку значительная часть отраслей нефинансового сектора госинвестиции, как правило, не получает¹⁰. Статистика подтверждает сказанное: в допандемийный период 2012—2018 гг. в Китае доля госинвестиций в валовых инвестициях была в два раза выше, чем в США. По этому показателю Россия ближе к США, чем к КНР (рис. 3).

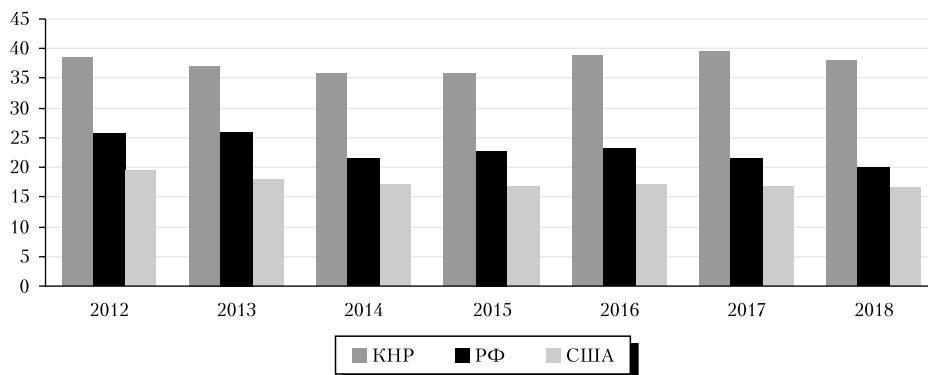
На фоне двух известных крайностей — низких темпов роста СССР при сверхвысокой доле госинвестиций в 1970—1980-е годы и столь же низких темпов роста России при невысокой доле госинвестиций, по крайней мере в 2010-е годы, — 40%-ная доля государственных инвестиций (значит — 60% негосударственных) в X-экономике Китая наводит на мысль, что в современных условиях она оказывается в зоне *оптимальных* значений с точки зрения экономического

⁸ Как пишет Л. Клейн, в реальной жизни «ни одна из систем не функционирует в полном соответствии со своей моделью. На деле каждая из них превращается в смешанную экономическую систему» (Клейн, 1996).

⁹ Это положение — одно из ключевых в теории X- и Y-матриц Кирдиной.

¹⁰ Согласно статистике СНС, госинвестиции в США получают только органы государственного управления, охраны правопорядка, оборона, образование, здравоохранение, соцобеспечение и т. п. Что касается Китая, мы полагаем, что приведенные на рисунке 3 госинвестиции в этой стране оценены иначе (не по статистике СНС), то есть включают все государственные вложения во все отрасли нефинансового сектора.

Доля госинвестиций в Китае, России, США (в %)



Источники: Росстат; National Bureau of Statistics of China; U.S. Bureau of Economic Analysis.

Рис. 3

роста¹¹. По нашему мнению, именно в этой зоне можно обнаружить некоторые преимущества государственного инвестирования (канал № 1) относительно канала № 2, способные отчасти компенсировать инновационные и технологические риски централизованной поддержки инновационного развития, которые приводят к формированию неконкурентоспособной компании/отрасли относительно мировых стандартов и/или лидеров¹².

Какие это преимущества? Во-первых, *эффект лага*, возникающий в связи с тем, что для превращения части бюджетных денег в государственные инвестиции в основной капитал¹³ (канал № 1) требуется значительно меньше времени, чем для окольного маршрута превращения бюджетных денег сначала в доход бюджетников, потом в доход подсистем нефинансового сектора, потом в накопление части их дохода с целью формирования инвестиций в основной капитал. С помощью динамической модели ПРВ установлено, что при одинаковом темпе эмиссии «первичных» денег за счет эффекта лага государственные инвестиции (канал № 1) способны генерировать более высокий темп прироста ВВП и более низкую инфляцию, чем негосударственные, формирующиеся с помощью канала № 2 (табл. 1).

Как видим, эффект лага не столь велик. Только при 15%-ном темпе эмиссии он более или менее значим: преимущество канала № 1 перед каналом № 2 составляет 1,35 п. п. по темпу прироста ВВП (8,0–6,65) и 1,35 п. п. по инфляции (7,83–6,48). Однако это преимущество может возрасти, если учесть, что в экономиках США и Китая разная

¹¹ Естественно, для разных стран оптимальное соотношение государственных и частных инвестиций будет различным, что обусловлено страновой спецификой. Но положительный пример X-экономики Китая с его соотношением 40/60, по нашему мнению, важный ориентир.

¹² В России примером такой компании можно считать «Роснано». Во всяком случае, в конце 2021 г. эта организация находилась на грани банкротства (<https://www.kp.ru/daily/28362.5/4510611/>).

¹³ Эффект лага обусловлен тем, что среднее время задержки первичных денег по каналу № 2 равно половине срока обновления основного капитала.

Т а б л и ц а 1

**Темпы прироста ВВП (в ценах начального периода) и инфляции
при 6%, 10 и 15%-ной эмиссии и движении денег
по каналам № 1 и № 2 (в %)**

Эмиссия	Способ	Темп прироста ВВП	Инфляция	Доля инвестиций в ВВП
6	Канал № 1	3,33	2,58	34,43
6	Канал № 2	2,81	3,11	34,26
10	Канал № 1	5,46	4,31	35,12
10	Канал № 2	4,57	5,20	34,83
15	Канал № 1	8,00	6,48	35,93
15	Канал № 2	6,65	7,83	35,50

Примечание. Расчеты проведены при условии, что $q = 1$, где q – коэффициент, влияющий на распределение денежного потока между инвестициями и потреблением. Если это условие менять, то количественно изменятся результаты расчетов, но преимущество канала № 1 над каналом № 2 сохранится.

Источник: расчеты авторов.

скорость эмиссии. Например, если судить по среднегодовым темпам прироста денежной массы М2, рассчитанным за шестилетние периоды 2008–2014 гг., 2009–2015, 2010–2016 гг. и т. д., то в каждом из них средняя скорость китайской эмиссии была в 2–2,5 раза выше американской (табл. 2)¹⁴.

Т а б л и ц а 2

**Среднегодовые темпы прироста М2
в Китае и США по периодам (в %)**

Начало периода	Конец периода	Китай	США
2008	2014	17,24	6,63
2009	2015	16,60	6,04
2010	2016	14,35	6,65
2011	2017	12,83	6,62
2012	2018	11,52	5,74

Источники: ЦБ РФ; МВФ; ФРС США.

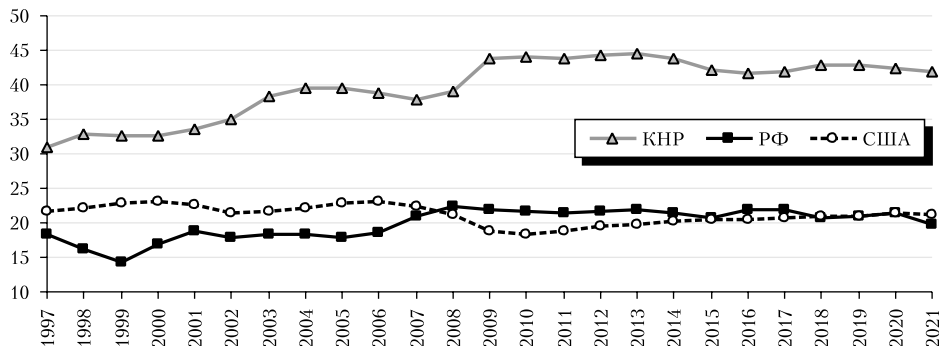
Очевидно, чем больше разрыв в скорости эмиссии, тем выше эффект лага. В экономической литературе на этот нюанс до сих пор не обращали внимания, между тем он выступает одним из факторов опережающего роста экономики Китая относительно США.

Вторым преимуществом государственного инвестирования в основной капитал в странах, действующих по правилам Х-экономик, можно считать их способность к *мобилизации* более крупных инвестиций по отношению к ВВП, чем действующих по правилам Y-экономик. Дело в том, что денежные власти Х-экономик, руководствуясь задачами развития производственной инфраструктуры, новых технологий и т. д., повышают долю «первичных» денег, идущих по каналу № 1, и тем

¹⁴ В статье речь идет об эмиссии «первичных» денег, однако расчет ее темпа вызывает определенные трудности. Поэтому в качестве паллиатива мы используем в расчетах данные об эмиссии денежной массы М2.

самым — норму накопления (Gross fixed capital formation to GDP). В качестве примера приведем ее показатели в Китае, США и России за период 1997–2021 гг. (рис. 4).

Норма накопления в КНР, США и России (в %)



Источник: World Bank data.

Рис. 4

Заметим, что мы рассматриваем норму накопления в КНР в предположении, что инвестиции выступают в роли базового фактора роста: чем больше норма, тем выше темп роста ВВП. Эта связь общепринята в экономической науке. Однако нельзя абстрагироваться от сопряженной связи — эффекта влияния роста на инвестиции. Этот эффект означает, в частности, что периоды активного роста последних обусловлены быстрым увеличением выпуска реального производства, ростом реального кредита, улучшением условий торговли, большим притоком капитала, реформами в области инвестиционного климата и т. д. Он нашел свое отражение в ряде моделей, например в модели Самуэльсона—Хикса, в эконометрической модели, используемой Всемирным банком (World Bank, 2023. Р. 119–120). За счет указанного эффекта в настоящей работе с помощью модели ПРВ мы показываем возможность демпфировать колебания инфляции и ВВП, увеличивая выпуск путем большего использования основного капитала и получая в качестве одного из следствий рост инвестиций (см. ниже).

Кроме того, китайская норма накопления по показателю УЭИ (условный эффект инвестиций: отношение нормы накопления к темпу прироста ВВП¹⁵) более чем в полтора—два раза эффективнее американской и российской (табл. 3)¹⁶.

Высокую, относительно США и России, эффективность инвестиций в Китае Л. Григорьев и Е. Макарова связывают с тем, что сравниваемые страны, если их оценивать по ВВП на душу населения (измеренному по ППС), относятся к разным кластерам: США к первому (самому «богатому»), где ВВП на душу населения не ниже

¹⁵ На наш взгляд, коэффициент УЭИ определен не совсем удачно. Получается, что чем выше УЭИ, тем ниже эффективность инвестиций, и наоборот. Более логично и наглядно определять этот коэффициент как отношение темпа прироста ВВП к норме накопления. В этом случае чем выше коэффициент, тем выше эффективность инвестиций.

¹⁶ И это не случайно: высокая норма накопления в Китае опирается на современную материально-техническую базу. В частности, широко внедряются цифровые технологии, которые составляют ядро новой промышленной системы, где важны не столько ее отдельные элементы, сколько их совместное возникновение в сложных интегрированных технологических образованиях, требующих крупных инвестиций.

Темпы прироста ВВП, нормы накопления и УЭИ в 2010–2017 гг.

Страна	Темп прироста ВВП, %	Норма накопления, %	Условный эффект инвестиций (УЭИ)
Китай	7,9	46,5	5,9
США	2,2	20,1	9,3
Россия	1,8	23,4	12,8

Примечание. Л. Григорьев и Е. Макарова использовали значения “Gross capital formation (% of GDP)” из: World Development Indicators, April 2019, которые немного превышают значения Gross fixed capital formation (% of GDP), использованные нами.

Источник: Григорьев, Макарова, 2019. С. 36.

35,1 тыс. долл.; Россия ко второму, где ВВП на душу населения не ниже 21,1 тыс. долл.; Китай входит в третий (более бедный) кластер, где ВВП на душу населения не ниже 14,0 тыс. долл. Авторы пишут: «Согласно теории, должен наблюдаться восходящий тренд УЭИ от бедных стран к богатым: отдача от капитала уменьшается по мере роста доходов» (Григорьев, Макарова, 2019. С. 38). Так оно и происходит: закон убывающей отдачи капитала действует.

Принимая такое объяснение, мы тем не менее считаем его недостаточным. Низкий уровень китайского УЭИ обусловлен не только тем, что Китай входит в третий кластер. Не меньшее значение имеют высокая норма накопления (46,5% в среднем за период 2010–2017 гг.), а также то, что денежные власти Китая вдвое по сравнению с США (примерно до 38% в среднем за период) увеличили долю государственных инвестиций в основной капитал в общем объеме инвестиций (см. рис. 3).

Высокая доля государственных инвестиций способствовала снижению УЭИ за счет эффекта лага¹⁷, о чем говорилось выше, а также создания дополнительных возможностей для реализации государственных программ развития экономики Китая. Например, крупнейшие компании Китая — ZTE, Huawei и Lenovo — развивались благодаря государственным программам. Именно такие компании служат в настоящее время моторами экономического роста Китая.

Меры по ускорению темпов роста и препятствия на этом пути

Исходя из краткого обзора макроэкономических параметров Китая, можно сформулировать меры по ускорению темпов роста отечественной экономики, а также обсудить некоторые решения экономического блока страны, имеющие отношение к предлагаемым мерам. Во-первых, чтобы повысить российские темпы роста до уровня китайских (сейчас 5–6%), необходимо прежде всего увеличить объем инвестиций в основной капитал, а значит, повысить норму накопления. По нашему мнению, желательно довести ее до 35–38%.

¹⁷ С помощью модели ПРВ установлено, что рассчитанный по данным таблицы 1 УЭИ при увеличении темпа роста эмиссии с 6 до 15% по каналу 1 может снизиться с 10,34 до 4,49, а по каналу 2 — с 12,19 до 5,34.

Однако в ближайшие годы правительство не планирует ничего подобного. Напротив, по Прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. (Минэкономразвития, 2022) предусматривается снижение инвестиций в основной капитал в 2023 г. на 1%. В обоснование этого решения составители прогноза говорят о негативном влиянии «узких мест» в предложении оборудования и комплектующих, а также о том, что постепенно будут сворачиваться крупные экспортноориентированные проекты. Мы не считаем эти аргументы убедительными. В частности, дефицит оборудования и комплектующих, создающий угрозы производству товаров и услуг, должен стимулировать рост инвестиций в основной капитал, а не снижение¹⁸.

Во-вторых, повысить норму накопления можно при постепенном, но неуклонном увеличении примерно в два раза (до 40%) доли государственных инвестиций в основной капитал, что предполагает рост бюджетных инвестиций. Однако и по этому вопросу ситуация неутешительная. Так, в законе «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» доля расходов по разделу «Национальная экономика» в процентах к ВВП последовательно снижается с 3% в 2022 г. до 2,3% в 2023 г., затем до 2,2% в 2024 г. и до 2,1% в 2025 г.¹⁹ Хотя правительство в 2022 г. оказало поддержку авиапрому, автопрому и ряду других отраслей, планируемая на 2023–2025 гг. бюджетная политика, особенно на фоне санкционного давления, обрекает экономику на стагнацию, на борьбу за выживание.

В-третьих, ориентируясь на повышение темпов ВВП до 5–6% в год, следует ускорить примерно в полтора раза среднегодовой (на ближайшие пять лет) темп эмиссии «первичных» денег, причем не за счет дальнейшего увеличения международных резервов, а расширяя выпуск ОФЗ при условии, что покупателем этих облигаций будет не система коммерческих банков (как сейчас), а Банк России. Однако и здесь есть проблема: ЦБ может формально заявить о намерении скупать ОФЗ, но не сделать этого. Вместо него их скупкой под высокий процент (больше 10%) занимаются коммерческие банки (Ершов, 2022). В этом случае ускорение денежной эмиссии в полтора раза — нереальная задача. Но иначе невозможно повысить темпы экономического роста.

В-четвертых, для ускорения темпов роста необходимо не только увеличить норму накопления, долю государственных инвестиций и темп эмиссии, но и активизировать разработку государственных программ развития экономических подсистем, а также программ, реализуемых в режиме государственно-частного партнерства. Требуется система стратегического планирования, способная формировать соответствующие приоритеты, задачи и цели социально-экономической политики и достигать их.

¹⁸ Приведем пример: «Для Superjet не хватает новых американских свечей зажигания, поставки которых прекратились из-за санкций. В перспективе эта проблема может сказаться на интенсивности полетов. Но „Ростех“ обещает российские свечи уже в 2023 году» (РБК. 17.03.2023. <https://www.rbc.ru/business/17/03/2023/6412e2879a7947737ee2be3e>).

¹⁹ Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов».

В настоящее время в стране действует Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», однако его эффективность невелика. Практика показывает, что нынешнее стратегическое планирование ориентировано не на ускорение роста за счет создания высокотехнологичных производств, а на корпоративные интересы экспортеров из ТЭК и других сырьевых комплексов и на связанные с этими интересами задачи финансовой стабилизации. Об этом говорят заниженный курс рубля, завышенные процентные ставки, чрезмерно большой резервный фонд, хотя для перехода к высоким темпам роста нужны сильный рубль, низкая ставка процента и активное использование средств Фонда национального благосостояния²⁰.

Возникает вопрос: что мешает экономическому блоку правительства и Банку России изменить вектор своего стратегического планирования и принять меры по ускорению экономического роста на инновационной основе? В качестве ответа можно назвать сильную заинтересованность бюджета в налоговых поступлениях от топливно-сырьевого комплекса, но мы остановимся на теоретической стороне дела: некоторые концепции и модели, используемые денежными властями России, недостаточно научно проработаны. В частности, можно указать на распространенное в литературе, но слабо обоснованное представление о негативных долгосрочных последствиях, возникающих при попытке перехода экономики к высоким темпам роста.

В статье: Кудрин и др., 2017, говорится о высоких рисках и даже ошибочности предложений о монетарном стимулировании экономического роста в РФ из-за угрозы стагфляции. Авторы утверждают, что предлагаемая сторонниками монетарного стимулирования «программа мер в области денежно-кредитной и валютной политики не позволит достичь поставленных целей, а приведет к макроэкономическим деформациям, нарушит нормальное функционирование валютных и финансовых рынков, вызовет сильный рост инфляции и процентных ставок и создаст риски масштабного кризиса... Показатели экономической активности свидетельствуют, что выпуск в российской экономике близок к своему потенциальному уровню, поэтому монетарная экспансия позволит повысить темпы роста ВВП только в краткосрочной перспективе, а затем наступит стагфляция» (Кудрин и др., 2017. С. 6).

Примерно те же мысли высказала 17 декабря 2022 г. первый зампредела Банка России (ныне — советник председателя ЦБ) К. Юдаева. На конференции «Просветительские дни РЭШ памяти Гура Офера» она заявила: «Если вы хотите в этом году максимально увеличить выпуск, ждите в следующем году рецессию, потому что у вас будут переиспользованы ресурсы, начнется инфляция, начнутся проблемы, и вы упадете в рецессию. В принципе, для долгосрочного развития гораздо более правильно иметь более плавное развитие»²¹.

По нашему мнению, позиция Кудрина и его коллег опирается на известную концепцию не-нейтральности денег в краткосрочном и нейт-

²⁰ На то, что завышенная процентная ставка и чрезмерно заниженный курс рубля заложили основу сырьевой ориентации российской экономики, обращают внимание многие экономисты (например, см.: Ершов, 2022; Широ, 2022).

²¹ <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/639dce069a7947180f9e8fa7>

ральности в долгосрочном периоде. Данная концепция широко распространена в современном мейнстриме: ее поддерживают неокейнсианцы (в частности, Дж. Акерлоф, О. Бланшар, Г. Мэнкью, Л. Саммерс, Б. Бернанке и др.), а также старые и новые монетаристы. В качестве основной причины не-нейтральности денег в краткосрочном периоде они, как правило, апеллируют к номинальной жесткости цен. В долгосрочном периоде жесткость цен исчезает, поэтому деньги становятся нейтральными, то есть их прирост разгоняет инфляцию, но не ускоряет рост ВВП. В связи с этим неудивительно, что Кудрин и его коллеги в качестве результата монетарного стимулирования видят в долгосрочном периоде только стагфляцию, а потому выступают против такого стимулирования.

Но существует и альтернативная точка зрения. Например, Й. Шумпетер отрицал сам факт понятия нейтральности денег в любой форме: «...введение этого понятия заставило искать условия, в которых деньги являются нейтральными. И это в конце концов привело к открытию, что такие условия не могут быть сформулированы, т. е. что не существует такой вещи, как нейтральные деньги или деньги, которые являются простой вуалью, покрывающей реально значимые явления, — интересный случай, когда понятие оказало ценную услугу, показав свою неприменимость» (Шумпетер, 2001. С. 1432–1433).

Дж. М. Кейнс сравнивал «деньги с бодрящим напитком, стимулирующим активность экономической системы», предупреждая, «что кубок может не дойти до рта» (Кейнс, 1978. С. 238), но главное: он поддерживал концепцию не-нейтральности денег как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде. Эту позицию Кейнса четко сформулировал его ученик П. Дэвидсон: «Кейнс считал, что существует несколько характеристик реального мира, которые можно моделировать... Первая из этих характеристик состоит в том, что деньги играют важную роль как в долгосрочном, так и в краткосрочном периоде, т. е. предпочтение денежной ликвидности не нейтрально, оно влияет на принятие реальных решений» (Дэвидсон, 2006. С. 85)²².

Наша позиция была высказана в 2019 г. (Маевский и др., 2019а, 2019б). Суть ее в том, что в долгосрочном периоде деньги могут быть и нейтральными, и не-нейтральными, важно, как распределяется единый денежный поток между инвестиционной деятельностью и производством и потреблением непроектируемых (неинвестиционных) благ. Первая часть денежного потока, превращающаяся в инвестиции в основной капитал, это денежный капитал, который должен приносить доход, а потому он не может быть нейтральным (изменение денежной массы в данном случае влияет на темпы роста ВВП и на инфляцию, а также на занятость). Вторая часть денежного потока, обслуживающая производство и потребление непроектируемых (неинвестиционных) благ, в случае роста нейтральна, то есть способна порождать инфляцию, если этот рост не приводит к задействованию резервных мощностей или не реализуется в инвестиции в основной капитал.

²² Дэвидсон и его коллеги, входящие в «американскую» группу посткейнсианских экономистов (В. Чик, А. Эйхнер, Я. Крегель, Х. Мински, Б. Мур, Дж. Шэкл, С. Вайнтрауб), выступают против концепции нейтральных денег (Дэвидсон, 2006. С. 83).

Данная позиция подкреплена анализом связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом, выполненным с помощью модели ПРВ. В частности, показано, что в ней основным параметром, влияющим на процесс распределения денежного потока, является коэффициент q (см. Приложение). Численное значение этого коэффициента в разных странах различается и зависит от многих факторов, в том числе от институциональных особенностей функционирования экономики. Этот коэффициент важен, потому что управляет нормой потребления: если $q < 1$, то норма потребления уменьшается, норма накопления растет, увеличиваются инвестиции в основной капитал и темп роста ВВП в долгосрочном периоде будет выше темпа инфляции. Если $q > 1$, то норма потребления растет, инвестиции в основной капитал уменьшаются и темп роста ВВП в долгосрочном периоде будет ниже темпа инфляции. Проявление феномена нейтральности денег слабеет, и по мере роста q возникает феномен нейтральности денег.

Российские представители мейнстрима проигнорировали нашу позицию. Старая гипотеза о нейтральности денег в долгосрочном периоде по-прежнему остается истиной в последней инстанции, с которой согласны денежные власти России. Как следствие, они критически относятся к возможности перехода к политике монетарного стимулирования экономического роста, к сближению России с макропоказателями Х-экономики Китая.

О переходном процессе, возникающем при ускорении роста

Решая задачу перехода российской экономики к китайским темпам роста и смягчения колебаний выпуска и цен, возможных в случае резкого ускорения экономического роста, мы выходим на класс динамических задач, связанных с изучением переходных (нестационарных) процессов. Такие процессы типичны для ряда естественнонаучных направлений, например электротехники, химии, биохимии и др. В экономической теории исследования процессов перехода от одних стационарных состояний к другим хотя и проводятся, но не относятся к числу приоритетных. Значительно больше внимания уделяется задачам перехода от неравновесных состояний к равновесным.

Интерес экономистов к стационарности и переходным процессам проявлялся в первой половине XX в. (Блауг, 1994). Затем в связи с резким ростом числа исследований, посвященных проблеме равновесия, данная тема отошла на второй план. О ситуации, сложившейся к настоящему времени, можно судить по тому, что понятия стационарности (stationary process, steady state) отсутствуют в глоссариях ряда известных учебников по экономике (см.: Помер, 2015; Baumol, Blinder, 2011; Фишер и др., 1995). Однако определение «Steady state: A condition in which key variables are not changing» можно найти в: Mankiw, 2016. В России ряд ученых изучают нестационарные (переходные) процессы (см.: Лившиц, Лившиц, 2011; Клейнер и др., 2022; Колемаев, 2005 и др.).

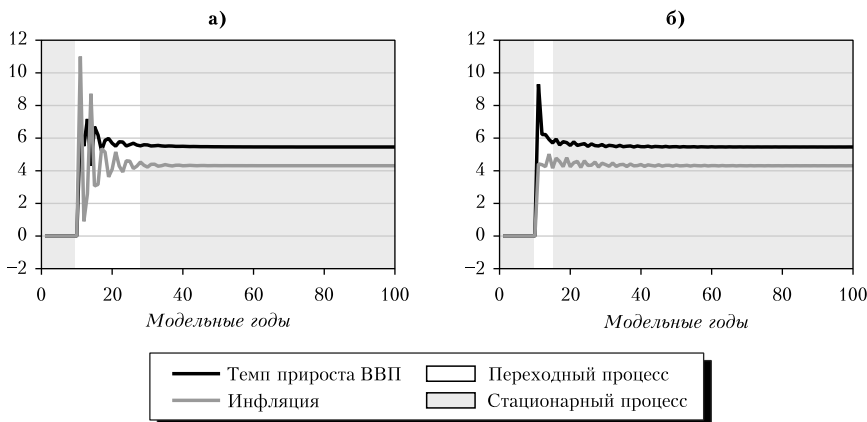
Однако тема стационарности и переходных процессов не менее актуальна, чем тема равновесия, особенно, когда ожидаемые многократные колебания макроэкономических параметров роста и инфляции не только предполагают многократную смену состояний равновесия, но и образуют единый переходный процесс, который, как правило, затухает и со временем приобретает стационарный характер. Исследовать переходный процесс можно в два этапа: сначала в «чистом виде», как процесс,

возникающий, например, по причине роста эмиссии и не подвергающийся управляющим воздействиям со стороны акторов реального сектора и денежных властей; на втором этапе возникает задача управления с целью преодолеть негативные последствия, связанные с этим процессом.

Первый этап (процесс в «чистом виде»). С помощью базовой модели ПРВ (эта модель описывается уравнениями (1)–(7); см. Приложение) рассмотрен случай, когда экономика, функционирующая первые десять лет в условиях простого воспроизводства (стационарный режим: темпы эмиссии, инфляции и прироста ВВП равны нулю), начиная с 11-го года каждый год эмитирует «первичные» деньги темпом 10% в год и направляет их на инвестиции в основной капитал. Согласно модельным расчетам, проведенным при $q = 1$, с 11-го года возникает нестационарный процесс, выражающийся в колебаниях инфляции и темпа прироста ВВП. Со временем (примерно 12–15 лет) колебания угасают, и экономика переходит в новый стационарный режим, отличающийся от старого тем, что теперь она растет постоянным темпом 5,46% вместо 0 и при постоянной инфляции 4,31% вместо 0 (рис. 5а).

Зафиксированные на рисунке 5а колебания уровня инфляции и темпов прироста ВВП обусловлены тем, что базовая модель ПРВ, будучи системой дифференциальных уравнений с переключениями, именно таким образом (через колебания) может описывать процесс адаптации к экзогенным факторам роста (в нашем случае — к темпу эмиссии)²³. При этом траектории колебаний уровня инфляции и темпов прироста ВВП имеют не только математический, но и экономический смысл.

Темпы прироста ВВП и инфляции до (а) и после (б) актов управления переходным процессом от режима простого воспроизводства к экономическому росту (в %)



Примечание. Управление осуществлено автоматически моделью ПРВ (см. Приложение) путем наращивания выпуска продукта с пропорциональным увеличением зарплаты и с целевым уровнем инфляции в течение четырех лет с 11-го по 14-й годы при следующих параметрах: $q = 1$; $h_i = 2/3$; $k_{ni} = 1$.

Источник: построено авторами.

Рис. 5

²³ В равновесных моделях этот режим не улавливается как волатильный и проходящий во времени.

Действительно, при 10%-ной эмиссии «первичных» денег в 11-м году рост производственных мощностей возможен только к началу 12-го года (инвестиционный лаг принят равным году). В течение 11-го года предложение товаров и услуг не возрастает, а спрос увеличивается на 10%. Если в экономике нет резервов, способных мгновенно нарастить предложение, то неизбежен всплеск инфляции. Но именно его улавливает базовая модель ПРВ. В 12-м и 13-м годах инфляция уменьшится за счет прироста мощностей, созданных в 11-м и 12-м годах. Модель ПРВ учитывает такое уменьшение.

Второй этап (управление переходным процессом). Основные проблемы, возникающие при рассматриваемом переходном процессе в его «чистом виде», — продолжительность процесса (12–15 лет) и сильные колебания инфляции в первые 5–8 лет переходного периода. Простейший способ устранить эти проблемы сводится к минимизации или полному отказу от политики ускоренного перехода к высоким темпам роста ВВП и соответственно быстрого сближения с параметрами китайской X-экономики. В этом случае (квазистатическом, сильно растянутом во времени) переходный процесс не возникает или ничтожен по своим последствиям.

Другой путь предполагает управление переходным процессом, которое устраняет его негативные аспекты (продолжительность и сильные колебания инфляции), но сохраняет идею ускорения роста. Именно этот путь представляется нам предпочтительным. Для его реализации базовая модель ПРВ, состоящая из уравнений (1)–(7), была дополнена уравнениями (8)–(11), демпфирующими негативные стороны переходного процесса (см. Приложение).

Заложенный в модель механизм демпфирования — это механизм антиинфляционной политики. С одной стороны, он предполагает обычное таргетирование инфляции в первые годы переходного периода. (Это логично в нашем случае, когда априори известно, что инфляция неизбежна при ускорении темпов роста ВВП и ее надо ограничить.) В модели задается $I_{ц}$ — целевой уровень инфляции, который меньше I_t — ожидаемого уровня инфляции и который должен быть достигнут за счет мер антиинфляционной политики. С другой стороны, особо подчеркнем, что наряду с принятой в России практикой ограничения роста инфляции (повышение ставки процента, сдерживание эмиссии, то есть меры, ведущие к торможению экономического роста) существует принципиально иной опыт в области антиинфляционной политики в Китае. Его особенность в том, что он не приводит к торможению экономического роста, поскольку акцент сделан *не столько на повышении ставок процента или ограничении эмиссии, сколько на мерах по поддержке предложения*²⁴. В расчетах по модели ПРВ мы используем китайский опыт (см. Приложение, уравнения (8)–(11)).

Что же означают меры по поддержке предложения? Если оставить в стороне инвестиции в новый основной капитал (как главный способ поддержки предложения) и сосредоточиться на краткосрочных мерах,

²⁴ Так, аналитик Института комплексных стратегических исследований Д. Плеханов пишет: «Антиинфляционная политика в Китае также проводится совместно центральным банком и правительством. При этом список антиинфляционных мер не ограничивается стандартным набором в виде повышения ставок или введения ценового регулирования, а в большей степени направлен на поддержку предложения» (<https://quote.rbc.ru/news/article/61dc25049a79473eea374eb4>).

особенно необходимых в первые годы переходного процесса, то речь может идти о государственном (преимущественно административном) стимулировании роста выпуска за счет *совокупного действия* трех факторов: использования резервных мощностей, повышения эффективности действующих мощностей, использования товарных запасов²⁵.

В модели ПРВ управление переходным процессом сводится к удержанию инфляции на целевом уровне $I_{ц}$ при условии, что совокупное действие трех факторов должно обеспечить новый выпуск \hat{Y} в течение всего периода такого удержания (см. формулу (9) Приложения). Если это условие выполняется, то можно сказать, что переходный процесс, изображенный на рисунке 5а, подвергся управляющему воздействию. Его суть: на протяжении четырех лет, с 11-го по 14-й год, устанавливается целевой уровень инфляции $I_{ц} = 1,0431$; далее сама модель ПРВ под этот уровень $I_{ц}$ рассчитывает дополнительный прирост выпуска. По годам он равен: 11-й год — 6,41%; 12-й год — 2,10; 13-й год — 0,11; 14-й год — 0,96%. Одновременно модель формирует новый вид переходного процесса. Он становится таким, как показано на рисунке 5б.

Статистические оценки переходных процессов, изображенных на рисунке 5, свидетельствуют, что процесс сохраняется, но меняет свой вид. Так, среднеквадратичное отклонение по инфляции на интервале 11–21-го годов уменьшилось на рисунке 5б на порядок — с 0,0273 до 0,0026, однако по темпу роста ВВП немного возросло — с 0,0075 до 0,01: вырос ВВП в 11-м году, что вызвано необходимостью сгладить скачки инфляции.

Отметим, что модель ПРВ способна управлять нестационарными процессами, возникающими не только при переходе от простого воспроизводства к экономическому росту, но и при переходе от одной его скорости к более высокой, например с темпа прироста ВВП 2,8% к желательному для России темпу 5,6%. При этом процедура демпфирования дает те же результаты, что на рисунке 5б (рис. 6).

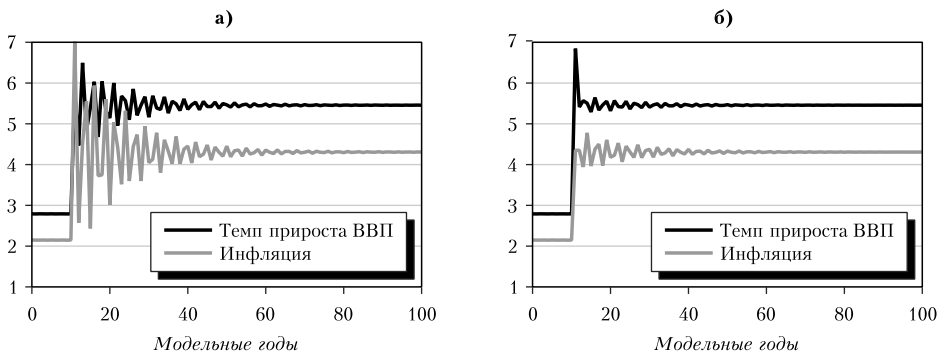
На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

— переходные процессы, связанные с изменением макроэкономической политики, полностью устранить нельзя, но ими можно управлять. За счет резервов мощностей, товарных запасов и других средств поддержки предложения можно устранить инфляционные шоки и уменьшить длительность переходного процесса. Именно это показано на рисунках 5б и 6б;

— расчеты, проведенные с помощью модели ПРВ, позволяют «увидеть» переходный процесс в развитии. Появляется возможность «подсказать», каким образом его можно пройти без резких колебаний макроэкономических параметров, что важно в случае перехода к ускорению экономического роста в России.

²⁵ Китай располагает большими товарными запасами. «Данные Министерства сельского хозяйства США показывают, что в Китае после сбора урожая на первую половину 2022 года было сосредоточено примерно 69% мировых запасов кукурузы, 60% риса и 51% пшеницы. Центральные планирующие органы КНР потратили 98,1 миллиарда долларов на импорт продуктов питания в 2020 году, что в 4,6 раза больше, чем десятилетием ранее, по данным Главного таможенного управления Китая. По оценке Nikkei Asia, за последние пять лет импорт сои, кукурузы и пшеницы в Китай вырос в два–двенадцать раз за счет активных закупок в США, в Бразилии и у других стран-поставщиков. Импорт говядины, свинины, молочных продуктов и фруктов вырос в два–пять раз» (Politinform.su. 05.01.2022. <https://politinform.su/142917-kitaj-skupil-do-70-planetarnyh-zapasov-edy-zachem.html>).

Темпы прироста ВВП и инфляции без (а) и после (б) актов управления переходным процессом от низких темпов прироста к более высоким (в %)



Источник: построено авторами.

Рис. 6

Заключение

Последние четыре десятилетия X-экономика Китая заметно опережает Y-экономику США по темпам роста ВВП, догоняет по инновационной активности, все сильнее влияет на структуру мировых финансов. Причин этого успеха несколько.

Во-первых, это эффект лага, суть которого в следующем: если США значительную часть бюджетных ресурсов направляют на цели воспроизводства основного капитала окольным путем (через рост доходов различных категорий «бюджетников», которые затем превращаются в доходы производственных подсистем, последние накапливают часть доходов в виде инвестиций, а потом расходуют их на те или иные проекты), то в китайской экономике активнее используют прямое финансирование инвестиций в основной капитал, что позволяет Китаю опережать США в скорости использования инвестиционных средств. На эффект лага обычно не обращают внимания, однако расчеты, проведенные на условном примере по модели ПРВ, показали, что данный эффект дает преимущества инвестиционному каналу № 1, который использует Китай, как в скорости роста ВВП, так и в плане более низкой инфляции.

Во-вторых, преимуществом Китая в деле инвестирования в основной капитал можно считать его способность *мобилизовать* более крупные инвестиции по отношению к ВВП, чем в США. Дело в том, что в Китае денежные власти, руководствуясь задачами развития производственной инфраструктуры, новых технологий и т. д., повышают в общем объеме бюджетных ресурсов долю «первичных» денег (бюджетных ресурсов), идущих на цели прямого финансирования инвестиций в основной капитал. Как следствие, норма накопления в Китае примерно в два раза выше, чем в США.

В-третьих, высокие темпы роста китайского ВВП поддерживаются более высоким, чем в США, темпом роста «первичных» денег, эмитируемых Народным банком Китая.

Обращаясь к официальному Прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг., а также к закону «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов», видим, что заметного движения России в сторону макроэкономических параметров Китая в ближайшие годы не предвидится. Основная причина: в процессе принятия решений до сих пор господствует ориентация на потребности экспортно-сырьевой экономики, что не способствует ускорению экономического роста.

Мы рассмотрели еще одну причину: недостаточную научную проработку концепций и моделей, используемых денежными властями. Это касается проблемы не-нейтральности денег в долгосрочном периоде. Денежные власти, опираясь на взгляды представителей ряда научных школ, полагают, что в длительном периоде деньги нейтральны, поэтому скептически относятся к долгосрочной политике монетарного стимулирования экономического роста.

По нашему мнению, в долгосрочном периоде деньги могут быть и нейтральными, и не-нейтральными, важно, как распределяется единый денежный поток между инвестиционной деятельностью и производством и потреблением непроектируемых (неинвестиционных) благ. К сожалению, старая гипотеза о нейтральности денег в долгосрочном периоде остается истиной в последней инстанции, которая устраивает сторонников Y-экономики, но мешает ее оппонентам развернуть Россию в сторону X-экономики Китая.

Кроме того, недостаточно разработана макроэкономическая теория переходных процессов. Она может быть полезной при оценке волатильности и продолжительности переходных процессов, возникающих при резком ускорении темпа роста ВВП. В настоящей статье с помощью модели ПРВ эта проблема частично решена: показаны нестационарные траектории темпов роста ВВП и инфляции в случае перехода от нулевых темпов роста простого воспроизводства к темпам роста, возникающим при эмиссии 10% в год, а также способы минимизировать длительность переходного процесса и смягчить социальную напряженность. Полученный результат не только в значительной мере снимает проблему неопределенности переходного процесса, но и позволяет управлять им. Но для перехода к ускорению темпов экономического роста в России требуются политическая воля и стратегическое планирование.

Отметим, что все результаты настоящей статьи получены на основе модели ПРВ, построенной при весьма жестких допущениях (применен закон Сэя, моделируемая экономика закрытая и т. д.). Поэтому мы осознаем потребность в более широких исследованиях, оценивающих последствия наших предложений при смягчении ограничений и с учетом уникальных условий российской экономики.

Список литературы / References

- Арриги Дж. (2009). Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. № 1. С. 34–50. [Arrighi G. (2009). Afterword to the 2nd edition of “The long twentieth century: Money, power and the origins of our times”. *Prognosis*, No. 1, pp. 34–50. (In Russian).]

- Балацкий Е. (2018). Концепция циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения // *Terra Economicus*. Т. 16, № 1. С. 37–55. [Balatsky E. (2018). The Arrighi's concept of capital accumulation cycles and its applications. *Terra Economicus*, Vol. 16, No. 1, pp. 37–55. (In Russian).]
- Банк России (2022). Годовой отчет 2021. Москва. [Bank of Russia (2022). *Annual report 2021*. Moscow. (In Russian).]
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. 4-е изд. М.: Дело. [Blaug M. (1994). *Economic theory in retrospect*. 4th ed. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Глазьев С. Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // *AlterEconomics*. Т. 19, № 1. С. 93–115. [Glazyev S. Y. (2022). Global transformations from the perspective of technological and economic world orders change. *AlterEconomics*, Vol. 19, No. 1, pp. 93–115. (In Russian).] <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6>
- Григорьев Л. М., Макарова Е. А. (2019). Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии // *Вопросы экономики*. № 12. С. 24–46. [Grigoryev L. M., Makarova E. A. (2019). Capital accumulation and economic growth after the Great Recession. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 24–46. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-24-46>
- Дэвидсон П. (2006). Посткейнсианская школа в макроэкономической теории // *Вопросы экономики*. № 8. С. 82–101. [Davidson P. (2006). The Post Keynesian school. *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 82–101. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2006-8-82-101>
- Ершов М. В. (2022). Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов // *Вопросы экономики*. № 12. С. 5–23. [Ershov M. V. (2022). Russian economy in the face of new sanctions challenges. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 5–23. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-12-5-23>
- Кейнс Дж. М. (1978). Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс. [Keynes J. M. (1978). *The general theory of employment, interest and money*. Moscow: Progress. (In Russian).]
- Кирдина С. (2014). Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y-теорию. М.; СПб.: Нестор-История. [Kirdina S. (2014). *Institutional matrices and the development of Russia: An introduction to X–Y theory*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).]
- Клейн Л. (1996). О переходе к рыночной экономике // *Деньги и кредит*. № 5. С. 36–37. [Klein L. (1996). On transition to a market economy. *Dengi i Kredit*, No. 5, pp. 36–37. (In Russian).]
- Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А., Карпинская В. А., Жданов Д. А. (2022). Мезоэкономика социально-экономических экосистем // Клейнер Г. Б. (ред.). Мезоэкономика России: стратегия разбега. ЦЭМИ РАН. М.: Научная библиотека. С. 314–356. [Kleiner G. B., Rybachuk M. A., Karpinskaya V. A., Zhdanov D. A. (2022). Meso-economics of socio-economic ecosystems. In: G. B. Kleiner (ed.). *Meso-economics of Russia: Take-off strategy*. Moscow: Nauchnaya Biblioteka, pp. 314–356. (In Russian).]
- Колемаев В. А. (2005). Экономико-математическое моделирование. Моделирование макроэкономических процессов и систем. М.: ЮНИТИ-ДАНА. [Kolemaev V. A. (2005). *Economic and mathematical modeling. Modeling of macroeconomic processes and systems*. Moscow: YUNITI-DANA. (In Russian).]
- Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. (2017). Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // *Вопросы экономики*. № 5. С. 5–28. [Kudrin A., Goryunov E., Trunin P. (2017). Stimulating monetary policy: Myths and reality. *Voprosy Ekonomiki*, No. 5, pp. 5–28. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-5-5-28>
- Лившиц В. Н., Лившиц С. В. (2011). Системный анализ нестационарной экономики России (1992–2010): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: Маросейка. [Livshits V. N., Livshits S. V. (2011). *System analysis of the non-stationary economy of Russia (1992–2010): Market reforms, crisis, investment policy*. Moscow: Maroseika. (In Russian).]

- Маевский В., Малков С., Рубинштейн А. (2016). Теория перекрывающихся поколений основного капитала // Вестник Российской академии наук. Т. 86, № 1. С. 56–65. [Mayevsky V., Malkov S., Rubinstein A. (2016). A theory of overlapping generations of fixed capital. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 86, No. 1, pp. 39–47.] <https://doi.org/10.1134/S1019331616010019>
- Маевский В. И., Малков С. Ю., Рубинштейн А. А. (2019а). Анализ связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом с помощью модели переключающегося режима воспроизводства // Вопросы экономики. № 8. С. 45–66. [Mayevsky V. I., Malkov S. Y., Rubinstein A. A. (2019a). Analysis of the relationship between issuing money, inflation and economic growth with the help of the SMR-model. *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 45–66. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-8-45-66>
- Маевский В., Малков С., Рубинштейн А., Красильникова Е. (2019б). Об одном направлении развития мезоэкономической теории // Журнал институциональных исследований. Т. 11, № 3. С. 21–38. [Mayevsky V., Malkov S., Rubinstein A., Krasilnikova E. (2019b). On one direction of development of the mesoeconomics. *Journal of Institutional Studies*, Vol. 11, No. 3, pp. 21–38. (In Russian).] <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.021-038>
- Минэкономразвития (2022). Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. Москва, 28 сентября. [RF Ministry of Economic Development (2022). *Forecast of the socio-economic development of the Russian Federation for 2023 and for the planned period of 2024 and 2025*. Moscow, September 28. (In Russian).]
- Ромер Д. (2015). Высшая макроэкономика. М.: Изд. дом ВШЭ. [Romer D. (2015). *Advanced macroeconomics*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Рубинштейн А. (2022). Не-нейтральность денег в контексте синтеза институциональной теории и теории воспроизводства // Вестник Института экономики РАН. № 5. С. 7–22. [Rubinstein A. (2022). Non-neutrality of money in the context of the synthesis of institutional and reproduction theory. *Vestnik Instituta Ekonomiki RAN*, No. 5, pp. 7–22. (In Russian).]
- Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. (1995). Экономика. М.: Дело. [Fischer S., Dornbusch R., Schmalensee R. (1995). *Economics*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Широв А. (ред.) (2022). Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз (Научный доклад ИНИ РАН). М.: Артис Принт. [Shirov A. A. (ed.) (2022). *Potential growth opportunities for the Russian economy: Analysis and forecast* (IEF Scientific report). Moscow: Artic Print. (In Russian).]
- Шумпетер Й. (2001). История экономического анализа. Т. 3. СПб.: Экономическая школа. [Schumpeter J. (2001). *History of economic analysis*, Vol. 3. St. Petersburg: Ekonomicheskaya Shkola. (In Russian).]
- Baumol W. J., Blinder A. S. (2011). *Economics: Principles and policy*. Mason, OH: South-Western Cengage Learning.
- Mankiw N. (2016). *Macroeconomics*. New York: Worth Publishers.
- World Bank (2023). *Global economic prospects*, January. Washington, DC.

Приложение

Версия модели ПРВ, адаптированная к задаче демпфирования колебательных процессов

В математическом плане модель ПРВ представляет собой систему дифференциальных и алгебраических уравнений, с помощью которых, с одной стороны, имитируются динамика и обращение денежных средств домашних хозяйств и денежного капитала макроэкономических подсистем, обозначаемых соответственно M_{ni} и M_{yi} , где $i = 1, \dots, N$. Это сделано с помощью выражений для скорости их изменения (приращения количества денежных средств за единицу времени с учетом проводимой

государством и ЦБ бюджетной и денежной политики). За единицу времени τ в модели принят один месяц, поэтому экономические параметры в уравнениях модели имеют месячное измерение (зарплата за месяц, производство продукции за месяц и т. д.).

С другой стороны, в базовой модели рассчитывается динамика продуктов подсистем Y_i . Продукт каждой подсистемы составляет часть ВВП, а сумма продуктов всех подсистем равна ВВП экономики в целом. Динамика Y_i зависит от прироста основного капитала i -й подсистемы и от его эффективности. В свою очередь, прирост основного капитала каждой подсистемы обусловлен величиной ее прибыли и объемом заемных и привлеченных средств. Продукты Y_i в базовой модели задаются как измеренные в постоянных ценах (базового года).

При сопоставлении динамики денежных средств M_{H_i} и M_{Y_i} и продуктов Y_i , измеренных в постоянных ценах, появляется возможность учитывать процессы инфляции или дефляции. Поскольку модель позволяет в явном виде вычислять (и, при определенных условиях, прогнозировать) динамику уровня цен, то становится возможным влиять на нее мерами бюджетной, денежной и промышленной политики (в том числе используя имеющиеся запасы производственных мощностей).

Переменные модели:

Y_i — месячный выпуск продукции подсистемы G_i в ценах базового года (величина Y_i изменяется ступенчато после обновления основного капитала);

M_{Y_i} — накопления денежных средств подсистемы G_i ;

ΔM_{Y_i} — государственные субсидии²⁶ подсистемам G_i ;

M_{H_i} — текущие денежные средства домашних хозяйств (\hat{M}_{H_i} — те же средства в начале месяца);

ΔM_{H_i} — субсидии домашним хозяйствам.

Коэффициенты модели:

k_{H_i} — доля денежных средств, расходуемых в месяц на покупки потребительских благ;

h_i — коэффициент, отражающий соотношение доходов i -го домашнего хозяйства и стоимости произведенного продукта Y_i в условиях простого воспроизводства;

ω — коэффициент индексации доходов домашних хозяйств (изменяется ступенчато в январе текущего года и остается неизменным в течение года);

k_{sY} — коэффициент налогообложения подсистем G_i ;

k_{sH} — коэффициент налогообложения домашних хозяйств;

$\delta(t - k\tau)$ — дельта-функция; выражение $M \times \delta(t - k\tau)$ означает импульсное увеличение количества денег на сумму M в моменты времени $k\tau$.

Уравнения базовой модели с учетом инфляционных процессов²⁷.

А. Уравнения динамики денежных средств подсистем G_i (i принимает значения от 1 до $N-1$, N — число подсистем). В расчетах по модели принято $N = 3$, выпускающих в течение года (t_0 ; t_1) потребительские товары.

1. Динамика накоплений денежных средств подсистемы G_i внутри периода (t_0 ; t_1):

$$\frac{dM_{Y_i}}{dt} = \sum_{j=1}^N k_{H_j} \frac{\hat{M}_{H_j}}{\tau} \left(\frac{Y_i}{\sum_{j=1}^{N-1} Y_j} \right) (1 - k_{sY}) - \omega h_i Y_i \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau) + \Delta M_{Y_i} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau), \quad (1)$$

где: первый член в правой части уравнения — денежные доходы подсистемы G_i в результате продажи на рынке произведенной ею продукции; второй член — денежные средства, поступающие из подсистемы G_i в домашнее хозяйство H_i ; третий член — денежная эмиссия (происходит в начале каждого месяца).

²⁶ Источником субсидий могут быть собираемые налоги и эмиссия.

²⁷ Подробное описание базовой модели (1)–(7) см. в: Маевский и др., 2019а.

Коэффициент индексации доходов домашних хозяйств w зависит от инфляционных процессов и вычисляется по отношению к базовому году. В рамках модели принято следующее выражение для w :

$$w = qP_{t-1}, \quad (2)$$

где: P_{t-1} — уровень цен (дефлятор) предыдущего года; q — коэффициент, регулирующий распределение денежных потоков между инвестированием в основной капитал и прочими (неинвестиционными) процессами.

2. Динамика M_{H_i} — денежных средств домашних хозяйств H_i :

$$\frac{dM_{H_i}}{dt} = wh_i Y_i (1 - k_{sh}) \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau) - \frac{k_{H_i} \hat{M}_{H_i}}{\tau} + \Delta M_{H_i} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau), \quad (3)$$

где: первый и третий члены в правой части уравнения — доходы домашнего хозяйства H_i с учетом субсидий и налогов (денежные доходы поступают в домашние хозяйства в начале каждого месяца); второй член — текущие расходы на покупки потребительских товаров.

3. Динамика уровня цен на потребительскую продукцию в год t :

$$P_t = \left[\frac{\sum_{j=1}^N k_{H_j} \frac{\hat{M}_{H_j}}{\tau}}{\sum_{j=1}^{N-1} Y_j} \right]. \quad (4)$$

При определении динамики уровня цен в базовой модели считается, что домашние хозяйства покупают все произведенные товары (закон Сэя).

Б. Уравнения для подсистемы G_N , обновляющей в период $(t_0; t_1)$ основной капитал.

4. Динамика расходования M_{Y_N} — средств G_N -ой подсистемы:

$$\frac{dM_{Y_N}}{dt} = - \frac{\hat{M}_{Y_N}}{12} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau) + \Delta M_{Y_N} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t - k\tau), \quad (5)$$

где: \hat{M}_{Y_N} — средства G_N -ой подсистемы, накопленные ею к началу периода обновления; первый член в правой части уравнения — денежные средства, поступающие из подсистемы G_N в домашнее хозяйство H_N (выплаты производятся в начале очередного месяца). Принято, что подсистема G_N в течение годового периода $(t_0; t_1)$ расходует накопленные в предыдущие $N - 1$ лет средства на обновление основного капитала (идут на выплату зарплат работникам H_N , участвующим в его обновлении). Величина обновленного подсистемой G_N основного капитала в постоянных ценах базового года определяется в рамках модели по формуле:

$$Y_N = \frac{W_N}{h_N P_t} = \frac{\hat{M}_{Y_N}}{h_N P_t}, \quad (6)$$

где W_N — годовой фонд номинальной зарплаты (все накопленные средства подсистема G_N тратит на зарплату, выплачиваемую при обновлении основного капитала)²⁸. В следующие несколько лет (до очередного обновления основного капитала) величина Y_N будет соответствовать объему продукции (в постоянных ценах базового года), производимой данной подсистемой на потребительский рынок.

²⁸ Формула (6) справедлива при условии пропорциональной отдачи, то есть когда производимый основной капитал Y_N пропорционален выплачиваемой зарплате W_N . Выражение для Y_N в случае убывающей отдачи, связанной с наличием различных ресурсных и технологических проблем при расширении объемов производства, приведено в: Маевский и др., 2019а. С. 65.

5. Динамика M_{H_N} — денежных средств домашнего хозяйства H_N :

$$\frac{dM_{H_N}}{dt} = -\frac{\hat{M}_{Y_N}}{12}(1-k_{SH}) \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t-k\tau) - \frac{k_{H_N} \hat{M}_{H_N}}{\tau} + \Delta M_{H_N} \sum_{k=0}^{\infty} \delta(t-k\tau), \quad (7)$$

где: первый и третий члены в правой части уравнения — доходы домашнего хозяйства H_N с учетом субсидий и налогов (денежные доходы поступают в домашние хозяйства в начале каждого месяца); второй член — текущие расходы на покупки потребительских товаров.

Уравнения (1)–(7) описывают динамику экономической системы в течение годового периода $(t_0; t_1)$, когда подсистема G_N обновляет свой основной капитал. В следующий годовой период $(t_1; t_2)$ подсистема G_N начинает выпускать потребительские товары, а подсистема G_{N-1} начинает обновлять свои изношенные основные фонды. Таким образом, подсистема G_N в период $(t_1; t_2)$ занимает место подсистемы G_1 , подсистема G_1 — место подсистемы G_2 , подсистема G_2 — место подсистемы $G_3...$, подсистема G_{N-1} — место подсистемы G_N , и расчеты проводятся снова для следующего временного периода $(t_1; t_2)$. И так далее для периодов $(t_2; t_3)$, $(t_3; t_4)$, ..., $(t_n; t_{n+1})$. Таким образом, N характеризует средний срок службы основного капитала.

Дополнительные уравнения, демпфирующие переходные процессы

При резких изменениях финансово-экономической политики возникают переходные процессы, приводящие к повышенной волатильности параметров социально-экономической системы. В модели ПРВ это выражается в том, что переменные модели входят в колебательный режим (см. рис. 5а). Выше было отмечено, что эти колебания в значительной мере могут быть демпфированы с помощью резервных мощностей или других мер, приводящих к росту выпускаемой на рынок продукции при пропорциональном росте оплаты труда. На модели ПРВ мы апробировали вариант автоматического демпфирования колебаний при заданной целевой инфляции²⁹.

Алгоритм демпфирования состоит в следующем: зная на начало года величину ежемесячного выпуска продукции, денежные средства домохозяйств и величину годовой эмиссии, по формуле (4) можно рассчитать дефлятор предстоящего года. Далее из обычной формулы расчета инфляции через дефляторы:

$$I_t = \frac{P_t}{P_{t-1}}, \quad (8)$$

где I_t — годовая инфляция при отсутствии управления переходным процессом, можно определить необходимую для выхода на целевой уровень инфляции величину выпуска продукции:

$$\hat{Y} = \frac{I_t}{I_{ц}} \sum_{j=1}^{N-1} Y_j, \quad (9)$$

где: \hat{Y} — величина необходимого выпуска продукции; $I_{ц}$ — целевой уровень инфляции.

Из предыдущей формулы можно определить коэффициент, на который надо увеличить выпуск каждой работающей на рынок подсистемы для достижения целевого уровня инфляции:

$$k = \frac{\hat{Y}}{\sum_{j=1}^{N-1} Y_j} = \frac{I_t}{I_{ц}}, \quad (10)$$

²⁹ Отметим, что данный вариант — лишь один из способов демпфирования переходных процессов, основанный на мерах поддержки предложения с использованием государственного стимулирования (см. выше). Различные варианты демпфирования будут подробнее рассмотрены в нашей следующей публикации.

после чего в расчете модели использовались новые значения выпуска продукта работающих на рынок подсистем ($j = 1 \dots N - 1$):

$$\tilde{Y}_j = kY_j. \quad (11)$$

В соответствии с уравнением (1) пропорционально \tilde{Y}_j увеличится величина денежных средств (зарботной платы), поступающих из подсистем, работающих на рынок, в соответствующие домашние хозяйства.

Эксперимент показал, что для успешного демпфирования колебаний достаточно выдержать целевой уровень инфляции $I_{ц}$ в течение от 1 до 4 лет с начала переходного периода (см. рис. 5б).

Macroeconomic conditions of Russia's transition to high growth rates: China's experience

Vladimir I. Mayevsky, Sergey Y. Malkov, Alexander A. Rubinstein*

Authors affiliation: Institute of Economics, RAS (Moscow, Russia).

*Corresponding author, email: rubinstein.alexander@gmail.com

Taking China's economy as an example, some macroeconomic characteristics of the new economic world order, which ensure GDP growth rate ahead of the US, acceleration of innovation activity and growing influence on the structure of global finances are considered. Attention is drawn to the little-studied effect generated by the difference in financing fixed capital investment: while in China the direct use of budgetary resources for that purpose plays a major role, in the United States the indirect use of similar resources dominates. As a result, there is a lag effect, which allows China (given equal rates of the issue of money) generate a higher growth rate and lower inflation. It is shown that in Russia in 2023–2025 no changes towards China's macroeconomic characteristics are expected. One reason lies in selective attitude of monetary authorities to the economic theory. First, the hypothesis of the neutrality of money in the long term still prevails. With the help of the shifting mode of reproduction model it is shown that this hypothesis is incorrect: in the long run, money can be both neutral and non-neutral, what matters is how a single cash flow is distributed between investment activities and the production and consumption of non-productive goods. Therefore, the possibility of switching to a policy of monetary stimulation of economic growth is ignored. Second, the macroeconomic theory of managing the transitional processes arising from a sharp acceleration in the rate of GDP is insufficiently developed. Calculations of nonstationary trajectories of GDP rates and inflation have been made, as well as ways to minimize the duration of the transition process and to mitigate inflationary fluctuations have been developed. This largely removes the problem of uncertainty in the transition process, and also makes it possible to control it. As a result, it is possible to transit to accelerated economic growth in Russia.

Keywords: economic world order, investments in fixed assets, shifting mode of reproduction model, strategic planning.

JEL: B52, C02, C54, E19, E21, E22, E23.

Экономика окружающей среды

Сравнительный анализ декарбонизации экономики Сибири и Скандинавии: цена, стоимость и ценность энергии*

Н. В. Горбачева^{1,2}

¹ *Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)*

² *Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
(Новосибирск, Россия)*

Изменение климата и деградация окружающей среды — глобальные проблемы, эффективность решения которых зависит от степени декарбонизации экономики отдельных стран и регионов. Сибирь и Скандинавия обладают схожими природными, климатическими, экономическими и энергетическими характеристиками: природные ареалы, наличие традиционных и возобновляемых источников энергии, численность населения и уровень его образования, структура рабочей силы, промышленный потенциал, степень урбанизации и др. В этих мегарегионах применяют различные модели декарбонизации. Низкоуглеродное развитие Сибири предполагает уравнивание совокупной эмиссии парниковых газов за счет как сокращения выбросов, так и увеличения поглощения CO₂ в достижении углеродной нейтральности к 2060 г. В Скандинавии достижение «чистых» нулевых выбросов к 2050 г. подразумевает компенсацию только остаточной эмиссии парниковых газов за счет надежных и долгосрочных способов изъятия и секвестрации CO₂-экв. Различия объясняются ценовыми, стоимостными и ценностными характеристиками энергетического сектора как главного эмитента в обоих мегарегионах. В Сибири делают акцент на эволюционном постепенном энергопереходе от угля к природному газу, поскольку углеводороды дешевы, доступны, их стоимость подкрепляется господдержкой и модернизационной активностью энергокомпаний, стремящихся обеспечить безопасность, стабильность и повысить рентабельность. Скандинавия отдает предпочтение радикальной электрификации экономики на основе ВИЭ, что обусловлено не только снижением их цены, но и ростом стоимости за счет их

*Горбачева Наталья Викторовна (nata_lis@mail.ru), к. э. н., с. н. с. ИЭОПП
СО РАН, доцент СИУ–РАНХиГС (Новосибирск).*

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 22-28-20308.

<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-124-148>
© НП «Вопросы экономики», 2023

продуктивного использования инновационными энергокомпаниями и активным государством в целях достижения общего блага.

Ключевые слова: изменение климата, декарбонизация, энергетика, углеводороды, ВИЭ, Сибирь, Скандинавия.

JEL: A13, D46, P52, Q42, Q54.

Введение

Климат и окружающая среда соотносятся с естественными контурами, связанными единым природным пространством и социальным временем, а не со страновыми и административными границами, политическим делением и экономическим районированием. Текущие ресурсные, технологические, человеческие потоки, от которых во многом зависит эффективность решения проблем изменения климата и экологии, аккумулируются в рамках «региональных хабов», образуя во многом самодостаточные, конкурентоспособные конгломераты территориальных образований (O’Neil, 2022).

Сибирь и Скандинавия обладают схожими природными, климатическими, экономическими и энергетическими характеристиками, но в них применяют разные модели декарбонизации. Оба мегарегиона прошли схожий путь энергетического развития: угольный бум в Кузбассе и Дании при переходе от аграрной к индустриальной экономике в 1920–1930-х годах, строительство крупных ГЭС в Красноярском крае, Иркутской области и в Швеции в 1960–1970-е годы, открытие месторождений нефти в Тюмени и Норвегии в 1970–1980-е годы. Но затем траектории энергетического развития расходятся: в Сибири уголь до сих пор обеспечивает 36% выработки электроэнергии, а Скандинавия совершила радикальный «углеводородный отказ», при этом Швеции понадобилось 28 лет (1980–2008), чтобы перейти от 90%-ной зависимости от нефти к 90% генерации электроэнергии на основе ВИЭ (с учетом ГЭС и АЭС); Дании — 28 лет (1990–2018) для сокращения доли угля с 90 до 14% в электроэнергетике. Оба мегарегиона богаты возобновляемыми источниками энергии, причем Сибирь намного превосходит Скандинавию по природному потенциалу (особенно по инсоляции¹), но уступает по уровню его реализации: 0,1% против 19% выработки электроэнергии за счет ВИЭ в 2020 г. В статье проанализированы ценовые, стоимостные и ценностные характеристики использования энергии как главного фактора декарбонизации в Сибири и Скандинавии и выявлены различия в моделях исходя из метрических, политэкономических и аксиологических параметров.

Цены на энергоносители — важный фактор декарбонизации энергосистемы и экономики. Цены служат «стержнем рыночной экономики» и «определяют, какой из факторов производства должен быть

¹ Годовой объем солнечной радиации в южных регионах Сибири достигает 1300–1600 кВт·ч на 1 кв. км, а в южных регионах Дании — 1000–1100 кВт·ч на 1 кв. км. По энергии ветра мегарегионы сопоставимы: медианная среднегодовая скорость ветра составляет 7,5–9,5 м/с на высоте 100 м. Также Сибирь (Камчатка, Чукотка, Байкал, Сахалин) и Скандинавия (Исландия) богаты геотермальными источниками энергии.

использован, а какой должен быть оставлен нетронутым» (Мизес, 2005). Углеводороды торгуются на открытых, интегрированных сырьевых биржах, а электроэнергия продается на крупных региональных оптовых энергорынках, поэтому цены выступают эффективным инструментом регулирования энергетических потоков, «направляя ресурсы туда, где ожидается более высокая польза их использования согласно ценовым сигналам» (Blas, Farchy, 2022). Снижение стоимости электроэнергии, получаемой с использованием ВИЭ, согласно концепту кривых обучения, делает их конкурентоспособными для декарбонизации энергосистемы (Sivaram, 2018). Повышение цен на углеводороды, согласно теории энергетических шоков, выступает как триггер для декарбонизации в ведущих странах (Aklın, Ugrėläinen, 2018; Жуков, 2022). Возможен и обратный эффект: в нефтяной кризис 1970-х годов² рост цен на углеводороды и глобальный финансовый кризис 2009 г. только упрочили положение углеводородов в энергобалансе за счет их энергоэффективного использования и открытия новых месторождений (Graetz, 2011; Башмаков, 2022). Более того, рыночные цены не учитывают ряд важных эффектов декарбонизации, связанных с предотвращением загрязнения окружающей среды, уменьшением вероятности экстремальных погодных явлений и т. д. В контексте декарбонизации энергетика уже не рассматривается как сугубо частное благо (*private good*), поскольку производства «чистой» энергии по рыночным ценам для максимизации прибыли явно недостаточно из-за провалов рынка вследствие негативных экстерналий.

Стоимость является «сердцевиной» всех экономических процессов и позволяет учесть важные эффекты декарбонизации, которые не отражены в рыночных ценах. Существуют разные подходы к определению стоимости: утилитаристская по И. Бентаму, трудовая по А. Смиту и трудовая меновая по К. Марксу, маржиналистская по А. Маршаллу и др. (Desai, 1987). В данной статье под стоимостью мы понимаем использование энергии, которое определяется не только прямыми материальными затратами (запасами, инфраструктурой, зарплатами и др.), но и степенью общественной значимости того или иного источника энергии, что проявляется в продуцировании нематериальных (инновационность и др.), косвенных (индустриализация и др.), внешних (экологичность и др.) эффектов. Демаркация между продуктивным и непродуктивным использованием энергии меняется со временем. Например, в эпоху Первой промышленной революции уголь сыграл важную созидательную роль в переходе от аграрного к индустриальному типу общественного развития, но сейчас его доминирование в мировом энергобалансе приводит к деградации стоимости угольной генерации из-за роста ущерба здоровью населения и природе, а также к блокировке создания стоимости для новых более чистых источников энергии. Характеристики стоимости в большей степени зависят от превалирующих политэкономических воззрений в социокультурном контексте, нежели от рыночной цены,

² Дорогая нефть в США стимулировала покупку более энергоэффективных, с меньшим расходом топлива машин, которые в 1975 г. за 1 галлон имели пробег 15 миль, а в 1980 г. — уже 20 миль, в итоге производство бензина увеличилось с 5699 тыс. барр. в сутки в 1970 г. до 6419 тыс. в 1985 г.

формирующейся на основе спроса и предложения на энергоносители. «Зеленую» энергетику следует рассматривать как стратегическую, так называемую мессианскую деятельность, ориентированную на максимизацию стоимости за счет не только повышения доступности энергии, но и системных эффектов в виде трансформации экономики в целом, производства, распределения и потребления во всех отраслях (Mazzukato, 2018. Р. 279). Активная роль государства в формировании подлинной *стоимости энергии* превращает энергетику в *общественное благо* (public good), «выделив как часть энергетической безопасности новый вид общественных благ — экологически чистую энергию» (Клинова, 2022. С. 111). Стоимость энергии становится важным индикатором ее продуктивного, полезного использования. Стоимость традиционной энергетики начинает снижаться из-за включения в экономический анализ нерыночных факторов, таких как ущерб здоровью, деградация окружающей среды, которые не имеют прямых ценовых индикаторов и рынков. Стоимость ВИЭ, наоборот, начинает возрастать благодаря проявлению положительных экстерналий (инновационности, децентрализации, экологичности и т. д.).

Стоимость энергии искажается из-за *провалов государства* в сфере инвестирования инфраструктуры, субсидий и недостаточного углеродного регулирования. Более того, если раньше смена доминантного источника энергии обуславливалась преимущественно объективными факторами технологического превосходства, экономией ресурсов, удобством транспортировки и легкодоступностью, то сейчас кардинальная энергетическая трансформация продиктована «смещением политики, политики и общественной активности» (Yergin, 2020. Р. 378; здесь и далее перевод мой. — Н. Г.), когда велика роль идеологов, убеждений и ценностных ориентиров.

Переход к *ценностному* пониманию энергетики как *общего блага* (common good) сближает частные и коллективные интересы безотносительно знания о том, кто проиграет и выиграет от декарбонизации экономики. Энергия становится важнейшим фактором достижения общего блага, когда благополучие людей все больше зависит от бесперебойного энергоснабжения, оплаты за электроэнергию и тепло, а здоровье — от последствий изменения климата и экологии. Когда «сохранение климата — общее благо, его ухудшение — общая беда», декарбонизация энергосистемы начинает интересовать всех (Эткинд, 2020. С. 480).

Отсутствует четкая демаркация между тремя экономическими категориями: ценой, стоимостью и ценностью; они динамичны, их домены пересекаются и влияют друг на друга. Так, негативные экстерналии, проявляющиеся в стоимости энергии, сейчас пытаются включить в рыночные цены за счет введения углеродного налога, торговли углеродными единицами или ESG-рейтингов³. Эффективность этой углеродной интернализации пока неоднозначна, поскольку разнообразные методоло-

³ Рейтинги ESG (Sustainalytics, MSCI, RAEX-ESG-рэнкинг и др.), подобно кредитным рейтингам (Moody's, S&P Global и др.), оценивают ежегодную деятельность публичных компаний по трем параметрам (Environment, Social, Governance) и тем самым оказывают влияние на рыночную стоимость акций и инвестиционную привлекательность этих компаний с учетом возможных негативных экстерналий в связи с изменением климата.

гии ESG сконцентрированы скорее на атрибуте управления G, нежели на главной компоненте окружающей среды E, которая оценивается с позиции влияния негативных погодных и экологических явлений на рентабельность компании, а не наоборот, что более значимо — как деятельность компании воздействует на изменение климата и окружающую среду. Цены торгуемой тонны CO₂ на обязательных рынках существенно ниже социальной стоимости углерода, а углеродные кредиты и офсеты⁴ обращаются с низкой ценой и качеством на добровольных рынках.

Ценности не только влияют на ценовые и стоимостные соотношения, но и будучи наиболее постоянными из этих трех категорий и социально нагруженными, они не статичны, контекстуально окрашены и изменчивы под влиянием внешних событий (шоков или природных катаклизмов) либо внутренних факторов (открытие новых месторождений, появление новых технологий). Разделяя одни и те же ценности, можно расходиться в интерпретации фактов и в способах достижения общего блага. Высокие цены на энергоносители можно объяснять их дефицитом на рынке и недостаточным инвестированием (САТО, 2008; Сечин, 2021), а сверхприбыли можно трактовать как «несправедливые» доходы или ренту, которую необходимо перераспределить в пользу малообеспеченных (Sandel, 2012; Голованова, 2014). Дешевизну углеводородов в условиях их изобилия в одном случае можно считать важным элементом общего блага, а в другом — препятствием экологичности, которая также является важнейшим компонентом общего блага. Для исследования этих идей мы провели сравнительный анализ моделей декарбонизации экономики Сибири и Скандинавии в отношении ценовых, стоимостных и ценностных характеристик развития энергетики.

Мегарегионы Сибирь и Скандинавия как объекты сравнительного анализа

Аналитический конструкт для компаративистского анализа моделей декарбонизации экономики Сибири⁵ и Скандинавии выстроен на основе мегарегионального устройства двух крупных пространств (табл. 1), которые сталкиваются со схожими проблемами: изменением климата и трансформацией энергетики. Подобное мегарегиональное рассмотрение отражено в кластере научных работ в домене сравнительного регионализма, когда «мы становимся свидетелями возникновения и укрепления нового явления — региональной идентичности» (Зевин, 2016. С. 30; также см.: Буторина, Борко, 2022).

⁴ Хотя в статье понятия «углеродный кредит» и «углеродный офсет» используются как синонимы, в действительности их следует различать, поскольку углеродные кредиты могут быть использованы для целей, отличающихся от компенсации охвата первой, второй и третьей эмиссии парниковых газов компании; углеродные офсеты могут быть реализованы не только в рамках обращения углеродных кредитов.

⁵ Мегарегион Сибирь включает 24 субъекта РФ: Республики Алтай, Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия; Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Приморский, Хабаровский края; Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа; Еврейская автономная область; Амурская, Иркутская, Кемеровская, Магаданская, Новосибирская, Омская, Сахалинская, Томская, Тюменская области.

Показатели мегарегионов Сибирь и Скандинавия

	Показатель	Сибирь	Скандинавия
1	Численность населения, млн чел.	28,9	27,2
2	Углеродоемкость, экв. CO ₂ на душу населения	26,5* (11,8 РФ)	4,7
3	Энергоемкость, кг условного топлива на ВВП в постоянных ценах 2012 г.	111,3	100,9
4	Доля лесных массивов, % площади	44,02	31,1
5	Уровень урбанизации, %	84,8	82,4
6	ВВП на душу населения, тыс. долл. по ППС	31,5	64,3
7	Установленная мощность электростанций, ГВт	240	118
8	Годовая выработка электроэнергии, ГВт·ч	385 426	430 761
9	Занятые в экономике, млн чел.	14,1	13,5
10	Занятость в энергетике, млн чел.	1,2	1,4
11	Доля занятости в промышленном секторе, %	11	11
12	Ежегодный выпуск бакалавров и магистрантов (ISCED level 6–7), тыс. человек	125,2	261,7

Примечание. * Углеродоемкость мегарегиона Сибирь рассчитана в два этапа. Объем эмиссии рассчитан на основе совокупной эмиссии парниковых газов России и региональных пропорций выбросов вредных веществ по секторам экономики, взятых из формы «2-ТП (воздух) Сведения об охране атмосферного воздуха». Поглощение углерода за вычетом потерь из-за деструктивных пожаров и вырубki определено для Сибири на основании данных по управляемым лесам Национального доклада о кадастре (15 апреля 2021 г., Ч. 2, Приложение 3.3).

Источник: расчеты автора с использованием данных ЕМИСС, Nordic statistics, OECD Stat, ILO.

Пространственная конфигурация мегарегиона Сибирь является продуктом длительного развития, при котором устойчивость фрейма мировосприятия и ценностные ориентиры реализуются по культурным, институциональным и экономическим осям (Супрун, 2018; Hartley, 2019; Хесли, 2022). К Сибири мы относим территорию от Урала до Тихого океана, с севера омываемую Северным Ледовитым океаном.

Мегарегион Скандинавия также относится к северным регионам с созданием коллективных институциональных структур для взаимодействия (The Nordic Council of Ministers, Nordic Energy Research), которые формируют единое видение и вырабатывают общие стратегии, в том числе в области энергетики. Концепт мегарегиона следует отличать от традиционно сложившейся в российском страноведении трактовки Скандинавии как симбиоза Дании, Швеции и Норвегии, а также практики отождествления с частью Северной Европы (Northern Europe) или арктических стран (Arctic countries), к которым относится и Россия (Антюшина и др., 2014; Загорский, 2016; Студенцов, 2022). Также этот концепт следует отличать и от разработки локального характера типа «мегарегион Западной Скандинавии», представляющий небольшую побережную зону Швеции и Норвегии, от Осло до Мальме (ОЕСД, 2018). Исторически к мегарегиону Скандинавии можно отнести и Финляндию⁶, расположенную в том же пространстве и времени, с идентичной климатической зоной и имеющую

⁶ Финляндию, как правило, не считают Скандинавией. При этом отдельные учреждения выступают за ее включение исходя из геологических и экономических соображений (<https://www.britannica.com/place/Scandinavia>).

сходный образ жизни и мировосприятия, ведь саами, коренные жители Финляндии, в течение длительного времени были колонизированы Швецией, то есть были интегрированы в скандинавское пространство и культуру (Ferguson, 2016). Поэтому в данной статье под мегарегионом Скандинавия понимается Скандинавия в традиционной трактовке плюс Финляндия, а именно как совокупность пяти северных стран — Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции, учитывая важность единой истории, культуры, этических ценностей и образа жизни⁷.

Концепция мегарегиона не предполагает доминирование принципа суверенности, политического или административного деления как главных факторов деятельности мегарегиона. В случае со Скандинавией вопросы климата и энергетики решаются не только на уровне отдельных государств, входящих в Северный Совет министров, но и в контексте конкретных территорий и сообществ, а также на наднациональном уровне, который носит экспертный, идейный и стратегический характер. В стремлении достичь углеродной нейтральности Скандинавия не действует исключительно по принципу диверсификации, согласно государственному суверенитету, а добивается в определенной степени единства как регулирования, так и согласованности действий посредством взаимодополняемости транснациональных форматов, полицентрического управления и гибридных институциональных режимов.

Аналитические выгоды изучения процессов декарбонизации через призму мегарегионального компаративистского рассмотрения Сибири и Скандинавии состоят в возможности комплексно исследовать проблемы изменения климата и деградации окружающей среды, которые носят кросс-региональный характер. Пространственная сопряженность, природно-климатическая общность, культурная и инфраструктурная связанность придают новые смыслы и содержание процессам декарбонизации экономики. Мегарегиональное устройство позволяет извлекать экономию масштаба за счет пространственной близости энергопромышленных объектов, интеграции электросетевого хозяйства, транспортно-логистических маршрутов, общего доступа к рынку высококвалифицированной рабочей силы, концентрации прорывных разработок научно-образовательных центров и объединения управленческих усилий на смежных территориях.

Оба мегарегиона сопоставимы по важным экономическим параметрам (см. табл. 1), например, численности населения, хотя «растянутая» плотность населения в Сибири вдоль Транссибирской магистрали и одновременная ее сконцентрированность в урбанистических конгломератах является преимуществом, а не недостатком по сравнению со Скандинавией. Плотность населения важна, но в данном случае не имеет значения, если существует развитая инфраструктура, например скоростной транспорт. Плотность населения далеко не всегда преимущество с точки зрения как перспектив освоения территорий, так и экономического развития. Излишняя плотность населения может нести геополитическую угрозу. Согласно современным пространственным теориям, наличие обширного пространства в условиях нынешней скоростной транспортной системы является активом, а не пассивом.

⁷ Научный портал Орхусского университета. Nordics.info.

Трактовка и фактическое состояние декарбонизации

Сибирь⁸ и Скандинавия имеют схожую динамику эмиссии парниковых газов (за вычетом поглощения): за последние 29 лет в Сибири удалось снизить его объем на 48%, а в мегарегионе Скандинавия — на 43%. В Сибири этого добились преимущественно пассивными способами: хаотической деиндустриализацией экономики⁹ и гипертрофированной переоценкой поглощающих способностей экосистем, а Скандинавия стратегически ориентировалась на новую индустриализацию и инновации, что привело к сокращению угольной генерации, к электрификации тепла и транспорта, трансформации сельского и лесного хозяйства.

При этом климатическая уязвимость двух мегарегионов растет схожим образом из-за их неразрывной связи с быстро теплеющей Арктикой. За последние 20 лет площадь пожаров в Сибири увеличилась в 200 раз: с 31,3 тыс. га в 1997 г. до 8,5 млн га в 2018 г. За 2000–2020 гг. в Скандинавии произошло 25 природных катастроф (пожары, наводнения и др.), унесших жизни 38 человек. В Сибири ситуация хуже: зарегистрировано больше половины из 115 природных происшествий в стране и 58 300 погибших¹⁰.

Оба мегарегиона выступают важными агентами и реципиентами изменения климата, различия обусловлены разным процессом декарбонизации. Несмотря на общность глобальной цели — не допустить рост температуры на 1,5–2 градуса¹¹ против доиндустриального уровня, направления сокращения эмиссии парниковых газов различаются (Fiorino, 2022; Grasso, Rodrigues, 2022 и др.):

- 1) низкоуглеродное развитие (low-carbon development) делает акцент на постепенном снижении антропогенной эмиссии парниковых газов;
- 2) глубокая декарбонизация (deep decarbonization) предполагает более быстрые темпы снижения эмиссии не только в ключевом секторе — энергетике, но и в смежных отраслях;
- 3) углеродная нейтральность (carbon neutrality) дает возможность, не снижая эмиссию CO₂, компенсировать ее совокупный объем за счет

⁸ Статистика по эмиссии парниковых газов в отраслевом разрезе представлена только для России, хотя большая часть добычи углеводородов, земельных ресурсов и лесного хозяйства страны локализованы в Сибири, что позволяет соотнести значимую пропорцию выбросов с этим мегарегионом.

⁹ По некоторым отраслям, например в производстве машин и оборудования, большинство регионов Сибири «даже близко не смогли восстановить свои позиции, которые занимали в 1992 г. (до начала активных трансформационных процессов в экономике). Так, машиностроительные предприятия Иркутской и Томской областей сократили выпуск более чем в 10 раз (в 2020 г. против 1992 г.), Новосибирской области и Хабаровского края — примерно в 5 раз, Алтайского края — почти в 4 раза, Омской области — в 2,5 раза, Кемеровской — на четверть» (Крюков, Шмат, 2022).

¹⁰ По данным The International Disaster Database, Centre for Research on the Epidemiology of Disasters [EM-DAT, CRED/ UCLouvain, Brussels, Belgium- www.emdat.be (D. Guha-Sapir)].

¹¹ Несмотря на отложенные меры и замедление динамики эмиссии парниковых газов, это не означает, что цель 1,5–2 градуса отвергнута. Так, в Итоговом отчете COP27 стороны подтверждают следование долгосрочной глобальной цели удержать повышение температуры в пределах менее 1,5–2 градуса по сравнению с доиндустриальной эпохой (https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cp2022_L17E.pdf).

предотвращения выбросов, например благодаря реализации мероприятий, направленных на повышение энергоэффективности, или за счет поглощения углерода, например благодаря лесонасаждениям;

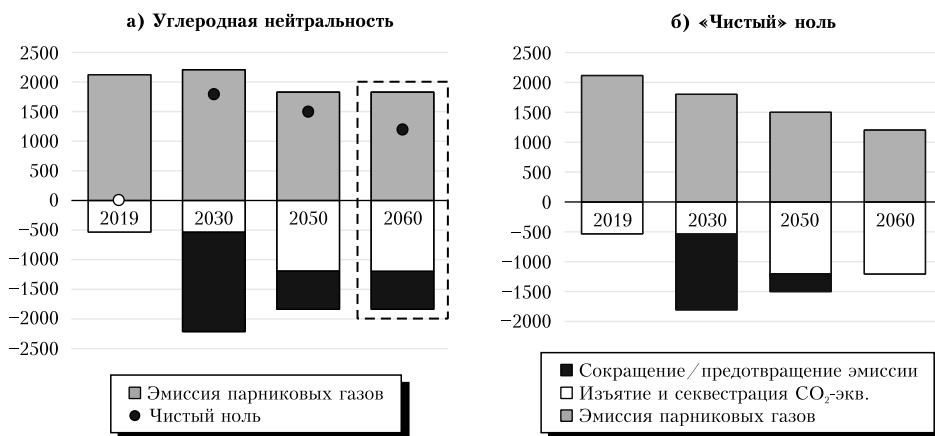
4) «чистый» ноль (net zero carbon) подразумевает установление жестких пределов сокращения эмиссии парниковых газов и компенсацию только остаточной эмиссии за счет удаления из атмосферы и долгосрочного хранения CO_2 , например с помощью технологии био-секвестрации;

5) безуглеродное развитие (zero carbon) достигается при экономической деятельности без какой-либо антропогенной эмиссии парниковых газов, например благодаря ВИЭ и атомной энергетике.

В российском дискурсе первые четыре подхода понимаются преимущественно как тождественные, что ведет к искаженному представлению об альтернативах декарбонизации экономики Сибири и сужению спектра действенных решений. В международной практике, в частности в Скандинавии, возрастает расхождение между концепциями углеродной нейтральности и «чистых» нулевых выбросов. Если достижение углеродной нейтральности предполагает уравнивание совокупной эмиссии парниковых газов за счет сокращения или предотвращения эмиссии, например вследствие экономии топлива или внедрения ВИЭ, а также поглощения и депонирования CO_2 -экв., например за счет биоплантаций и технологий улавливания, использования и хранения углерода, то новейшая концепция «чистых» нулевых выбросов требует компенсации только остаточной (сверх технологических и финансовых возможностей) эмиссии парниковых газов и только за счет надежных и долгосрочных способов поглощения и аккумулирования CO_2 (рис. 1).

Парадигмальное мышление и концептуальная размытость ведут к искажению и ложному целеполаганию в сфере декарбонизации. Например, зеленые сертификаты, применяемые энергокомпаниями

Различие между углеродной нейтральностью и «чистыми» нулевыми выбросами (млн т CO_2 -экв.)



Источник: расчеты автора.

Рис. 1

в Сибири¹², могут оказаться не востребованы в контексте набирающей силу концепции «чистых» нулевых выбросов. Более того, для взаимовыгодной работы российской системы торговли углеродными единицами с зарубежными обязательными и добровольными рынками важно соответствовать современным требованиям, предъявляемым к углеродным кредитам.

Оба мегарегиона реализуют знаковые инициативы в сфере поглощения эквивалента CO₂, но Скандинавия делает акцент на технологических решениях (использование биомассы с улавливанием и хранением углерода — УХУ или CCS)¹³, а Сибирь, обладая крупнейшими лесными и почвенными активами, запустила значимые климатические проекты, ориентированные на природные абсорбционные способности экосистем региона (CDR)¹⁴. Несмотря на то что оба подхода предполагают секвестрацию углерода, удаление CO₂ из потока высококонцентрированных газов с помощью CCS экономически и технически эффективнее, нежели изъятие CO₂ из разреженного пула атмосферных газов. В то же время агроклиматические проекты южных регионов Сибири могут оказаться более выигрышными с точки зрения поглощения эквивалента CO₂ по сравнению с лесоклиматическими инициативами, поскольку с ростом населения, спроса на продовольствие и числа погодных аномалий будут увеличиваться альтернативные издержки использования земельных ресурсов. В этих условиях быстро масштабировать новую лесную индустрию с высокими эффектами дополнителности¹⁵ гораздо сложнее, чем усилить новыми практиками уже функционирующее сельское хозяйство.

Разрыв в теоретических подходах к декарбонизации сопровождается существенными различиями в концептуальном понимании энергетической трансформации в двух мегарегионах. В контексте низкоуглеродного развития энергопереход в Сибири рассматривается как *изменение энергетического контекста*, то есть как транзит от угля к гораздо более чистому природному газу, а атомная и гидроэнергетика — как важные безуглеродные компоненты декарбонизации энергосистемы. При этом природный газ воспринимается не как актуальный на данный момент вид топлива, а как перманентный источник энергии, который позволит не только сократить вредные выбросы, но и кардинально улучшить условия жизни населения за счет повышения

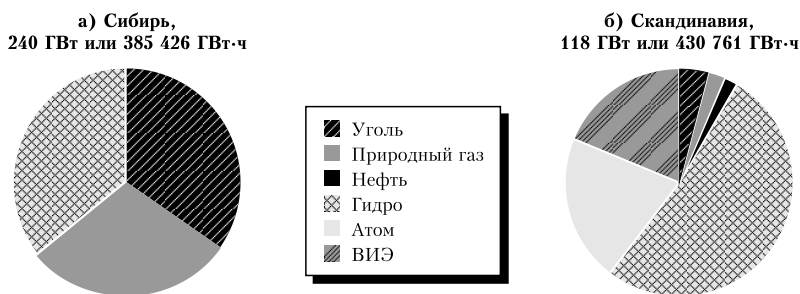
¹² Например, угольная компания АО «Сибирский Антрацит» (переименован с 17.10.2022 в АО «Разрез Колыванский») приобрела зеленые сертификаты, выпущенные НКО «Цель номер семь», по реализации энергии, которая вырабатывается ветроэлектростанциями АО «НоваВинд» в Ставропольском крае и Адыгее, в объеме, достаточном для покрытия 100% своего энергопотребления в период 2022–2025 гг.

¹³ В Норвегии технологический центр в Монстаде, в Исландии проект CarbFix, Балтийский углеродный форум (Baltic Carbon Forum) формируют сеть исследований в сфере CCS в Скандинавии.

¹⁴ В 8 регионах Сибири (Новосибирская, Сахалинская, Томская, Тюменская области, Алтайский, Красноярский края, ЯНАО и ХМАО) Минобрнауки РФ запустило пилотные лесо- и агроклиматические проекты (<https://carbon-polygons.ru>).

¹⁵ Критерий дополнителности предполагает оценку приращения поглощения CO₂, которая была бы невозможна без дополнительных усилий по реализации климатического проекта. Сравнение характеристик проекта с гипотетической ситуацией без целенаправленных действий по лесовосстановлению позволяет оценить дополнителность.

Структура установленной мощности электростанций



Источник: расчеты автора.

Рис. 2

уровня газификации домохозяйств в мегарегионе с текущих 7% до 68% к 2030 г.¹⁶ (рис. 2). В этой ситуации внедрение ВИЭ в Сибири часть экспертов и управленцев начинают рассматривать как неоднозначное мероприятие (Курбанов, Прохода, 2019).

В достижении нулевых чистых выбросов энергопереход в Скандинавии, напротив, подразумевает *слом энергетической парадигмы*, то есть тотальный отказ от углеводородов в электроэнергетике к 2040 г. и их замену на самые чистые ВИЭ — ветровую энергетику, биотопливо и геотермальные источники. Вследствие своей всеядности электроэнергетика становится ключевым сектором декарбонизации, доля которой в энергопотреблении увеличится с текущих 20% до 50% к 2050 г. благодаря росту на 40–100% спроса на электроэнергию (см. рис. 2).

Цена произведенной энергии и обратный эффект

Ценовые соотношения использования углеводородов и безуглеродных источников энергии определяют направления декарбонизации, поскольку технологически возможно управлять углеродным следом как традиционной энергетики, например за счет УХУ или энергоэффективности (Федосеев, Цветков, 2019), так и ВИЭ, которые не лишены эмиссии парниковых газов, хотя не напрямую, а косвенно за счет производства металлоемких компонент (Соснина и др., 2015). Чем дешевле и доступнее тот или иной источник, тем предпочтительнее его использование для целей декарбонизации энергосистемы.

На Россию приходится 15% мировых запасов угля, 20% газа и 6% нефти, большая часть которых добывается в Сибири. В Скандинавии 0,1% угля, 0,8% природного газа и 1,1% нефти, сконцентрированных преимущественно в Норвегии¹⁷. Отчасти из-за скудости запасов углеводородов скандинавы сделали ставку на гидроресурсы, обеспечивающие более 50% выработки электроэнергии в мегарегионе, и атомную энергетику, хотя к 2050 г., после закрытия всех шведских АЭС в мегарегионе планируется оставить только 12% от текущего

¹⁶ Согласно программам газификации регионов России. gazpromnar.ru

¹⁷ Дания имеет скромные запасы нефти в Северной Атлантике.

уровня установленной мощности (1600 МВт) в Финляндии (NETP, 2016. Р. 212). В Сибири 36% электроэнергии вырабатывается за счет гидроресурсов, но отсутствует атомная энергетика¹⁸.

Сектор углеводородов в Сибири обеспечивает 37,7% валового мегарегионального продукта (344 038 млн долл. по ППС) и позволяет извлекать выгоды от традиционной энергетики для местного населения и промышленности. Это 1,2 млн рабочих мест (8% рабочей силы мегарегиона), с зарплатой на 25–30% выше среднего, и доступные (в два раза дешевле, чем в Скандинавии) электроэнергия и тепло с потреблением всего 10,8% от общего объема выработки (табл. 2)¹⁹. В энергоемкой промышленности, потребляющей 60% электроэнергии в мегарегионе, удастся, несмотря на превышение почти в полтора раза тарифа от скандинавского уровня²⁰, удерживать рентабельность бизнеса в диапазоне 10–30%. Доступность энергии в Сибири поддерживается высокими субсидиями для традиционной энергетики: 4,9% ВРП мегарегиона (рис. 3). Все это укрепляет стабильное положение углеводородов в энергобалансе Сибири и делает выгодным их энергоэффективное использование, а не переход на субституты в виде СЭС, которые в рамках ДПМ-договоров продают электроэнергию за 34–36 руб./кВт·ч на оптовом энергорынке при среднерыночной цене 3,5–6 руб./кВт·ч²¹. Повышение энергетической эффективности в стране может до 2050 г. полностью нивелировать рост эмиссии, сдержи-

Т а б л и ц а 2

Средние цены на энергоносители, 2022 г.

Энергоноситель	Сибирь	Скандинавия
Уголь (долл. за 1 тонну)	69,5–121,5	83,1–101,6
Газовое моторное топливо (долл. за 1 литр)	0,48–1,20	1,60–2,10
Дизель (долл. за 1 литр)	1,97–2,15	1,97–2,13
Электроэнергия (цент за 1 кВт·ч)	11,0–21,1	6,50–30,0

Примечание. Конвертация проведена по курсу национальной валюты по ППС согласно данным ОЭСР: 1 долл. США = 28,804 руб., 1 евро = 0,65 долл. США (<https://data.oecd.org/conversion/purchasing-power-parities-ppp.htm>).

Источник: составлено автором на основе данных ЕМИСС и Eurostat.

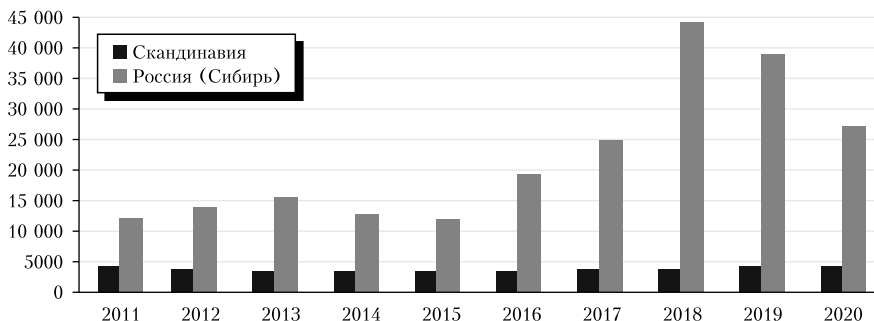
¹⁸ Согласно утвержденной схеме и программе развития ЕЭС России с 2021–2027 гг. в Сибири не запланировано строительство АЭС в рамках объединенной энергетической системы Сибири и Дальнего Востока. Хотя в ряде регионов Сибири (Томской области, Чукотском автономном округе) действуют и/или строятся автономные, мобильные, небольшие энергоблоки, работающие на ядерном топливе.

¹⁹ В Сибири для населения тариф на электроэнергию по ППС составляет 2,6–3,7 руб./кВт·ч (11–13 центов/кВт·ч), а в Скандинавии – 0,15–0,46 евро/кВт·ч (10,5–30,0 центов/кВт·ч). Конвертация проведена по курсу национальной валюты по ППС согласно данным ОЭСР: 1 долл. США = 28,804 руб., 1 евро = 0,65 долл. США (<https://data.oecd.org/conversion/purchasing-power-parities-ppp.htm>).

²⁰ В Сибири для промпредприятий цена на электроэнергию по ППС составляет 4–6 руб./кВт·ч (14–21 цента/кВт·ч), а в Скандинавии – 0,1–0,35 евро/кВт·ч (6,5–23,1 цента/кВт·ч). Конвертация проведена по курсу национальной валюты по ППС согласно данным ОЭСР: 1 долл. США = 28,804 руб., 1 евро = 0,65 долл. США (<https://data.oecd.org/conversion/purchasing-power-parities-ppp.htm>).

²¹ Прогнозы свободных (нерегулируемых) цен на электрическую энергию (мощность) по субъектам РФ на 2023 (https://www.atsenergo.ru/sites/default/files/prognoz/20221101_anpsr_ishodnye_dannye_i_prognoz_na_2023.pdf).

Субсидирование углеводородной энергетики (млн долл. по ППС)



Примечание. Общий объем субсидий углеводородной энергетике включает прямые трансферы и налоговые льготы в двух секторах: добыче ископаемого топлива и электроэнергетике.

Источник: составлено автором на основе данных Overseas Development Institute (ODI).

Рис. 3

вая ее в размере 1193 млн т эквивалента CO₂, а рост использования чистых источников энергии сдерживает выбросы в размере лишь 86 млн т (Колпаков, 2020). Обратный эффект в связи с текущим ростом мировых цен на углеводороды не способствует отказу от них, а только упрочивает их положение в энергобалансе Сибири.

Скандинавия также реализует меры поддержки ТЭК, обеспечивающего 4,7% валовой добавленной стоимости в мегарегионе (82 281 млн долл. по ППС), при этом извлекает сопоставимые выгоды в энергетике. В секторе 1,4 млн энергетиков (10% рабочей силы)²² получают зарплату на четверть выше среднего по экономике и в три раза больше (по ППС), чем их сибирские коллеги. Дороговизна энергоносителей компенсируется высоким уровнем доходов: на медианный ежемесячный доход 1700–2000 евро (2–3 тыс. долл. США по ППС) можно приобрести в 3,5 раза больший объем электроэнергии, чем в Сибири (720 долл. США по ППС).

Энергоемкая промышленность в обоих мегарегионах задействует 11% рабочей силы мегарегиона, но в Скандинавии создает в 2,5 раза больше добавленной стоимости, нежели в Сибири: 235 750 млн долл. против 100 396 млн долл. (по ППС), хотякратно уступает в рентабельности сибирскому бизнесу. Например, на заводе Rio Tinto²³ в Исландии, производящему алюминий в объеме, сопоставимом с компанией «РУСАЛ»²⁴ в Иркутской области (3,2 и 3,8 млн тонн в 2021 г.), в 2 раза ниже уровень рентабельности собственного капитала: 16 против 30,6%.

²² Расчеты автора на основе статистики МОТ по разделу экономической деятельности «Mining and quarrying; Electricity, gas and water supply» за 2020 г.

²³ Rio Tinto Annual Report 2021. <https://cdn-rio.dataweavers.io/-/media/content/documents/invest/reports/annual-reports/2021/rt-annual-report-2021.pdf?rev=d54c8b0596a44e159024ac7421a4d38d>

²⁴ Годовой отчет Русал за 2021 год. <https://www.rusal.ru/upload/iblock/91c/9bfp677dtz6sv6x38r7to0zh37pv5cy.pdf>

Вместе с тем, несмотря на значимые выгоды в традиционной энергетике, глобальный энергетический кризис 2022 г., вероятно, ускорит переход на ВИЭ — ветровую генерацию и биотопливо, что даст новый импульс декарбонизации в Скандинавии. Хотя исторически уже наблюдался обратный эффект, например в Дании: с 1976 по 1981 г. производство электроэнергии переключилось с 90%-го использования дорогой импортной нефти на 95% дешевого местного бурого угля. Но текущий рост мировых цен на нефть и газ вряд ли вызовет их замену на доступный уголь, поскольку за 2010—2020 гг. стоимость ВИЭ снизилась на 70—80%, став одним из самых дешевых субститутов топливной генерации в мегарегионе (IRENA, 2022). Кроме того, текущие сверхдоходы нефтегазовых и генерирующих компаний²⁵ рассматриваются в Скандинавии не как обоснованная прибыль, а как непродуктивная деятельность или рента из-за волатильности энергорынков. В обмен на высокие спотовые цены и рыночную власть предлагаются двусторонние менее рентабельные контракты и потолок цен на экспорт электроэнергии в ЕС, поскольку важнее энергетическая солидарность и долгосрочная стоимость²⁶.

Стоимость энергии и эффект колеи

Различия в моделях декарбонизации энергосистем объясняются не только ценовыми соотношениями и рыночными факторами, определяющими их, но и стоимостью, создаваемой при продуктивном использовании традиционной и возобновляемой энергетики. Эта стоимость формируется под воздействием как объективных факторов производства энергии, так и субъектной деятельности энергокомпаний и государства; нередко эти факторы могут вступать в противоречие друг с другом. Так, уголь, доступный во многих регионах мира, позволяет вырабатывать объективно дешевую электроэнергию, при этом приводя к загрязнению воздуха, чистота которого может варьировать благодаря как законодательным нормам, устанавливаемым государством (предельно допустимые концентрации, углеродная отчетность и др.), так и экологически ответственному поведению бизнеса.

Стоимость ВИЭ коррелирует с уровнем развития инноваций в экономике. Возобновляемая энергетика рассматривается Скандинавией в качестве важного фактора долгосрочного роста благосостояния населения, благодаря формированию принципиально нового сектора с высоким экспортным потенциалом (10% экспорта в 2020 г.) и рабочими местами

²⁵ Из-за роста цен на энергоносители торговый профицит Норвегии удвоился, экспорт нефти и природного газа вырос на 57,7 и 277% за 2021—2022 гг.

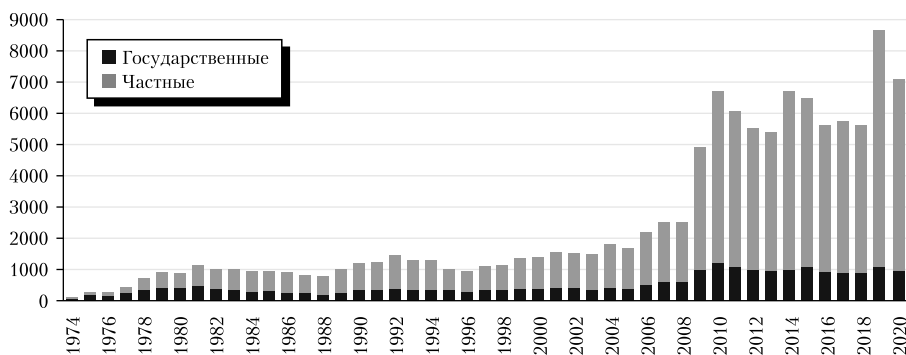
²⁶ В рамках стратегической директивы ЕС страны Скандинавии вводят налог (windfall tax) на сверхприбыли традиционной генерации (включая АЭС и ГЭС) с 2023 г. Норвегия пока обсуждает введение потолка цен на газ, поскольку текущий корпоративный налог (78%) высокий, но для объектов электроэнергетики присоединяется к европейской инициативе. Так, норвежская Cloudberry и датская Orsted в ноябре 2022 г., согласно европейской директиве, анонсировали введение потолка цен для электроэнергии, торгуемой на оптовом рынке Nord Pool, по причине трехкратного спекулятивного роста прибыли (EBITDA) за 9 месяцев 2022 г. (Guidance on Cost-Benefit Sharing in Cross-border Renewable Energy Cooperation Projects, 29/12/2022. [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52022XC1229\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52022XC1229(01))).

(140 тыс. человек занято в 2020 г.). Этому способствует и целенаправленная господдержка энергетических исследований, которые до 1990-х годов финансировались преимущественно правительствами. Стратегические госинвестиции в исследовательские проекты ВИЭ²⁷ позволили бизнесу преодолеть тактику быстрой выгоды и перейти к стратегии долгосрочных вложений. В отличие от косвенной господдержки (налоговых преференций, льготных кредитов и др.), которые снижают операционные издержки для максимизации денежных потоков, прямые инвестиции со стороны государства создают надежные ориентиры для рискованных вложений бизнеса, увеличивая его стоимость, а не прибыль.

Углеродное регулирование для грязных производств в виде углеродного налога впервые введено в Скандинавии²⁸ в 1991 г., а с 2005 г. все Скандинавские страны присоединились к европейскому рынку торговли углеродными единицами. Во-первых, это способствовало росту исследовательского бюджета, который уже на 70% финансировался за счет частного капитала (рис. 4–5). Во-вторых, это существенно девальвировало стоимость топливной энергетики, включив в нее негативные экстерналии, связанные с деградацией окружающей среды и с ущербом здоровью населения.

Симбиоз энергетики и промышленности Скандинавии создал конкурентоспособных мировых лидеров в области ВИЭ (Algers, Kattel, 2021). Например, глобальное лидерство по расходам на ИиР (372 млн евро, или 3,1% выручки) датской компании Vestas обеспечило ей 12,5% мирового рынка технологий ВИЭ. Нефтегазовая компания Dong Energy (Дания) кардинально трансформировала свою корпоративную стратегию после кризиса 2009 г., переведя газовые и угольные станции на использование

**Исследовательский бюджет в сфере энергетики
в мегарегионе Скандинавия (млн долл. 2020 г. по ППС)**



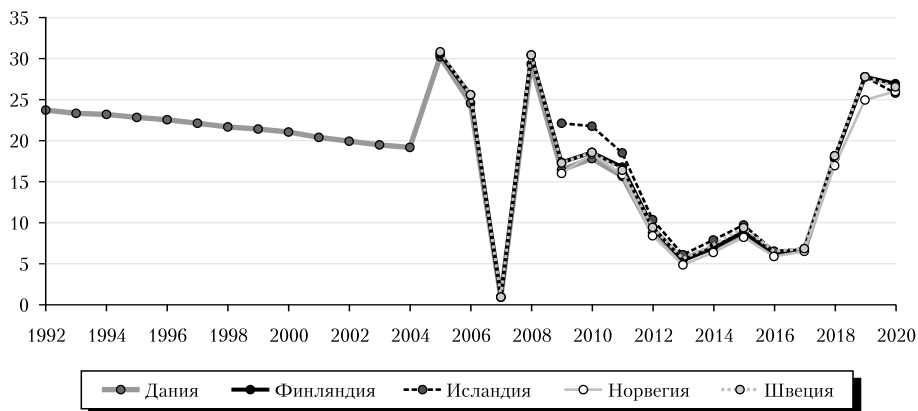
Источник: IEA Energy Technology RD&D Budgets, 2022.

Рис. 4

²⁷ Датская академия технических наук (Danish Academy of Technical Sciences) по результатам многолетних исследований выпустила в 2000 г. доклады «Wind Energy» и «Wind Power: Prorosal for an Active Programme» для научного обоснования перспективности ВЭС в мегарегионе.

²⁸ Практически одновременно Норвегия, Финляндия и Дания ввели углеродный налог в 1991 г., хотя наиболее системный, охватывающий наибольшее число высокоэмиссионных компаний фискальный механизм был разработан в Дании, за которой и закрепилось лидерство в сфере углеродного ценообразования в мегарегионе.

Цена одной тонны CO₂ в рамках введения углеродного налога (до 2004 г.) и торговли квотами ETS EU (с 2005 г.) в Скандинавских странах (долл.)



Источник: World Carbon Pricing Database, 2022.

Рис. 5

биомассы. В 2017 г., сменив название на Orsted, компания стала мировым флагманом в сфере ВИЭ и единственной энергокомпанией, вошедшей за последнее десятилетие в топ-20 трансформационных бизнесов по версии Harvard Business Review (Anthony et al., 2019).

Атмосфера предпринимательства подпитывается большим количеством энергетических стартапов, исследовательских спин-аутов, промышленных спин-оффов, формирующих одну из самых благоприятных в мире экосистем для инноваций²⁹. Десятки успешных зеленых инноваторов формируют скандинавскую Устойчивую долину (Sustainability Valley), благодаря которой мегарегион, давая всего 2% глобального ВВП, локализует 12% самых чистых топ-100 компаний в мире, и этот бизнес планирует дополнительно создать в мегарегионе 1 млн «зеленых» рабочих мест к 2050 г.

Хотя эффект колеев в сфере ВИЭ и «зеленого» хайтека в Скандинавии порождает новые риски из-за увлеченности инновациями и зависимости от изначально выбранной радикальной стратегии сокращения парниковых газов в экономике, возникает чрезмерная зависимость процессов глубокой декарбонизации от постоянного совершенствования разработок. Стремясь к углеродной нейтральности в энергетике, скандинавская промышленность к 2050 г. сама станет главным фактором эмиссии, продуцируя более 50% эмиссии парниковых газов в мегарегионе (Nordic Energy Research, 2021). Технологическая одержимость сокращением углеродного следа продукции ведет к ВИЭ-зацикленности и девальвирует экологические риски. Так, будучи лидером в геотермальной энергетике, Исландия использует значительную ее долю для производства «зеленого» алюминия, что не уменьшает эмиссию фторида серы (SF₆) — токсичного прежде всего для человека.

²⁹ Согласно рейтингу The Global Startup Ecosystem Report 2022, Стокгольм (21-е место) и Копенгаген (30-е место) входят в топ-30 самых лучших экосистем по генерации стартапов в мире.

Эффект kolei проявился и в Сибири, только не в сфере ВИЭ, а в традиционной энергетике как главном факторе модернизационных процессов в мегарегионе. Сибирь, обладая сопоставимым со Скандинавией образовательным потенциалом, имеет более скромный научно-исследовательский сектор: расходы на исследования и разработки составляют 0,5% ВВП мегарегиона (4278 млн долл. по ППС в ценах 2020 г.) против 3,2% ВВП Скандинавии (56 719 млн долл. по ППС в ценах 2020 г.); 65 тыс. исследователей (0,5% занятых) против 380 тыс. человек (2%) в Скандинавии. Сибирь концентрирует свои скромные расходы на ИиР и человеческий потенциал на модернизации традиционных энергообъектов, многие из которых морально и физически устарели, а не на высокорискованных и долгосрочных инвестициях в инновации. Традиционная энергетика становится главным фактором модернизационной активности в мегарегионе. Так, самые крупные расходы на ИиР у «Роснефти» – 26,8 млрд руб. (1100 млн долл. по ППС, или 0,5% выручки) – превосходят затраты норвежской государственной компании Equinor (бывшая Statoil) – 267 млн евро (375 млн долл. по ППС, или 0,5 % выручки), но первая направляет бóльшую их часть на разработку месторождений и технологий добычи, а 32% исследовательского бюджета Equinor связано с декарбонизацией энергетике.

В области альтернативной энергетике исследовательский бюджет Сибири на порядок меньше, чем у скандинавских конкурентов. Например, годовой исследовательский бюджет компании «Хевел» как главного инсталлятора СЭС в Сибири составляет всего 200 млн руб. (8 млн долл. по ППС), что в 65(!) раз меньше, чем у датской компании Vestas. Но консервативная политика позволяет удерживать приемлемый уровень прибыльности 10%, который выше 8,3% компании Vestas в 2020 г. Косвенная поддержка ВИЭ в Сибири по программе ДПМ и зеленые сертификаты не дополняются пока введением системы углеродного регулирования, что позволяет использовать ВИЭ на комплементарной основе, без изменения привычной высокоэмиссионной деятельности и обычной ее стоимости.

Ценность энергии и общее благо

Климатическая просвещенность (Барабанов, Маслова, 2022), энергетическая культура (Strauss et al., 2016) и энергетическая безопасность (Stepanov et al., 2021) стали важными движущими силами декарбонизации современной экономики. Стоимость чистой энергии искажается под влиянием климатического скептицизма, энергетической неосведомленности и безответственного энергопотребления (Stephenson et al., 2021). Материальные факторы производства энергии (трудозатраты, технологическое оснащение, инвестиции) зависят от предприимчивой политики, прогрессивных взглядов, амбициозности намерений, что влияет на ценовые соотношения и конфигурацию конъюнктуры энергорынков.

Не только рентабельность и прибыль, но и ценностные установки стали главными факторами радикальной стратегии по декарбонизации

энергосистемы в Скандинавии. Ценности предприимчивости и постоянного экспериментирования являются залогом успеха инновационной трансформации в сфере ВИЭ. Опыт инженерных работников, занятых в нефтегазовой сфере, пригодился для пусконаладочных работ морских и наземных ВЭС, а устойчивые инвестиции в инновации оказались продуктивными в долгосрочной перспективе, так как «в реальности стратегия „stop-and-go“ не работает, необходимо поддерживать инновации даже в трудные для компании времена»³⁰. Но внедрение ВИЭ рассматривается не как централизованная директива или корпоративная стратегия, а как достижение социального консенсуса посредством деятельности сети некоммерческих организаций, независимых аналитических центров, коалиций местных сообществ и политических групп, что важно для продвижения ВИЭ в целях общего блага. Сильное профсоюзное движение (более 70% рабочей силы мегарегиона) усиливает сплоченность и солидарность энергетиков и инженеров в продвижении зеленого будущего (Аналитический центр при Правительстве РФ, 2019; Alsos, Dølvik, 2021). Значимым фактором стала поддержка населением внедрения ветрогенерации: в 2001 г. 175 тыс. датских домохозяйств владели 80% ветрогенерации. Затем было принято решение передать объекты частным компаниям, предоставив местному населению возможность выкупить часть акций и сохранить локальное участие в управлении ВИЭ (Lakey, 2016).

Технократический стиль управления и прогрессистские планы по всеобъемлющей электрификации за счет ВИЭ начали встречать сопротивление со стороны местного населения, которое обеспокоено утратой привычного образа жизни. В 2020 г. местные активисты заблокировали строительство на западе Швеции ветропарка мощностью 1,8 ГВт, предназначавшегося для обслуживания 16 тыс. электромобилей «Ниссан» в немецких городах. Общественные настроения, просвещенность и активность, а не издержки, прибыль и деньги, становятся ограничителями глубокой декарбонизации в Скандинавии.

В Сибири эволюционный энергопереход объясняется инерционностью политики, адаптивностью энергокомпаний и определенным скептицизмом относительно антропогенных причин изменения климата. Энергетическая безопасность считается главной ценностью и опирается прежде всего на доступность и дешевизну углеводородов, которые служат надежным источником как внутренней, так и внешнеполитической стабильности, а прерывная, отчасти зависящая от импорта возобновляемая энергетика относится к вызовам энергетической безопасности (например, см.: Жизнин, Дакалов, 2019; Сазонов, Уланов, 2018). Степень пассивности региональной власти в сфере ВИЭ объясняется также опытом деиндустриализации экономики мегарегиона в 1990-е годы, что позволило сократить эмиссию более чем на 30% без всяких климатических стратегий и директив, но затормозило модернизацию промышленности. Глобальное потепление в суровой Сибири рассматривается некоторыми главами крупных регионов³¹ как благоприятное явление,

³⁰ <https://www.energypolicy.columbia.edu/us-offshore-power-gathers-wind>

³¹ Например, см.: Ведомости. 28.05.2019. <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/>

делающее мегарегион доступным для многих проектов вследствие снижения энергопотребления, сокращения отопительного сезона, увеличения периода сельскохозяйственных работ, открытия новых транспортных маршрутов вдоль Северного морского пути. Углеводороды и природа Сибири трактуются скорее как общественные комплементарные блага, которые взаимодополняют, а не исключают использование друг друга, поэтому единственный «вопрос в балансе — сколько растений у тебя есть. Поглощающая возможность лесов должна быть выше, чем выбросы CO₂. У нас в стране лесов много — мы являемся донорами для всего мира»³².

Парадигмальность мышления на фоне заикленности на нефти и газе³³ относит декарбонизацию на внешний контур, воспринимает ее как медленный и постепенный процесс, где внедрение ВИЭ, проникновение зеленой индустрии оценивается как дестабилизирующий фактор, угроза прежним бизнес-подходам и сложившимся управленческим моделям. Как отмечается в: Сколково, 2021, «в целом российский бизнес пока не торопится переходить к активным действиям в сфере климата». И подобная «оптимизация» под давлением нерыночных факторов, по мнению представителей крупных российских нефтегазовых компаний, «не решает задачу снижения эмиссии парниковых газов и достижения углеродной нейтральности, а результатом становится искажение стоимости акций компаний» (Сечин, 2021. С. 42). Выжидательная, осмотрительная политика оправдывается ощутимым технологическим отставанием от ведущих стран, но это трактуется как имеющий свои положительные стороны аспект, поскольку «позволяет широко маневрировать в выборе доступных технологий... при этом избегая и максимально снижая риски форсированного перехода к новым технологиям» (Порфирьев и др., 2022. С. 80). Но климатический горизонт до 2050 г. для России становится весьма коротким (например, см.: Gustafson, 2021), так как учащаются особенно в Сибири явления, казавшиеся отдаленными и редкими: аномальная жара, паводки, таяние вечной мерзлоты. Поэтому снижение эмиссии парниковых газов должно восприниматься не как альтернатива максимизации экономических эффектов, а как единственный способ сохранить экономику. В этом определенную роль могут сыграть локальные сообщества и местные некоммерческие организации, будучи «аватарами общего блага и стоящие за завесой собственных интересов» (Reich, 2018). Но местные сообщества мало вовлечены в процесс принятия решений, а действия местных эко-НКО, профсоюзных движений, филантропов разрозненны и фрагментарны. Показательно, что Иркутская область — лидер по числу зарегистрированных эко-НКО в Сибири — сконцентрирована на решении только проблемы «Озеро Байкал» (Горбачева, 2020). Атомизация и индивидуализация местных сообществ в Сибири огра-

2019/05/28/802694-glava-yakutii

³² Forbes. 21.09.2020. <https://www.forbes.ru/forbeslife/409517-esli-my-uberem-ugol-vse-ostalnoe-razvalitsya-kak-kartochny-domik-intervyu-s>

³³ Ведомости. 28.03.2016. <https://www.vedomosti.ru/business/characters/2016/03/28/635310-sidet-keshe-eto-biznes-eto-glupo>

ничивает их интеграцию и объединение, «отставание в области экологической политики только растет» (Буркова, 2019). Акцент на независимых, со своими частными выгодами, расчетливых экономических субъектов оказывается малоэффективным перед лицом масштабных феноменов типа глобального потепления.

Выводы

Систематизация текущих ценовых, стоимостных и ценностных параметров использования энергии в Сибири и Скандинавии позволяет выработать интегральную оценку перспектив двух моделей декарбонизации в условиях глобального энергетического кризиса. Во-первых, несмотря на глобальный консенсус и ратификацию международных соглашений, концептуальное понимание процессов декарбонизации и соответствующего энергоперехода существенно различается. Имея объективно более веские причины для декарбонизации, Сибирь рассматривает энергопереход как *постепенное изменение энергетического контекста* с акцентом на газификации и природных абсорбционных способностях экосистем. Скандинавию незначительная углеродоемкость и скромность ресурсов не останавливают в стремлении к радикальному *слому энергетической парадигмы* с опорой на тотальную зеленую электрификацию. Современные различия в концепциях в большей степени продиктованы субъективными оценками перспектив декарбонизации, а не объективными, отсылающими в прошлое ограничениями.

Во-вторых, ценовые соотношения и рыночные метрики по-разному влияют на степень декарбонизации в двух мегарегионах. В условиях дешевых и доступных углеводородов в Сибири повышение мировых цен вызывает обратный эффект: укрепляет позицию углеводородов в энергобалансе мегарегиона благодаря привлекательности экспорта и энергоэффективности. В Скандинавии, в силу ряда обстоятельств, ускоряются темпы декарбонизации на основе ВИЭ, коэффициент субституции которых растет в связи с дефицитом и удорожанием традиционного топлива.

В-третьих, энергетика в обоих мегарегионах выступает значимым, если не определяющим фактором в борьбе с изменениями экологии и климата, хотя роль государства и энергокомпаний по-разному проецируется в стоимости энергии. Если инновационность, новая индустриализация, зеленый хайтек увеличивают стоимость ВИЭ в Скандинавии, то в Сибири ориентация только на модернизацию, рентабельность и субсидии поддерживают стоимость традиционной энергетики, а отсутствие углеродного регулирования нивелирует положительные экстерналии ВИЭ.

Эффект колеи в отношении ВИЭ в Скандинавии и углеводородов в Сибири делает уязвимыми обе модели декарбонизации. Так, перспективы декарбонизации энергосистемы за счет газоснабжения Сибири увязаны с одним мегапроектом — газопроводом «Сила Сибири — 2», ориентированным прежде всего на Китай, спрос со стороны которого на природный газ, по прогнозам, упадет до ежегодных 2% в 2021–2030 гг., по сравнению с 12% в 2010–2021 гг. (IEA, 2022. P. 57). Перспективы зеленой электростанции в Скандинавии зависят от инвес-

тиций ЕС в строительство электросетей и объема экспорта чистой электроэнергии, более 50% которой пока планируется производить в мегарегионе (ЕС, 2022).

В-четвертых, ценовые и стоимостные соотношения восходят к более фундаментальным ценностным ориентациям. Выбор ВИЭ как главного компонента модели декарбонизации в Скандинавии соответствует инновационной роли государства, экспериментаторской активности энергокомпаний, убежденности в превосходстве общего блага над частным и групповым. В Сибири делается акцент на стабильности, адаптивности, предсказуемости традиционной энергетики, а в ее недостатках — технологической отсталости и углеродоемкости — видятся положительные аспекты: выгоды догоняющего развития и рост абсорбционных способностей экосистем.

Обе модели декарбонизации демонстрируют определенные выгоды, но при этом не лишены недостатков. Текущий глобальный энергетический кризис, вероятно, скажется на ценовых и стоимостных параметрах обеих моделей декарбонизации энергосистем, в равной степени зависимых от волатильности сырьевых (не только топливных, но и редкоземельных металлов) рынков, от трансфера высоких технологий и активной роли государства. Но если изменчивые цены и стоимость — сложно управляемые параметры в период энергетического шока, то ценностные ориентации и установки остаются долгосрочными, проверенными временем предикторами степени декарбонизации обоих мегарегионов. Адаптивность, умеренность и осмотрительность девальвируют фактор времени в процессе декарбонизации экономики Сибири с риском превратить вынужденный, неожиданный, резкий энергопереход в более затратный и хаотичный процесс. В этом отношении ценности экспериментирования, предприимчивости, инновационности, культивируемые в Скандинавии, дают возможность заблаговременно подготовиться к смене энергетической парадигмы и извлечь существенные выгоды от ранней концентрации на немногочисленных, но действительно прорывных технологиях декарбонизации.

Список литературы / References

- Аналитический центр при Правительстве РФ (2019). В фокусе: Скандинавия — государства всеобщего благосостояния // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. № 45. С. 4–23. [Analytical Center under the Government of the Russian Federation (2019). In focus: Scandinavia — welfare states. *Bulletin on Current Trends in the World Economy*, No. 45, pp. 4–23. (In Russian).]
- Антюшина Н. М., Бажан А. И., Белов В. Б. (отв. ред). (2014). Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. М.: Институт Европы РАН. [Antyushina N. M., Bazhan A. I., Belov V. B. (eds.). (2014). *Greater Europe. Ideas, reality, prospects*. Moscow: Institute of Europe RAS. (In Russian).]
- Барабанов О., Маслова Е. (2022). Международный режим декарбонизации как инструмент имплементации ценностей общества риска // Мировая экономика и международные отношения. Т. 66, № 5. С. 112–119. [Barabanov O., Maslova E. (2022). International decarbonization regime as a tool for implementing values of the risk society. *World Economy and International Relations*, Vol. 66, No. 5, pp. 112–119. (In Russian).] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-5-112-119>

- Башмаков И. А. (2022). Прогнозы развития энергетики мира 30 лет спустя: проверки прошлым уроков будущего // Вопросы экономики. № 5. С. 51–78. [Bashmakov I. A. (2022). Projections of the global energy system, evolution 30 years later: Checking the lessons of the future by the past experience. *Voprosy Ekonomiki*, No. 5, pp. 51–78. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-5-51-78>
- Буркова Е. И. (2019). Экологическая модернизация в условиях глобализации: роль экоНПО // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63, № 8. С. 64–71. [Burkova E. I. (2019). Ecological modernization in an age of globalization: The role of environmental NGOs. *World Economy and International Relations*, Vol. 63, No. 8, pp. 64–71. (In Russian).] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-64-71>
- Буторина О., Борко Ю. (2022). Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // Современная Европа. № 1. С. 5–20. [Butorina O., Borko Y. (2022). Benefits of regional integration: towards redefining the concept. *Contemporary Europe*, No. 1, p. 5–20. (In Russian).] <https://doi.org/10.31857/S0201708322010016>
- Голованова С. (2014). Стимулирующее регулирование внутренних российских цен на газ: сравнительный анализ ценовых ориентиров // Вопросы экономики. № 8. С. 106–121. [Golovanova S. (2014). Incentive domestic gas price regulation in Russia: Comparative analysis of alternative “price cap” indicators. *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 106–121. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-8-106-121>
- Горбачева Н. В. (2020). Управление возобновляемой энергетикой: мировой опыт и Сибирь // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 85–113. [Gorbacheva N. V. (2020). Renewable energy governance: Global experience and Siberia. *Public Administration Issues*, No. 2, pp. 85–113. (In Russian).]
- Жизнин С. З., Дакалов М. В. (2019). Возобновляемые источники энергии в мире и в России. М.: МГИМО-Университет. [Zhiznin S. Z., Dakalov M. V. (2019). *Renewable energy sources in the world and in Russia*. Moscow: MGIMO University. (In Russian).]
- Жуков С. В. (ред.) (2022). Современный энергетический кризис: экономические, технологические и экологические риски. М.: ИМЭМО РАН. [Zhukov S. V. (ed.) (2022). *The modern energy crisis: Economic, technological and environmental risks*. Moscow: IMEMO RAS. (In Russian).]
- Загорский А. В. (2016). Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН. [Zagorskiy A. V. (2016). *Nonstrategic issues of security and cooperation in the Arctic*. Moscow: IMEMO RAS. (In Russian).]
- Зевин Л. (2016). Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60, № 8. С. 26–33. [Zevin L. (2016). Megaregions in globalizing economy. *World Economy and International Relations*, Vol. 60, No. 8, pp. 26–33. (In Russian).] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-8-26-33>
- Колпаков А. Ю. (2020). Энергоэффективность: роль в сдерживании выбросов углекислого газа и определяющие факторы // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 141–153. [Kolpakov A. Y. (2020). Energy efficiency: Its role in inhibiting carbon dioxide emissions and defining factors. *Problemy Prognozirovaniya*, No. 6, pp. 141–153. (In Russian).] <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-141-153>
- Клинова М. В. (2022). Государство и энергетическая безопасность в мире и Европе как общественное благо // Вопросы экономики. № 6. С. 110–125. [Klinova M. V. (2022). The state and energy security in the world and Europe as a public good. *Voprosy Ekonomiki*, No. 6, pp. 110–125. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-6-110-125>
- Крюков В. А., Шмат В. В. (2022). Азиатская Россия — условия и препятствия поступательной диверсификации экономики макрорегиона // Пространственная экономика. Т. 18, № 1. С. 34–72. [Kryukov V. A., Shmat V. V. (2022). Asian Russia — conditions for and obstacles to progressive diversification of macroregional economy. *Spatial Economics*, Vol. 18, No. 1, pp. 34–72. (In Russian).] <https://doi.org/10.14530/se.2022.1.034-072>

- Курбанов А. Р., Прохода В. А. (2019). Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 347–370. [Kurbanov A. R., Prokhoda V. A. (2019). Ecological culture: An empirical projection (attitudes of Russians towards climate change). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, No. 4, pp. 347–370. (In Russian).] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.17>
- Мизес Л. фон (2005). Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум. [Mises L. von (2005). *Human action. A treatise on Economics*. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russian).]
- Порфирьев Б. Н., Широков А. А., Колпаков А. Ю., Единак Е. А. (2022). Возможности и риски политики климатического регулирования в России // Вопросы экономики. № 1. С. 72–89. [Porfiriev B. N., Shirov A. A., Kolpakov A. Y., Edinak E. A. (2022). Opportunities and risks of the climate policy in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 72–89. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-72-89>
- Сазонов Д. Ю., Уланов В. Л. (2018). Возобновляемые источники энергии как фактор риска развития российских энергетических компаний // Известия Российской академии наук. Энергетика. № 4. С. 3–13. [Sazonov D. Y., Ulanov V. L. (2018). Renewable energy sources as a risk factor for the development of Russia energy companies. *Izvestiia Rossiiskoi Akademii Nauk. Energetika*, No. 4, pp. 3–13. (In Russian).] <https://doi.org/10.31857/S000233100002358-7>
- Сечин И. (2021). Альтернативы мировой энергетики: трансформационные тренды и риски // Мировая экономика и международные отношения. Т. 65, № 10. С. 33–44. [Sechin I. (2021). Alternatives of global energy: Transformational trends and risks. *World Economy and International Relations*, Vol. 65, No. 10, pp. 33–44. (In Russian).] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-10-33-44>
- Сколково (2021). Декарбонизация нефтегазового сектора: мировой опыт и приоритеты для России. М.: Центр энергетики Московской школы управления Сколково. [Skolkovo (2021). *Decarbonization of the oil and gas sector: world experience and priorities for Russia*. Moscow: The Energy Center of the Moscow School of Management Skolkovo. (In Russian).]
- Соснина Е. Н., Маслеева О. В., Крюков Е. В. (2015). Сравнительная экологическая оценка установок нетрадиционной энергетики // Теплоэнергетика. № 8. С. 3–10. [Sosnina E. N., Masleeva O. V., Kryukov E. V. (2015). Comparative environmental assessment of unconventional power installations. *Thermal Engineering*, No. 8, pp. 3–10. (In Russian).] <https://doi.org/10.1134/S004036361508007X>
- Студенцов В. Б. (2022). Скандинавский уравнилительный индивидуализм и государство всеобщего благосостояния // Современная Европа. № 1. С. 154–168. [Studentov V. B. (2022). Scandinavian egalitarian individualism and the welfare state. *Contemporary Europe*, No. 1, pp. 154–168. (In Russian).]
- Супрун В. И. (ред.) (2018). Сибирь как мегарегион: параметры и цели. Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды». [Suprun V. I. (ed.) (2018). *Siberia as a megaregion: Parameters and goals*. Novosibirsk: Trends. (In Russian).]
- Федосеев С. В., Цветков П. С. (2019). Ключевые факторы общественного восприятия проектов захвата и захоронения углекислого газа // Записки Горного института. Т. 237. С. 361–368. [Fedoseev S. V., Tsvetkov P. S. (2019). Key factors of public perception of carbon dioxide capture and storage projects. *Journal of Mining Institute*, Vol. 237, pp. 361–368.] <https://doi.org/10.31897/PMI.2019.3.361>
- Хесли Э. (2022). Сибирская эпопея. М.: Паулсен. [Hoesli E. (2022). *L'epopee Siberienne*. Moscow: Paulsen. (In Russian).]
- Эткинд А. (2020). Природа зла. Сырье и государство. М.: Новое литературное обозрение. [Etkind A. (2020). *The nature of evil. Raw materials and the state*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian).]
- Aklin M., Urpelainen J. (2018). *Renewables. The politics of a global energy transition*. Cambridge, MA: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/11112.001.0001>

- Algers J., Kattel R. (2021). *Equinor and Ørsted: How industrial policy shaped the Scandinavian energy giants*. IIPP Policy Brief, No. 14. Institute for Innovation and Public Purpose.
- Alsos K., Dølvik J. E. (eds.) (2021). *The future of work in the Nordic countries: Opportunities and challenges for the Nordic models*. Copenhagen: Nordic Council of Ministers.
- Anthony S. D., Trotter A., Schwartz E. I. (2019). The top 20 business transformations of the last decade. *Harvard Business Review*, September 24. <https://hbr.org/2019/09/the-top-20-business-transformations-of-the-last-decade>
- Blas J., Farchy J. (2022). *The world for sale: Money, power and the traders who barter the earth's resources*. New York: Oxford University Press.
- CATO Institute (2008). The case against government intervention in energy markets revisited once again. *Policy Analysis*, No. 628.
- Desai M. (1987). Value and price. In: *The new Palgrave dictionary of economics*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/978-1-349-95121-5_1815-1
- EC (2022). *REPowerEU Plan*. COM (2022). 230 final. Brussels: European Commission.
- Fiorino D. J. (2022). *The clean energy transition: Policies and politics for a zero-carbon world*. Cambridge: Polity Press.
- Ferguson R. (2016). *Scandinavians: In search of the soul of the North*. New York: Overlook Press.
- Graetz M. J. (2011). *The end of energy: The unmaking of America's environment, security, and independence*. Cambridge, MA: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/8653.001.0001>
- Grasso M., Rodrigues D. D. (2022). Disrupting to decarbonise socio-energy systems: The 'carbon transformation axes' framework. *Energy Research & Social Science*, Vol. 90, article 102657. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2022.102657>
- Gustafson T. (2021). *Klimat: Russia in the age of climate change*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hartley M. J. (2019). *Siberia: A history of the people*. New Haven and London: Yale University Press.
- IEA (2022). *World energy outlook 2022*. Paris: International Energy Agency.
- IRENA (2022). *Renewable energy statistics 2022*. Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency.
- Lakey G. (2016). *Vikings economics: How the Scandinavians got it right – and how we can, too*. Brooklyn: Melville House.
- Mazzukato M. (2018). *The value of everything. Making and taking in the global economy*. New York: Public Affairs.
- NETP (2016). *Nordic energy technology perspectives 2016*. Paris and Oslo: International Energy Agency and Nordic Energy Research.
- Nordic Energy Research (2021). *Nordic clean energy scenarios: Solutions for carbon neutrality*. <http://doi.org/10.6027/NER2021-01>
- OECD (2018). *OECD territorial reviews: The megaregion of western Scandinavia*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264290679-en>
- O'Neil S. K. (2022). *The globalization myth: Why regions matter*. New Haven & London: Yale University Press.
- Reich R. B. (2018). *The common good*. New York: Alfred A. Knopf.
- Sandel M. J. (2012). *What money can't buy. The moral limits of markets*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Sivaram V. (2018). *Taming the sun: Innovations to harness solar energy and power the planet*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Stephenson J. R., Sovacool B. K., Inderberg T. H. J. (2021). Energy cultures and national decarbonisation pathways. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, Vol. 137, pp. 110–592. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2020.110592>
- Stepanov I., Agikyan N., Muzychenko E. (2021). What determines the ambitiousness of climate policy in different countries. *International Organizations Research Journal*, Vol. 16, No. 4, pp. 57–79. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-04-03>

- Strauss S., Rupp S., Love T. (eds.) (2016). *Cultures of energy: Power, practices, technologies*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315430850>
- Yergin D. (2020). *The new map: Energy, climate, and the clash of nations*. New York: Penguin Press.
-

Comparative analysis of decarbonising economy in Siberia and Scandinavia megaregions: Price, value and values of energy

Natalya V. Gorbacheva

Author affiliation: ¹ Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); ² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia). Email: nata_lis@mail.ru

The climate change and deterioration of nature appear to be global problems, and the efficiency of solving them depends on the level of decarbonizing countries' and regions' economies. Siberia and Scandinavia are relevant megaregions with similar natural, climate, economic and energy characteristics, though demonstrating, in many cases, different patterns of decarbonizing. The accomplished comparative analysis has confirmed that the differences have been conditioned by different approaches to the process of decarbonization. Low-carbon vector of Siberia suggests counterbalance of total GHG, owing to CO₂ reduction and its removal with purpose to achieve carbon-neutrality by 2060. In Scandinavia reaching net-zero emission by 2050 suggests the compensation of only residual emission of GHG and only thanks to reliable removal and sequestration technologies. Differences depend on prices and values that refer to the energy sector as a prime emitter in both megaregions. In Siberia the focus is on the evolutionary, gradual energy transition from coal to natural gas, considering that fossil fuels are cheap, available, subsidized by state, and supported by the modernization activities of energy companies, which are led by principals of security, stability and profitability. Scandinavia megaregion seems to prefer the approach to electrifying economy with renewables. Such choice has been determined not only by the price-fall of renewables, but also by the growth of their value on behalf of long-term, innovative activities of energy companies, active role of the states with the purpose of reaching the common good.

Keywords: climate change, decarbonisation, energy, fossil fuels, renewables, price, value, values, Siberia, Scandinavia megaregion.

JEL: A13, D46, P52, Q42, Q54.

Научные сообщения

Крылатые колесницы Плутоса: бизнес-джеты и бизнес-элиты

А. Б. Рахманов

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)*

В современную эпоху бизнес-элиты разных стран для перемещений по миру используют бизнес-авиацию. Важнейшими параметрами ее активности служат число зарегистрированных бизнес-джетов, количество их вылетов, а также маршрутизация последних. В большинстве крупных стран бизнес-авиация применяется в основном для внутренних вылетов. Но в России бизнес-джеты используются преимущественно для вылетов за рубеж, главным образом в страны Западной Европы. Это означает, что отечественная бизнес-элита по своим интересам, образу жизни и мировоззрению космополитична в большей степени, чем в других странах. Активность бизнес-авиации более или менее равномерно распределена по всей территории большинства стран. В России она сконцентрирована в немногих крупных городах, в первую очередь в Москве.

Ключевые слова: глобализация, глобальное общество, глобальный капиталистический класс, бизнес-элита, авиация, бизнес-авиация, бизнес-джет, БРИКС.

JEL: A14, Z13.

Глобализация, как и любая форма объединения человечества в предшествующие эпохи, опирается на транспортную систему, которая соединяет страны и народы. В конце XX и начале XXI в. для перемещения людей на дальние расстояния основным, а иногда и единственным средством служит пассажирская авиация, хотя в Западной Европе, Китае, Японии ее важным дополнением выступают высокоскоростные железные дороги. Развитие пассажирской авиации стало одной из серьезных предпосылок глобализации и вместе с тем ее результатом и показателем; глобальное общество — это летающее общество. Авиационные пассажиропотоки в конце XX и начале XXI в. быстро росли: с 1970 по 2019 г. количество перевезенных пассажиров в мире выросло с 0,31 млрд до 4,56 млрд человек. В 2020 г. в связи с пандемией коронавируса в мире произошел резкий спад пассажирских

Рахманов Азат Борисович (azrakhmanov@mail.ru), д. филос. н., доцент, проф. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ.

авиаперевозок — было перевезено всего 1,81 млрд человек (World Bank, 2023). В 2021–2022 гг. авиационные пассажиропотоки выросли, но в связи с сохранением во многих странах ограничений на перелеты можно предполагать, что уровень 2019 г. по перевозкам авиапассажиров не был превзойден.

В качестве ведущего субъекта и бенефициара глобализации выступает глобальный (транснациональный) капиталистический класс, к которому относятся главным образом собственники и топ-менеджеры транснациональных компаний, растущая сеть филиалов которых охватывает весь мир (Sklair, 2001; Sener, 2007; Carroll, 2010; Harris, 2012; Kantor, 2017; Robinson, 2017). Речь идет о бизнес-элитах разных стран, представители которых регулярно перемещаются по миру с деловыми и личными (рекреационными, развлекательными, медицинскими, образовательными и т. п.) целями и чаще других прибегают к услугам пассажирской авиации. Возник даже специальный термин — *jet set*, богатые путешественники, сливки общества. Сжатие пространства и времени, которое в глобалистике рассматривают как одну из важнейших характеристик современного мира, касается в первую очередь бизнес-элиты. Без интенсивного развития пассажирской авиации становление глобального капиталистического класса было бы невозможным.

Потребность бизнес-элит разных стран в услугах авиации стала настолько острой, что им оказалось недостаточно перелетов в салонах первого и бизнес-классов дальнемагистральных широкофюзеляжных лайнеров, которые крупные авиакомпании используют для осуществления регулярных рейсов на большие расстояния. Это обусловило появление и развитие в последние десятилетия бизнес-авиации, то есть флота бизнес-джетов — реактивных или турбовинтовых самолетов для перевозки ограниченного числа пассажиров. Мы рассмотрим характер использования бизнес-авиации, который отражает ряд важных особенностей бизнес-элит.

Бизнес-элиты и бизнес-авиация

Бизнес-авиация как особый тип пассажирской авиации возникла в силу того, что крупные бизнесмены нуждаются в максимально быстром, гибком и комфортном перемещении на дальние расстояния, позволяющем совместить перелет с деятельностью по управлению бизнесом и с полноценным отдыхом. По всем этим параметрам бизнес-джеты превосходят возможности полетов в салонах первого и бизнес-класса пассажирских авиалайнеров типа Boeing и Airbus.

Бизнес-авиация быстро развивается в мире. В США, бесспорном лидере в этой области, в 2006 г. было зарегистрировано 9457, а в апреле 2023 г. — уже 20 178 бизнес-джетов. Во Франции их количество возросло за тот же период со 135 до 1875, в Великобритании — с 218 до 1833, в Мексике — с 834 до 1744, в Германии — с 217 до 1595, в Бразилии — с 414 до 838, в Китае — с 62 до 259 ед. (Knight Frank, 2017; WINGX, 2023).

В состав флота бизнес-джетов входят в первую очередь различные модификации самолетов Cessna, Boeing, Gulfstream (все — США), Airbus (Западная Европа), Dassault Falcon (Франция), Bombardier (Канада), Embraer (Бразилия) и др. Бизнес-джеты подразделяются на легчайшие, легкие, легкие+, средние/среднемагистральные, средние+, тяжелые/большие/дальнемагистральные, сверхдальнемагистральные, бизнес-джеты VIP-класса и другие категории. Легкие бизнес-джеты вмещают 6–7 пассажиров и способны на беспосадочный перелет на расстояние 2–3,5 тыс. км, средние в состоянии переместить без посадок 8–9 пассажиров на расстояние 2,5–5,5 тыс. км, большие — 10–16 пассажиров на расстояние 6,5–11 тыс. км, сверх-

дальнемагистральные – 12–16 пассажиров на расстояние 4,5–12,5 тыс. км, бизнес-джеты VIP-класса – 16–50 пассажиров на расстояние от 7 до 11 тыс. км¹. Структура мирового флота бизнес-авиации в феврале 2023 г. выглядела следующим образом: легчайших бизнес-джетов было 1,4 тыс., легких – 4,5 тыс., легких+ – 1,5 тыс., средних – 1,78 тыс., средних+ – 2,66 тыс., тяжелых – 2,92 тыс., сверхдальнемагистральных – 2,63 тыс., бизнес-джетов VIP-класса – 244 самолета (WINGX, 2023). Именно дальне- и сверхдальнемагистральные бизнес-джеты и тем более бизнес-джеты VIP-класса в наибольшей степени обладают качествами, с одной стороны, самолетов, а с другой – штаб-квартир крупных компаний и дорогих вилл.

Стоимость подавляющего большинства новых бизнес-джетов колеблется в зависимости от класса самолета в диапазоне от 2 млн до 90 млн долл. США (Finlay, Singh, 2023). Однако самые роскошные бизнес-джеты, принадлежащие богатейшим людям планеты, стоят намного больше. Например, Airbus-380 саудовского принца Абу-Валида ибн-Талала Аль-Сауда, племянника короля Саудовской Аравии, стоит 600 млн долл., Airbus A340-300 известного российского предпринимателя А. Усманова – 350–500 млн долл., Boeing 747-430 султана Брунея – 220 млн долл.² Во многих странах успешно развивается бизнес, связанный с предоставлением бизнес-джетов в аренду – на определенный срок (в лизинг) или на один полет. Стоимость аренды бизнес-джета также зависит от класса самолета: час полета на легком бизнес-джете стоит 2,6–3,1 тыс. долл., на среднем – 3,2–4,3 тыс., на большом – 5,6–8 тыс., на сверхдальнемагистральном – 8–11 тыс., на бизнес-джете VIP-класса – 16–23 тыс. долл.³

Очевидно, что регулярное пользование услугами бизнес-авиации доступно только очень богатым людям. В 2021 г. в мире эксплуатировалось 23 476 бизнес-джетов (WINGX, 2022) и насчитывалось 7068 лиц с состоянием свыше 500 млн долл. и 77 425 лиц с состоянием от 100 млн до 500 млн долл. (Credit Suisse Research Institute, 2022). Можно заключить, что владеть бизнес-джетами или регулярно брать их в аренду под силу только лицам, состояние которых превышает 100 млн долл. Их мы условно и будем считать бизнес-элитой.

Характеристики развития бизнес-авиации

Важнейшими показателями развития бизнес-авиации любой страны выступают число зарегистрированных бизнес-джетов, а также количество их вылетов с ее аэродромов. Рассмотрим с этой точки зрения 20 стран с наибольшим количеством вылетов бизнес-джетов. Источником данных об активности бизнес-авиации служит сайт немецкой компании WINGX – мирового лидера в области исследований и консалтинговых услуг, связанных с бизнес-авиацией (WINGX, 2022). На момент написания статьи этот интернет-сервис предоставлял в полном объеме данные о бизнес-авиации в мире только за 2021 г. Сопоставим указанные параметры ее развития с числом лиц с состоянием свыше 100 млн долл. Измерим уровень эксплуатации бизнес-авиации бизнес-элитами, введя для этого специальный индикатор – отношение совокупного количества вылетов бизнес-джетов к числу лиц с состоянием свыше 100 млн долл. в этой стране (табл. 1).

¹ Private jet rental cost. <https://www.paramountbusinessjets.com/private-jet-rental-cost>

² 10 of the most expensive private jets in the world. <https://www.jetfinder.com/most-expensive-private-jets/>

³ Private jet rental cost. <https://www.paramountbusinessjets.com/private-jet-rental-cost>

Бизнес-джеты и бизнес-элиты в 20 странах-лидерах в 2021 г.

Страна	Флот бизнес-джетов, ед.	Количество вылетов бизнес-джетов	Число лиц с состоянием свыше 100 млн долл., человек	Индикатор эксплуатации бизнес-авиации, вылетов/человек
1. США	18 319	2 364 381	37 466	63,11
2. Франция	4063	83 335	1399	59,57
3. Мексика	5057	71 848	298	241,1
4. Германия	3095	68 038	3672	18,53
5. Великобритания	3934	58 546	1388	42,18
6. Канада	4203	56 477	2035	27,75
7. Италия	3481	55 674	1356	41,06
8. Испания	3089	48 671	717	67,88
9. Швейцария	2902	36 288	1079	33,63
10. Бразилия	1038	34 926	844	41,38
11. Россия	1496	32 578	1741	18,71
12. Турция	1651	22 617	170	133,04
13. Багамы	4649	19 914	н/д	–
14. Греция	2237	18 456	31	595,35
15. Австралия	321	16 905	1685	10,03
16. Австрия	1754	16 864	308	54,75
17. ОАЭ	1897	12 992	284	45,75
18. Индия	446	11 969	1960	6,11
19. Китай	440	11 323	12 693	0,89
20. Нидерланды	1607	10 170	499	20,38
Мир в целом	23 474	3 321 107	84 493	39,31

Примечание. Страны ранжированы по количеству вылетов бизнес-джетов. Они могут быть зарегистрированы одновременно в нескольких странах.

Источники: составлено и рассчитано по: WINGX, 2022; Credit Suisse Research Institute, 2022. P. 131.

Мировой столицей бизнес-авиации являются США — здесь зарегистрирована большая часть мирового флота бизнес-джетов и зафиксировано подавляющее большинство их вылетов. Безусловно, это связано с тем, что США, будучи первым главным центром глобального капитализма, в котором сосредоточены штаб-квартиры по управлению глобальной экономикой и политикой, наукоемкие и высокотехнологичные производства, инфраструктура престижного и элитного потребления, медицины, образования, отдыха и т. п., характеризуются чрезвычайной концентрацией очень состоятельных лиц. Кроме того, в эту страну активно летают бизнес-джеты богачей из других стран. Неудивительно, что пять самых оживленных маршрутов бизнес-джетов в мире в 2021 г. были внутренними американскими: Нью-Йорк — Нью-Йорк (15 429 вылетов); Лас-Вегас — Лос-Анджелес (11 773); Лос-Анджелес — Лас-Вегас (11 739); Сан-Франциско — Лос-Анджелес (10 554) и Лос-Анджелес — Сан-Франциско (10 455).

Европа, второй главный центр глобального капитализма, закономерно выступает и как второй по значимости центр мировой активности бизнес-авиации. Пятерка самых интенсивных внутриевропейских маршрутов бизнес-джетов в 2021 г. выглядела так: Лондон — Лондон (3488), Лондон — Париж (1966), Париж — Лондон (1895), Лондон — Ницца (1777), Ницца — Лондон (1759) (WINGX, 2022). Как видим, столицей бизнес-авиации Европы является Лондон. На шестом месте в Европе находился маршрут Москва — Санкт-Петербург

(1748). Однако это единственный российский маршрут, который сумел занять заметные позиции в иерархии активности европейской бизнес-авиации.

По значению индикатора эксплуатации бизнес-авиации США заметно превосходят мир в целом и большинство стран, но уступают — и порой значительно — Греции, Мексике, Турции и Испании. Это означает, что, помимо экономической мощи и численности бизнес-элиты, на активность бизнес-авиации в стране влияют природно-климатические преимущества последней, а также наличие развитой рекреационной индустрии. Этим объясняется высокий уровень активности бизнес-авиации на Багамах, в ОАЭ, в Греции, Мексике, Турции, Испании и Италии. С аэродромов этих стран часто взлетают бизнес-джеты, принадлежащие сверхбогачам из других стран, которые летают сюда регулярно с целью отдыха и нередко имеют здесь недвижимость. Можно предположить, что высокая активность бизнес-авиации в Мексике обеспечена бизнес-джетами крупных предпринимателей из США, посещающих курорты этой страны. Высокую интенсивность пользования бизнес-джетами в Мексике и Бразилии можно отчасти объяснить тем, что авиация имеет особое значение в условиях стран Латинской Америки с их протяженными территориями, горами, полноводными реками, джунглями, положением в Мировом океане, что делает воздушный транспорт в этом регионе безальтернативным.

Отметим, что в Китае и Индии с их многочисленными бизнес-элитами бизнес-авиация развита слабо, о чем свидетельствуют низкие значения индикатора эксплуатации бизнес-авиации в этих странах. Данный факт требует осмысления; можно предположить, что в Китае потребность бизнес-элиты в высоком уровне мобильности удовлетворяют высокоскоростные железные дороги, которые активно строят в этой стране.

Примечательно, что во время пандемии COVID-19, когда в мире резко упала активность пассажирской авиации, полеты бизнес-авиации сократились не столь драматично. С 2019 по 2020 г. количество перевезенных авиапассажиров в мире снизилось на 60,31%, а вылетов бизнес-джетов — на 27,21%, в США — на 60,13 и 26,17, в Великобритании — на 81,28 и 36,92, в Германии — на 76,5 и 18,7, во Франции — на 64,99 и 31,21, в России — на 42,63 и 9,29, в Китае — на 36,74 и 14,62% соответственно (WINGX, 2022; World Bank, 2023). Это означает, что даже в условиях частичной деглобализации мировая бизнес-элита остается более интегрированной, чем человечество в целом.

Маршрутизация бизнес-джетов

Важнейшей характеристикой активности бизнес-авиации выступает ее маршрутизация, то есть направление полетов бизнес-джетов. В первую очередь представляет интерес соотношение внутренних и международных маршрутов бизнес-авиации для стран, рассмотренных в таблице 1. При этом из анализа исключим Багамы и ОАЭ, поскольку в силу особого положения в глобальной экономике этих стран частные самолеты из них летают почти исключительно за границу, и добавим Японию исходя из ее значимости (табл. 2).

Видна следующая закономерность: как правило, в больших по площади странах бизнес-джеты используются главным образом на внутренних маршрутах, а в средних и малых — в основном для международных вылетов. В европейских странах (Германия, Франция, Великобритания и др.) преобладание международных вылетов, вероятно, можно объяснить тем, что в них хорошо развит высокоскоростной железнодорожный транспорт, который заменяет

**Доля внутренних вылетов в общем количестве вылетов бизнес-джетов
в ведущих странах в 2021 г. (в %)**

Страна	Доля
Австралия	96,92
США	95,34
Бразилия	94,62
Китай	94,82
Япония	86,74
Индия	84,44
Канада	75,54
Мексика	55,33
Турция	52,16
Россия	42,20
Германия	42,09
Франция	39,12
Италия	36,30
Испания	34,79
Великобритания	32,56
Греция	24,98
Австрия	14,57
Швейцария	8,56

Примечание. Страны ранжированы по убыванию доли внутренних маршрутов.
Источник: рассчитано по: WINGX, 2022.

авиацию во внутренних поездках, либо тем, что в эти страны летают представители бизнес-элит многих стран с целью отдыха (Греция), или сочетанием этих факторов (Италия, Испания). Исключение — Россия: в самой большой стране мира, в которой к тому же слабо развито высокоскоростное железнодорожное сообщение, бизнес-авиация использовалась преимущественно для поездок за пределы страны. Это позволяет сделать вывод, что интересы бизнес-элиты России в большей степени связаны с зарубежными странами.

Обратимся к анализу иерархии международных маршрутов бизнес-авиации. Выделим страны, куда чаще всего направляются бизнес-джеты из ведущих стран (табл. 3). Как видно из данных таблицы 3, международные маршруты бизнес-джетов были нацелены преимущественно, во-первых, на соседние страны, во-вторых, на центры глобальной экономики, в-третьих, на центры элитного потребления, развлечений и отдыха. Закономерно, что Франция и США, совмещающие эти характеристики, чаще всего были главными пунктами назначения для вылетов бизнес-джетов. Иерархия зарубежных маршрутов российских бизнес-джетов свидетельствует об ориентации бизнес-элиты России на элитарное потребление и операции с финансами, поскольку среди маршрутных приоритетов нет Германии — ведущей экономики и индустриально-технологического лидера Евросоюза, хотя она входит в число приоритетных пунктов назначения для бизнес-джетов, вылетающих почти из всех стран Европы. Латвия, по всей вероятности, используется российской бизнес-элитой как самое географически близкое «окошко» в ЕС.

В последние 15 лет в мировой политике важную роль играет группа БРИКС — межгосударственное объединение Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики. О прочности этого союза можно в том числе судить, проанализировав связи бизнес-элит соответствующих

**Иерархия международных маршрутов бизнес-авиации
ведущих стран в 2021 г.**

Страна вылета	Пять стран, в которые было совершено наибольшее число вылетов (доля в общем количестве вылетов из страны, %)
США	Мексика (1,5), Канада (0,82), Багамы (0,74), Теркс и Кайкос (0,16), Пуэрто-Рико (0,16)
Франция	Великобритания (8,81), Швейцария (8,59), Италия (8,16), Испания (6,35), Германия (5,9)
Мексика	США (42,81), Канада (0,52), Багамы (0,32), Доминиканская Республика (0,13), Коста-Рика (0,11)
Германия	Франция (7,17), Испания (6,99), Италия (5,3), Великобритания (4,98), Австрия (4,8)
Великобритания	Франция (12,84), Испания (7,56), Германия (5,98), Италия (5,52), Швейцария (5,49)
Канада	США (20,73), Багамы (0,65), Мексика (0,44), Великобритания (0,31), Исландия (0,3)
Италия	Франция (12,82), Швейцария (6,86), Германия (6,45), Великобритания (5,84), Испания (5,6)
Испания	Франция (10,89), Германия (9,46), Великобритания (9,32), Италия (6,28), Швейцария (5,65)
Швейцария	Франция (19,26), Германия (11,4), Италия (10,41), Великобритания (9,41), Испания (7,44)
Бразилия	США (0,87), Уругвай (0,6), Аргентина (0,55), Багамы (0,39), Парагвай (0,25)
Россия	Италия (5,6), ОАЭ (4,16), Турция (3,92), Швейцария (3,77), Латвия (3,55)
Турция	Россия (6,12), Греция (4,43), Украина (2,78), Германия (2,35), Франция (1,91)
Греция	Италия (7,96), Франция (6,05), Турция (5,45), Великобритания (5,43), Швейцария (4,41)
Австралия	Новая Зеландия (0,86), США (0,36), Норфолк (0,31), Папуа-Новая Гвинея (0,23), Новая Каледония (0,2)
Австрия	Германия (19,33), Италия (8,47), Швейцария (8,11), Франция (7,91), Испания (4,94)
Индия	ОАЭ (7,96), Мальдивы (1,39), Великобритания (0,79), Турция (0,41), Оман (0,33)
Китай	США (0,93), Россия (0,87), Гонконг (0,81), Сингапур (0,61), Макао (0,42)
Нидерланды	Франция (14,88), Германия (12,8), Великобритания (12,58), Испания (11,31), Швейцария (7,77)
Япония	США (4,23), Россия (1,43), Южная Корея (1,07), Гонконг (1,03), Филиппины (0,94)

Примечание. Страны ранжированы по количеству вылетов бизнес-джетов.

Источник: рассчитано по: WINGX, 2022.

стран. Сравним частоту вылетов бизнес-джетов из них в другие страны БРИКС с частотой вылетов в два главных центра глобального капитализма — США и Западную Европу (табл. 4).

Как можно видеть, бизнес-джеты из всех стран БРИКС летают прежде всего в США и Западную Европу, что говорит о преимущественной ориентации бизнес-элит большинства стран БРИКС на связи с США и с Западной Европой. В соответствии с территориальной логикой для Бразилии на первом плане — США, для России, Индии и ЮАР — Западная Европа. Исключением выглядит Китай, откуда бизнес-джеты вылетали с примерно одинаковой интенсивностью в США и Россию. На интеграцию в главные центры глобального капитализма была ориентирована бизнес-элита России. Очевидно, ее зарубежные капиталовложения, деловые связи в целом, недвижимость, отдых и развлечения были связаны главным образом с Западной Европой, меньше —

**Количество вылетов бизнес-джетов из стран БРИКС
в страны БРИКС, США и Западную Европу в 2021 г.**

Страна	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР	США	6 стран Западной Европы*	Доля совокупных вылетов в страны БРИКС в совокупных вылетах в США и 6 стран Западной Европы, %
Бразилия	33 079	2	–	–	9	305	167	2,33
Россия	1	13 747	38	83	6	118	6671	1,89
Индия	–	34	10 150	0	4	4	162	22,62
Китай	–	99	4	10 608	–	105	71	58,52
ЮАР	7	7	4	–	3304	–	88	20,45

Примечание. * Великобритания, Германия, Франция, Италия, Испания и Швейцария.
Источник: рассчитано по: WINGX, 2022.

с США, еще меньше — с Китаем, совсем незначительно — с Индией и почти отсутствовали в случае Бразилии и ЮАР. Это заставляет сделать вывод, что БРИКС к 2021 г. был в первую очередь политическим объединением, а не союзом, основанным на единстве экономических интересов. Интеграция политических элит этих стран заметно опережала интеграцию их бизнес-элит.

Очевидно, что обострение международной обстановки из-за конфликта на Украине в 2022–2023 гг. и введение санкций против России привели к свертыванию связей российской бизнес-элиты с США и Западной Европой и к их расширению с Китаем и Индией. Но интенсифицировались ли связи российской бизнес-элиты с бизнес-элитами других стран БРИКС — пока сказать сложно.

Отметим и тенденцию, согласно которой бизнес-джеты служат не только для перемещения из одного города в другой, но и для внутригородской мобильности — бизнес-авиация стала превращаться в разновидность городского транспорта, что вполне логично, если учитывать разрастание мегаполисов в колоссальные городские агломерации и проблему автомобильных пробок. Помимо Нью-Йорка, бизнес-авиация в 2021 г. играла большую роль в городских коммуникациях Лос-Анджелеса (10 373 вылета внутри города), Чикаго (4737), Сан-Франциско (3543), Лондона (3488), Хьюстона (3249), Сан-Паулу (2593), Далласа (2363), Атланты (2131) и Торонто (1812). Гораздо более скромная роль бизнес-авиации в перемещении богачей была в Париже (334), Москве (290), Мехико (250), Пекине (116) и Санкт-Петербурге (43). Тенденция превращения бизнес-джетов в городской транспорт для сверхбогатых, скорее всего, будет усиливаться во всех странах.

**Концентрация активности бизнес-авиации
в ведущих странах**

Большой интерес представляет анализ иерархии центров активности бизнес-авиации ведущих стран и степень концентрации этой активности в данных центрах, что позволяет соотносить интересы национальных бизнес-элит с интересами развития их стран. Выделим для каждой страны иерархию из

пяти городов с наибольшим количеством вылетов бизнес-джетов и рассчитаем долю в общем количестве вылетов по стране суммы вылетов из этих пяти городов, что покажет концентрацию активности бизнес-авиации (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Пять центров активности бизнес-авиации в ведущих странах в 2021 г.

Страна	Пять городов с наибольшим количеством вылетов бизнес-джетов (доля в количестве вылетов по стране, %)	Совокупная доля пяти городов в количестве вылетов по стране, %
Россия	Москва (60,34), Санкт-Петербург (12,41), Сочи (3,57), Казань (3,25), Екатеринбург (1,77)	81,34
Турция	Стамбул (38,86), Бодрум (12,46), Анкара (12,46), Анталия (9,11), Даламан (6,39)	79,29
Великобритания	Лондон (64,4), Сент-Хелиер (3,24), Манчестер (3,15), Глазго (2,12), Борнмут (2,01)	74,92
Испания	Мальорка (17,47), Мадрид (14,86), Ибица (13,77), Малага (13,49), Барселона (10,42)	70,00
Индия	Нью-Дели (23,58), Мумбаи (19,54), Ченнаи (7,91), Ахмадабад (7,51), Пуна (3,40)	61,94
Франция	Париж (27,90), Ницца (20,41), Каннны (6,06), Тулон (3,68), Лион (3,65)	61,70
Бразилия	Сан-Паулу (33,04), Рио-де-Жанейро (10,39), Бразилиа (7,14), Белу-Оризонте (6,84), Гояния (3,95)	61,36
Италия	Милан (22,76), Рим (13,61), Ольбия (9,71), Неаполь (6,6), Венеция (6,26)	58,95
Китай	Пекин (18,99), Шанхай (15,78), Шэньчжэнь (11,65), Гуанчжоу (6,00), Санья (5,86)	58,27
Мексика	Мехико (20,32), Монтеррей (12,91), Сан-Хосе-дель-Кабо (9,84), Кабо-Сан-Лукас (6,17), Пуэрто-Вальярта (5,53)	54,77
Япония	Токио (23,47), Нагоя (9,73), Титосэ (7,91), Токонамэ (7,22), Оита (4,65)	52,96
Канада	Торонто (19,27), Калгари (10,3), Монреаль (9,72), Ванкувер (8,27), Эдмонтон (4,77)	52,33
Германия	Мюнхен (13,88), Берлин (10,21), Дюссельдорф (7,44), Штутгарт (7,35), Франкфурт-на-Майне (6,95)	45,94
Австралия	Сидней (15,3), Мельбурн (10,64), Перт (8,82), Брисбен (5,34), Канберра (4,93)	45,02
США	Нью-Йорк (5,73), Лос-Анджелес (4,23), Чикаго (2,44), Даллас (2,38), Хьюстон (2,19)	16,97

Примечание. Страны ранжированы по концентрации вылетов бизнес-джетов в пяти городах с наибольшим количеством вылетов.

Источник: рассчитано по: WINGX, 2022.

Ведущие центры активности бизнес-авиации во всех странах включают две категории городов. Во-первых, крупные города, являющиеся центрами экономической жизни, — Нью-Йорк, Лондон, Мюнхен, Москва, Пекин, Стамбул, Сан-Паулу и т. д. (Столицы США и Канады не вошли в пятерку основных центров активности бизнес-авиации этих стран.) Во-вторых, небольшие города, являющиеся в силу природно-климатических условий центрами курортной жизни, — Мальорка, Ибица и Малага в Испании, Ольбия в Италии, Сочи в России, Санья в Китае, Ницца, Каннны и Тулон во Франции, Бодрум и Анталия в Турции, Сан-Хосе-дель-Кабо, Кабо-Сан-Лукас и Пуэрто-Вальярта в Мексике.

Среди рассматриваемых 15 ведущих стран по концентрации активности бизнес-авиации Россия была лидером. При этом по указанному показателю для ведущего центра — Москвы Россия значительно опередила все другие страны, кроме Великобритании. Но это страна с относительно небольшой площадью, и высокий уровень концентрации активности бизнес-авиации в Лондоне вполне закономерен. Если сравнивать с крупными по площади странами, то есть с Канадой, Китаем, США, Бразилией, Мексикой, Австралией и Индией, то гиперконцентрация активности бизнес-авиации в столице самой крупной страны мира — уникальное явление. Примечательно, что для Москвы характерна большая концентрация активности бизнес-авиации, чем совокупно для пяти ведущих центров активности бизнес-авиации США, Китая, Германии, Италии, Мексики, Японии и других стран. Оптимальным для больших стран выглядит уровень концентрации активности бизнес-авиации, характерный для США, приемлемым — свойственный Австралии и Канаде.

Высочайший уровень концентрации активности российской бизнес-авиации в Москве и немногих городах подтверждает существование тревожной с точки зрения интересов РФ тенденции — бизнес-элиты России связывает свое социальное бытие с немногими территориями нашей огромной страны. Этим она отличается от бизнес-элит большинства других стран.

* * *

Бизнес-авиация выступает, вероятно, наиболее зримым воплощением сжатия пространства и времени, характерного для глобализации. Процесс глобализации диалектичен, поскольку существуют противодействующие тенденции, обусловленные, в частности, в 2020–2023 гг. пандемией COVID-19 и осложнением международной ситуации в связи с конфликтом на Украине, что дало повод многим авторам говорить о деглобализации. Однако данные тенденции лишь тормозят глобализацию, но не упраздняют и даже не обращают ее вспять. Сетью своих маршрутов бизнес-авиация продолжит связывать в единое целое и отдельные страны, и всю планету.

Однако если для ведущих стран характерно более или менее гармоничное развитие бизнес-авиации (и бизнес-элит), сопряженное с их долговременными интересами, то в России ситуация иная. Маршрутизация российской бизнес-авиации показывает ориентацию отечественного крупного бизнеса, с одной стороны, на интеграцию с Западной Европой и США в ущерб связям со своей страной, а с другой — на присутствие на немногих территориях внутри России, в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге.

Список литературы / References

- Carroll W. K. (2010). *The making of a transnational capitalist class. Corporate power in the twenty-first century*. London, New York: Zed Books.
- Credit Suisse Research Institute (2022). *Global wealth databook 2022*. Credit Suisse Group AG.
- Finlay M., Singh S. (2023). How much does it cost to rent a private jet? *Simple Flying*, April 1. <https://simpleflying.com/private-jet-rental-cost/>
- Harris J. (2012). Global monopolies and the transnational capitalist class. *International Critical Thought*, Vol. 2, No. 1, pp. 1–6. <https://doi.org/10.1080/21598282.2012.660035>

- Kantor L. (2017). Bilderberg group and transnational capitalist class: Recent trends in global elite club as vindication of neo-Marxism. *Critique*, Vol. 45, No. 1–2, pp. 183–204. <https://doi.org/10.1080/03017605.2016.1268458>
- Knight Frank (2017). *The wealth report 2017*.
- Robinson W. I. (2017). Debate on the new global capitalism: Transnational capitalist class, transnational state apparatuses, and global crisis. *International Critical Thought*, Vol. 7, No. 2, pp. 171–189. <https://doi.org/10.1080/21598282.2017.1316512>
- Sener M. Y. (2007). Turkish managers as a part of the transnational capitalist class. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 13, No. 2, pp. 119–141. <https://doi.org/10.5195/jwsr.2007.349>
- Sklair L. (2001). *The transnational capitalist class*. Oxford: Blackwell.
- WINGX (2022). *Flights 2021*. <https://wingxlive.com/app/main#/dashboards/620bba023a926628243f0f86?embed=true&h=false&t=false&l=false&r=true&volatile=true>
- WINGX (2023). *Daily tracker, global business aviation activity*. <https://wingx-advance.com/daily-tracker-basic/>
- World Bank (2023). *World Bank data. Air transport, passengers carried*. <https://data.worldbank.org/indicator/IS.AIR.PSGR>
-

The winged chariots of Plutos: Business jets and business elites

Azat B. Rakhmanov

Author affiliation: Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
Email: azrakhmanov@mail.ru

Business elites of different countries use business aviation to move around the planet. Its development pattern reflects the peculiarities of business elites. The most important parameters of business aviation activity are the number of business jets registered, the number of their departures, as well as the routing of departures. Business aviation is used mainly for domestic flights in most large countries. Russia is an exception — notwithstanding its enormous size and underdeveloped high-speed railroads, Russian business jets are mostly used to fly abroad, mainly to Western European countries. That means that the Russian business elite is more cosmopolitan in its interests, lifestyle and outlook than business elites of many other countries. The distribution of internal activity of business aviation is an important indicator of its development. Many countries have this activity more or less evenly distributed throughout their territory. In contrast, business aviation activity in Russia is concentrated in a few large cities, primarily in Moscow.

Keywords: globalization, global society, global capitalist class, business elite, aviation, business aviation, business jet, BRICS.

JEL: A14, Z13.

Льготная подписка для физических лиц (печатная версия)

Извещение	НП «Вопросы экономики» ИНН 7727071670, КПП 772701001, р/с 40703810687900000002 в ПАО «Росбанк» г. Москва, к/с 30101810000000000256, БИК 044525256 Ф.И.О.: _____ Адрес доставки (с индексом): _____ _____ <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <th style="width: 70%;">Назначение платежа</th> <th style="width: 30%;">Сумма</th> </tr> <tr> <td>Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2024 г. (для подписчиков из РФ)</td> <td style="text-align: center;">6600 – 00</td> </tr> </table> С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ « ____ » _____ 2023 г. (подпись плательщика) (дата платежа)	Назначение платежа	Сумма	Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2024 г. (для подписчиков из РФ)	6600 – 00
Назначение платежа	Сумма				
Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2024 г. (для подписчиков из РФ)	6600 – 00				
Кассир					
Квитанция	НП «Вопросы экономики» ИНН 7727071670, КПП 772701001, р/с 40703810687900000002 в ПАО «Росбанк» г. Москва, к/с 30101810000000000256, БИК 044525256 Ф.И.О.: _____ Адрес доставки (с индексом): _____ _____ <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <th style="width: 70%;">Назначение платежа</th> <th style="width: 30%;">Сумма</th> </tr> <tr> <td>Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2024 г. (для подписчиков из РФ)</td> <td style="text-align: center;">6600 – 00</td> </tr> </table> С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ « ____ » _____ 2023 г. (подпись плательщика) (дата платежа)	Назначение платежа	Сумма	Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2024 г. (для подписчиков из РФ)	6600 – 00
Назначение платежа	Сумма				
Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2024 г. (для подписчиков из РФ)	6600 – 00				
Кассир					

Для оформления подписки через Редакцию: 1) вырежьте бланк квитанции (или распечатайте его с нашего сайта: www.vopreco.ru, где выложены также квитанции для подписчиков из стран СНГ и на годовую подписку); 2) разборчиво заполните графы «Ф.И.О» и «Адрес доставки (с индексом)»; 3) оплатите квитанцию в любом банке или воспользуйтесь указанными в ней реквизитами для оплаты онлайн. Оплаченная квитанция является документом, подтверждающим заключение Вами договора подписки. Журналы будут доставляться Вам заказной бандеролью по указанному в квитанции адресу. Доставка включена в стоимость подписки. **Телефон для справок: (499) 956-01-43**

Технический редактор, компьютерная верстка — **Т. Скрыпник**
 Корректор — **Л. Пушаева**

Учредители: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“»; Институт экономики РАН.
Издатель: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“». Журнал зарегистрирован в Госкомитете РФ по печати, рег. № 018423 от 15.01.1999. **Адрес издателя и редакции:** 119606, Москва, просп. Вернадского, д. 84. **Тел./факс:** (499) 956-01-43. **E-mail:** mail@vopreco.ru

Индекс журнала в каталоге «Подписные издания» Почты России — П6302. Цена свободная.

Подписано в печать 06.10.2023. Формат 70 × 108^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,00. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 450 экз.

Отпечатано в АО «Красная Звезда». Адрес: 125284, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38. Тел.: (495) 941-34-72, (495) 941-28-62. www.redstarph.ru. Заказ № 3397-2023.

Перепечатка материалов из журнала «Вопросы экономики» только по согласованию с редакцией. Редакция не имеет возможности вступать с читателями в переписку.

© НП «Вопросы экономики», 2023.